

НАУЧНЫЙ ПАТРОНАЖ:
"WORLD
MARTIAL ART TRADITIONS
&
CRIMINALISTIC RESEARCH
OF WEAPON USE"

РУКОВОДИТЕЛЬ НАУЧНОЙ ГРУППЫ ПЕРЕВОДА:
РН.Д ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

КНИГУ ПЕРЕВЕЛИ:
ИРИНА ЛОПАТЮК И ВАЛЕРИЯ БЕРМАН

ОДЕССА 2018

Їеронимо Санчес де Каранза

Философия оружія и мастерство владенія им.
Христианская атака и защита.

Диалог № 2

Переводчики: Попатюк А. А., Берман В. А.
Язык оригинала: староиспанский
Тбг: 2018

Днепр
«Середняк Т.К.»
2018

Херонимо Санчес де Каранза

Философия оружия и мастерство владения им. Христианская атака и защита.
Диалог № 2—Днепро: Середняк Т. К., 2018, — 86 с.

ISBN 978-617-7696-69-7

Второй диалог трактата «Философия оружия» глобально и, в частности, рассматривает ложную, ненастоящую дестрезу, обналичивая обманы обычных фехтовальщиков и другие вещи; рассказывает о лицемерии стелых и отважных, и об их развращенной дисциплине.

Автор здесь делает опору на Аристотеля, Платона, в частности, на их философию.

© Херонимо Санчес де Каранза 2018

© Попатюк А. А. 2018

© Берман В. А. 2018

ВТОРОЙ ДИАЛОГ ГЛОБАЛЬНО
И В ЧАСТНОСТИ РАССМАТРИВАЕТ ЛОЖНУЮ,
НЕНАСТОЯЩУЮ ДЕСТРЕЗА, ОБНАЛИЧИВАЯ
ОБМАНЫ ОБЫЧНЫХ ФЕХТОВАЛЬЩИКОВ
И ДРУГИЕ ВЕЩИ.

ПРОЛОГ КОМАНДОРА ИЕРОНИМО ДЕ КАРРАНЗА БЛАГОРОДНЫМ ДВОРЯНИНАМ

Эная ущерб и опасность, принятые во внимание от беспорядочного самоненения, высокомерия невежественных людей, которые со всей осторожностью во всеуслышание всегда следуют этому, – мне всегда казалось, что никакая сила остроумия или красноречия и никакие замечания не закаляют волю и желания, когда примеры предлагаемых работ и мест находятся перед глазами людей. Я хотел выразительно рисовать с теми же цветами, к которым привыкла жизнь, и дестрезой поддельных храбрецов, чтобы они увидели это с новым желанием и терпением, и изменили стиль своей прошлой жизни, преобразуя ее в другую, новую форму действия, сохраняя сопровождение других сторон, которые больше приносят пользу, чтобы добиться славы, служба Тьсподу Богу и более пригодны для общего блага. И сегодня все больше людей избегают таких людей, наглых и высокомерных по природе своей, которые находили подготовку в других, которые считали хорошим вред, который они делают и запминают; что они говорят и верят в ложь, которую придумали, чтобы делать то, что хотят, в соответствии с разнузданной энергичностью своих низких желаний, не боясь быть наказанными в какое-то время, ибо ни одного благородного человека нельзя с ними сравнить, которые собирают всю смелость и дерзость, остеливаясь говорить и делать зло, которое им кажется добром. Справедливость для них менее драгоценна, потому что они уже опошлили ее и столкнулись с причиной небрежной добродетели. Они следуют за своей поврежденной фантазией до тех пор, пока не окажутся в опасности, и, опьяненные сладостью своих беззаконий, принимаемые их представителями, которые беззастенчиво говорят все, что придет им в голову, окруженные невероятной наглостью всех людей, которые к тому же еще и невежественные, видя, что они делают зло, которое хотят, и избегают победителей зла, которые предпринимают меры. Они и являются авторами лжи, которые без наказания уверенно целиком отдают себя греху, и с ней

— всем порокам и дурным привычкам, руководствуясь подлостью с беспорядочными порывами и импульсами, посредством которых очень быстро можно поставить в опасное положение свою жизнь и честь. А некоторые стыдливые подвергаются упрекам, чтобы впредь быть более остервененными и не попадаться в подобные цепи, а возбужденные подмастерья с желанием и слабой похвалы получили больше мужества и смелости, чтобы показать себя с достоинством, всегда указывая на молодых мужчин, превращая природу плохого чувства в благородную и постоянную привычку добродетели. И это станет для всех примером, который подавляет беспорядочные импульсы и желания молодых мужчин подмастерьев, которые нарушают повиновение, останавливая, словно в узкой камере тюрьмы, их припадки и безоглядную дерзость. Жесткость их характера ты не можешь укротить силой, тяжесть бремени добродетели послужит причиной, почему у них будет больше внимания и беспокойства на пути следования курсу своей жизни, избегая таких разговоров, обижаясь на служение Богу. И их жизнь всегда приносит рискованные шаги, потому что это очевидная и известная вещь, что они мужчины, которых это сопровождало еще с молодости, потому что будучи юношами — у них нет опыта, но будучи старше, у них появляются желания к большим вещам, как будто большая их часть привыкла быть великим интеллектом и умом, и они легко переходят на личности, развращая чистые намерения и желания высокомерием и заносчивостью, которые ослепляют и приносят многое, что может быть отличным и оставляет след в молодых мужчинах. Но обманывая их, вы думаете связать себя с грустными вещами, что гораздо проще, подтверждая в прославленном названии силу и мужество, которые не настолько нечестно предоставляется всем, кто стремится быть в их числе, как если бы он не увидел и не понял, исходя из опыта, что они всегда порождались по большей части своими братьями и отбавными быками и лошадьми, создавая силу своих родителей, а свирепые орлы никогда не порождают трусливых голубей. Но каким способом это достигается или прилагаются усилия в пользу искусства или предлагается то, чего они из-за отношения духа явно не могут достичь или покончить с людьми, обвиненные в том, что они жалкие от такого тщетного воображения и лжи, которые они постигают в своих умах. И, если на случай это предлагается много раз, — я видел, и полагаю, что некоторые из них имеют необходимость достижения точки этих трагедий, которые проходили в их фантазиях, которые были потерянны, как будто бы их было легко представить и предложить понимание. Они сделали бы это и ввели в работу, как если бы это были бесполезные мечты. Во время нужды они далеко находятся от памяти, оставляя их беззащитными посреди опасности, используя затем свое оружие, презрение, высокомерие и угрозы с тем же эффектом, как видит это олень, ибо вещи довольно странные. И опасности, которые возрастали для многих людей настолько упорных и настойчивых в своих дурных наклонностях, что их почти не

приходилось исправлять, кроме как корректировать враную и сдерживать их. Мне кажется, что было бы хорошо подражать в этом древней традиции, когда спартанцы часто ставили парком молодых мужчин с общественными пороками. Слуг заставляли пить много чистого вина до тех пор, пока они не были пьяны и без чувств, и, придерживаясь этой манеры, их таким образом сгущенных и ясных отводили туда, где находилась молодежь Спарты, чтобы оттачивать и постигать зрение и образ очень безобразный и некрасивый, и для чего в бреду и пьянстве рабов они видели свое изображение, представленное нечеткими смазанными примерами, в которых они чрезмерно презирали такую терзость, потому что, как говорит Анахарсис, чье остроумие по-видимому не выросло в жесткости характера и излишнего невежества варвара скифии, а больше порождалось в полиции и либеральных дисциплинах Греции, – было бы пересажено воздержание мужчин от вина, если бы они выставили перед глазами неуклюжие движения одурманенных выпивкой. Так, в настоящее время я выставляю перед глазами толпы плохую жизнь и продажные обычаи тех, кто с таким беспорядочным отношением упивается в сладость пороков. Мне кажется, что вводить в заблуждение молодых мужчин с нынешними примерами будет состоять в том, что сегодня это более отвратительная, противная жизнь тех, где ухаживания и необъятная дерзость наполняют главную часть города, мешая спокойствию и умиротворенности многих, и мешая там, где для других истинный путь – путь добродетели. Тех, которые, по крайней мере, постепенно корректируются путем внесения поправок в некоторые из многих пороков. Итак, ты прекращаешь оглашать это в любимом занятии, где завтра будут главные болезни по курсу политической жизни и погибель изобретательности и находчивости, которые начинаются какие они есть, где можно узнать, что плохой возраст легко отпечатывается на поведении. И это правда, что те, кто в нежном возрасте не зрелые (во младенчестве), такие должны постоянно учиться. И так пожизненно, по ним можно четко судить каждого, по причине ли возникает такая бдительность в этом случае для того, чтобы привить здесь и на будущее в души молодых людей то, что закаляет: любовь к добродетели и что не портит привычки. Это действительно хорошая дестреза, которая способствует возникновению в них любви к добродетели, и это четкое понимание и истинный выбор чистых и честных мнений. И будет расти в них с таким же желанием аичность увеличить добродетель и, наоборот, уменьшить недостатки, как будто это только для пользы близких, а не для себя они были рождены. Хотя с другой стороны мне кажется, что это неблагодарность болгарских фехтовальщиков, из-за которой их порицают, что не знают великих преимуществ, которые получают, не понимают пользу наставника, что из этого получится, не приняв полезные советы, не оценивая примеры по реальным правдивым вещам, которые, чтобы убедить их, представлены перед

глазами. И это правда, что те, кто за свою большую работу получают от невежд и завистников упреки или презрения, как компенсацию вознаграждения, что справедливо, они имеют большой шанс потерять впоследствии душу. И я часто видел, как некоторые, которые придираются, – теряют силу, что хотят продолжать честные и плодотворные труды добродетели... но мы в этом видим сигнал, который хорошо указывает на других, которые беспричинно плохо усваивали или плохо проявили себя, давая всем ученым и благоразумным людям свое мнение для публикации. Можно легко судить о том, что было видно в зеркале и что реагирует на изображение, которое мы считываем, представленное без прикрас. Хочется спорить с автором как с универсальным порицателем общественных пороков, потому что невежественные фехтовальщики позже потеряют свои древние привычки и обычаи, и больше будут вынуждены изменять свое поведение, почти заставленные с одной стороны законом, а с другой – путем разума и добродетели, и это не из-за неискренних чувств людей, которые часто снискивают чье-либо расположение, льстят другим и по сходствам приписываются к своим порокам и закрывают глаза, по причине того, что они следуют по обыкновенному, низкому пути, не иначе, как если бы они имели просвещенные и превосходные достоинства. Всё это я говорю потому, что человеческое состояние такого качества, что, когда однажды будет падать, не будет иметь конца или какой-то середины, не будет останавливаться, пока не будет предано порокам в самом плохом конце ущерба. Только жениться на том воображении и сумасшедшей мысли, которая больше состоит из тщетной тени счастья, которую невежды себе представляют как правду и истинную славу добродетели, в которой была причина того, что мы могли бы быть склонны не ложно тиранить репутацию, которая принадлежит хорошим и добродетельным людям, которые владеют своей собственной, потому что те, кого уговаривают и все другие, кому удовольствие, безделье и порок приносят управление своего своеволия, они завидуют тем, которые могли двигаться без усталости по тесной тропе добродетели, страдая с плохим духом. Были люди, у которых есть и которые идут по этой тропе, чего им самим не хватает. Честь и достоинство под многими предлогами узурпированы обманами, понимая, что уважение, почтение достигаются от предательств и зависти также, как и за счет силы и истины. Но я больше говорю тем, кто обманывает публично, что, хотя тирания – это очень сладкое тесто и состояние, где все кротко завидуют, что доставляет удовольствие, и не имеют ни другого выхода, ни конца, а только просторный вход в преисподнюю. Но те, кто принимают такие предупреждения, потому что они похожи на людей, они потом имеют больше уважения к предмету или частному лицу или используют подобные обманы с людьми, достойными серьезных наказаний, и которые подавляют публику. Но мне кажется, что положение в этом методе находится против молитвы вульгарного

фехтовальщика, и в соответствии с опытом я достиг того, где опытные и впредь предупреждаю и приобретаю истину этих повреждений и живу более спокойно и миролюбиво. Я уже понимаю, что необходимо, чтобы с этой причиной молодые юноши, добродетель, хорошие привычки, которые растут с возрастом, и больше подтверждаются в добрых делах, давали хорошие результаты им самим, общему благу и славе Богу. Уже в прошлом ты решил все сомнения, которые были выдвинуты против дестрезы и попробовали основные вещи, которые касаются теории, чтобы объяснить и изложить это, особенно в других местах, видя сейчас, что зло никогда не теряется, не стучается, а постоянно растет, не довольствуясь той правдой, которая была изложена в первом диалоге. Мне казалось, что в этом нужно также показать причину ошибочности тех, которые имеют по меньшей мере плохую ошибку во всем, в чем они сознаются, и тех, которые игнорируют то, что состоит из здравого смысла в знакомстве с людьми, потому что только те, которые восхищаются мудрецами, знают свое невежество, и поэтому они также ясно видят, как они не находятся в большей части того, что есть в дестрезе, где не подражают вульгарному фехтовальщику, чье невежество всегда основывается на его принципах и законах, где лучше обращаются и более естественно с теми, кто может создать секты и обычаи ложных фехтовальщиков, описывая вживую свое обращение, чтобы те, кто видит это, смогли откорректироваться и исправить свою жизнь. С сегодняшнего дня и впредь, те, кто их не знает, увидев это, боялись войти в лабиринт столь запутанный, где находится наибольшее зло из всех зол, что может быть у человека — это ложное мнение на то, что нужно в жизни, потому что нельзя с правдой говорить Артему, что наука не основывается на доводах и аргументах, ни состоит из необходимых принципов. А, чтобы лучше понимать, — вульгарным фехтовальщикам не хватает многого, когда возникает случай, который ты берешь во внимание как часть истинной дестрезы, объявляя ложным их своеволие. Так, повсеместно и в частности, ты снимаешь маски с профессоров, с которыми они до этого момента обманывали весь мир своей ложью, и трудность имеет вид полной силы дестрезы, чтобы действовать и создавать истинные вещи, которыми она обучает. Становится необходимым то, что дает закон, потому что они знают свою ложь, а люди благоразумные навсегда дали им свою руку, как людям, которые не знают, где будут аргументы и доводы, которые меньше знают, куда должен идти меч, что основывается на этом, не полагая, что это фехтовальщик, пока он не окажется в опасной ситуации и не докажет, что это решающий критический момент, для чего была выдвинута наука и проделан опыт, полагаясь на чье-то поручительство и доктрину, которая обучает, потому что величие дестрезы и ее истинных результатов больше состоит в хорошем использовании, владении и трудности фехтовальщиков. Некоторым может показаться любопытным бестактность писать об этой работе высокими и новыми

категориями, связывая материалы с диалогом о ложной дестрезе. Они считают, что это каким-то образом упраздняет оценку автора, которая не была без советов, потому что он общался с учеными и религиозными людьми. А, хотя некоторые из них были равнодушны вначале, – потом они увидели причину и поняли исправления и изменения, к которым их призывают, заявляя, что необходимо обуздать пороки, нечестие общественности и поточь с желаниями, склоняя к части большинства с мнениями, и со всем, обобщенным мною. Я был назначен это выполнить, потому что, если ошибиться в железе, и если было более квалифицированно искать для каждого возражения и извинения, то это положение всеобщей коррекции для всех государств и народов.

Второй диалог рассказывает о лицемерии смелых и отважных и их развращенной дисциплине после того, как Чарилло, как опытный в назначении оружия, объяснил любую часть настоящей дестрезы. Все были очень довольны его доводами, аргументами и умозаключениями, продолжая обсуждать одно с другим, находя в этом большую достоверность, точность и частичную истину. Они также хотели бы видеть демонстрацию мастерства, чтобы продолжать использовать это со всей тщательностью и усердием. А с этой жаждностью к знаниям они выделили во дворе один день, который начинался намного раньше, чем обычно, и после они пользовались аргументами и сомнениями, что доблестный герцог обращался с ними как с теми, кто знал полностью части истинной дестрезы, и очень радовался насыщенным слышанным ответам, которые они давали относительно всех вещей, которые предлагались, с охотой и редкой любезностью. Они почитали это больше после того, как выслушали тессу. После этого он дал им увольнение, и они пошли вместе на своих лошадях к месту, где были накануне, разговаривая по пути о рассудительности и находчивости, с которыми этот принц дискутировал о вещах кавалерии, превознося и расхваливая каждую часть, не найдя того, что было общим, прежде чем все части оцениваются как превосходные и отбираются те, которые упорядочиваются по своему величию, и те, которые выходили за пределы дозволенного, учитывая его великий ум и поразительную изобретательность, постоянную энергию и настойчивость, которой он обладал, чтобы делать зло лошади с обоими сдвигами, чтобы упражняться в оружии, обсуждать музыку, продолжать охоту за птицами и убивать и травить зверей, и в этом они не церемонились. При своем большом желании они всегда ожидали что-либо использовать, что было бы более опасно и сложнее тем, кто целиком украшал свой нежный возраст. С этим он был признан достойным не менее славной памяти, чем мир дает своему прошлому, пообещав придавать значимость большим вещам. А несмотря на то, что они перестали в частности использовать редкие части, чтобы заниматься в дестрезе, – не поэтому они восхищались его величием. Он доволен, что дал им это соображение, приходя на место, где поднимались новые беседы в восхищении тех, кто должен был иметь

это за день до этого, когда он отгонял их от мысли о пришествии человека, которые, хотя сначала были несколько расстроены, но после того, как поняли его юмор — очень обрадовались, и им крайне понравилось его обращение. Он был мастером оружия, с которым Чарилло договаривался о том, кто куда приходил, чтобы немного удовлетворить своих грузей, которые покачивали головой и кривили рот по обе стороны, трогая свои усы. Рука на бороде описывает много витков и движений мечом крупными шагами, просторно для тех, кто не знает страха и, подогдя очень сосредоточенно к ним, глаза их были открытыми, они находились в странной позе с левой ногой впереди. Я говорю с ними серьезно и осторожно, голос тихий не только от восторга, который я им внушил.

Эудемио спросили, чего он хотел, и маэстро ответил, торща лоб и кривя рот, держа шашку в руке, что я прихожу сюда, потому что мне приказали и я обязан это делать, в основном, чтобы было что-то, в чем мы могли бы быть полезны сеньору Чарилло, выставляя мне сюда эти зацелованные руки, что я должен быть больше, чем мой отец и вся моя родословная. Если вы сказали правду, больше уже не нужно говорить об этом. Я благодарю вас, учитель, сказал Чарилло и знаю, что этот джентльмен, указывая на Эудемио, любит вас за то, что я сказал, что вы знаете науку оружия. Поэтому, если он хорошо это знает, сказал он, то то, что есть хорошего в нем, с причиной, — так и будет, потому что это будет приносить пользу крестникам и многим другим тысячам вещей на каждом шагу. Тогда Полемарко, который его хорошо знал и обладал сведениями о его храбрости, попросит Чарилло пойти туда, потому что учитель пришел, видя, что у него не было уважения, и говорил некоторые вещи, которые должны их обрадовать. Чарилло, чтобы угостить им, ушел оттуда, говоря маэстро, что я пойду по делам, которые были предложены, потому что они не бездействовали. Все объяснили Эудемио часть секретов дестрезы и мужества. А вы должны быть судьей и свидетелем в этом деле, хорошо слушать то, что говорил учитель. Это принесет нам большую пользу, потому что вы не можете подозревать обман в их ловках и хитростях, которые так искусно устроены, что в каких-то частях даже не были обнаружены. Адите с Богом, мой сеньор, ответил учитель, и не сдерживайте множество, повернувшись к тем, которые остались в страхе, видя вашу фигуру и говоря Эудемио: или вы милейший человек, большой любитель оружия и поединков, или вы фехтовальщик, но к счастью вы преуспели в некоторых уроках одного хорошего сына в этой жизни. А у вас не было опасения, что мы останемся одни, потому что только я среди всех знаю его, который среди всех знаком с истинной дестрезой. Я хочу брать уроки, и вы окажете мне великую честь в мире, если будете обучать меня, потому что такая хорошая рука, как ваша, будет большим преимуществом. Я так считаю, сказал учитель, и посоветовал это вам, потому что мне кажется ясно, что вы человек прямой и хороший груз, который когда-либо был. А потому я

подозреваю, что вы заслуживаете быть учеником, расскажите мне о своей жизни. Эудемио ответил, что между нами такого не будет, потому что я уже ваш друг. Чарулао знает что-то об оружии? Я должен сказать искренне, ответил учитель, что вы разумный молодой человек, и поединок хороший, хорошо понимаете то, что есть, с другим общались о некоторых вещах. В конце концов он что-то знает, но у него нет руки, которая проведет его через гестрезу к тому, чему учат в тайне, к выпадам без парирований. И некоторые из учителей не очень хорошо думают о том, что они знают. Всё это никчёмное, зато хорошее сражение. Они просто беседовали, он его не тестировал. Я здесь, среди вещей, которые забыты, и если он хочет узнать правду, он должен продолжать брать обычные уроки, с которыми мы все уже знакомы несколько дней, но здесь я не понимаю, он занимается фехтованием очень быстро и одни и другие ломают голову, что такое геометрия, и то, что уже найдено это не правда в гестрезе оружия. Что такое геометрия для вашей жизни? Чужой ли это человек? Не говорите тем, кто задаёт мне вопросы, что я не знаю кто это, потому что меня воспринимают потом как идиота, но также есть гвадуаты из них, которые говорят, что знают его, но, если существует чужой, который был выдающейся личностью в оружии и красочно описывал всё фехтование, то меня это радует, потому что это красивая вещь. Также меня хвалят друзья. Большого я не знаю из того, что он мне говорит, кроме того, что это все ветер, ничтожность то, что он знает, и что знаю я, это всё одно и мы вышли из одной толпы людей. Он стеснялся надо мной, он хочет со своей хитростью и изобретательностью сравниться со мной, навязывая на этом пути пятерых, которые по правде говорю вам, забыли хитрости в моем присутствии. Творю это не потому, что я знаю, что не буду цадить себя, а потому, что вы можете дать мне, подтверждая это во всех своих делах со мной. Я был его посредником в сто тысячный раз, и я восстал из праха земного, и теперь он мой сеньор даже, если он всю жизнь признавал меня хорошим сыном. По правде говоря, сказал Эудемио, как и все я был обманут, потому что некоторые говорили мне, что он много знал об этом и что у него никогда не было учителя. Вы можете убедиться в этом сами, видя разницу с самого начала до мастерства. Учитель сказал, что может он и знает этого парня, которого мы не знаем? Всё, что от оружия это не раны? Раны есть у меня и у этого человека, противники знают удары наотмашь и в обратном направлении. И я понимаю, что это для вашей жизни всё в одном, и они дают много хорошего и плохого, и все они имеют названия, потому что ему кажется, что лучше грубость и неотесанность, чем обман, и мы это видим, потому что они не должны иметь никого, кроме меня, потому что в моем присутствии эти фехтовальщики не разговаривают. Это потому, что они боятся, что, если я скажу, что ни один человек не родился и не родиться, – меня поймут. Также я знаю то же оружие, и профессора по этому оружию отдают мне его.

Очень внимательно Мометарко нравилось то, что говорил учитель, но я прервал его, говоря, что Чарилло не фехтовальщик, что он пользуется этим больше только для своего удовлетворения, что только для его оценки и мнения он это знал и делал без вознаграждения, чтобы много раз в шутку и всерьез испытать их. А меня не пугает то, что вы говорите, потому что я знаю, что добродетель иногда меньше обнаруживается и больше оценивается одними и поносится другими. А вы в этом такие невежливые, грубые, как некоторые невежды, которые, не находя ошибок в этом человеке, дают ему это название, когда его спрашивали, порицая силу, не иначе, как если один игнорирует от зависти говорит другому, что у того этого не будет в ближайшее время. Поищите подшутите над ним, ибо из того, что вы говорите, ответил учитель (если мы хотим сказать правду) я не видел ни одного, ни другого, и другие мне это сказали. На это, ответил Мометарко, Чарилло приобрел славу и доверие основных людей и людей знающих, и в его случае это не мнение других людей, а правда, проверенная опытом, но они не принимали это во внимание и не использовали, потому что они им не равня, потому что я с серьезными и благоразумными людьми не похож на невежественных фехтовальщиков, которые судят вещи без страсти, лишённые всех видов зависти. Это не было хорошо (говорит сейчас сеньор как ответил учитель), когда мы судили всех, чтобы у вас не было ничего, что сказать против него. Было бы хорошо, ответил Мометарко, если бы и вы и те, которые говорят, поняли друг друга, а в соответствии с вашим мнением, Чарилло поступал плохо, когда что-нибудь случалось, чтобы не дать публичного восхваления, чтобы предупредить всех, чтобы они знали и видели, и обнаружили, почему вещи, которые он делал – пошлые, обыденные, а сброд не мог иметь их, потому что они были для них недостижимы.

Посмотрите, учитель, что они не те люди, с которыми следует стремиться к доверию, потому что, если они этого достигнут, вы бы поняли, что Чарилло еще один такой же, как они, и те, кого он не знает. Как можно узнать достоинство других, не оценивая его, и зная, что он нарочно допустил с ними плохие вещи, чтобы показать разницу, потому что то, к чему должны стремиться хорошие люди – это отделиться от плохих. Вы бы не хотели столько хвалить тех, сказала учитель, кто хочет испытать гестрезу в астрологии. Это сделано, ответил Мометарко, чтобы говорили не фехтовальщики, а только ученые, образованные, знающие люди, несмотря на то, что вы хотели сказать, что философия – это всё: со всем этим, ответил учитель, меня немного пугает вещь, которую он делает из всего того, что он говорил о своих способностях. Он не был со мной, потому что я слуга, больше, чем должен был быть, если Эудемиио начал заискивать на Чарилло и слышал все, что было сказано. Только он рассказывал, хотя он настолько хороший слуга, что выносил, терпел плохих людей, чтобы не сравнивать себя с ними. Я очень хорошо знаю, и он знает, что я его слуга сто тысяч раз. Я подтрунивал над вами, но давайте

оставлю это и спрошу Эдгемо какое оружие ему нравится? С какого оружия он хотел бы начать? А Эдгемо ответил, что это оружие – меч. Он и другие смеялись с трусости учителя, а учитель потом сказал: я грешник, и раньше всех этих вещей я думал, что нет ничего, кто знает больше, чем вы, ни того, кто может вам противоречить в том, что это для того, чтобы иметь уверенность в том, что вы много знаете. Но вы знали, что останетесь с уверенностью, что мы делаем успехи в оружии. Возьмите тогда меч, и знайте, что этот меч, которые все носят, во всем похож на тело человека. Сначала набалдашник на рукоятке похож на голову, и как человек без головы не имеет жизни, так и нет смысла в мече без этого набалдашника, от него так не будет никакой пользы. Рукоятка похожа на тело, а выступающие части гарды похожи на одежду. Он нам показывает руку от ударов и камней, как вы показываете одежду от холода и тепла, и так во всем остальном, чего это касается. Вы теперь знаете больше, что от гарды до острия это называется меч, а на языке хороших людей то, что находится между гардой и набалдашником на рукоятке (которые некоторые называют яблоко), называется клинком (лезвием). Вы называете это рукояткой, и обратите внимание, что меч ранит, а рукоятка нет, даже в тысячу не было. А кто знает, как использовать меч и все его части, как использовать тело человека, тех называют мудрецами оружия и уникальными в дестрезе. Никого не осталось после того, как это сказал учитель, и Эдгемо, имитируя смех, сказал: действительно, это манера использования является очень полезной, и более новой, и крайне важной для тех, кто хочет быть фехтовальщиком. У них есть хороший доступ к оружию, чтобы быстро познать его и уже с первых ударов извлекать пользу, чтобы не проигрывать. Теперь, когда вы все это знаете, сказал учитель, и что такое рукоятка, чтобы положить в нее руку, положив меч на пояс, отделившись от меня, – делаете то, как делаю я, знаете устав школы, выставляете левую ногу и руку, чтобы защититься, рука снаружи лучше, чем сзади, оставляя ее в противоположном месте, вы должны поторопиться, хотя рано знать, когда мой меч поразит вашу руку. Вы можете отпарировать наружу, с одной стороны, сверху, вращением, соединив ноги, резать или гнаться за рукой, ноги смотрят вверх, так, пойдете туда со мной, останьтесь, готовьтесь к хорошей жизни, соедините ноги, положите руку, закройте рот, не делайте жестов, порежьте какую-то часть, и в обратном направлении тоже, присоединитесь ко мне, без меча, становитесь там, пройдите там, отклоните острие в сторону, силой нанесите удар, рискуйте, будьте спокойны и уравновешенны. Конечно, сказал Эдгемо, если все это так, что я остаюсь избитым и без какой-либо выгоды для себя, – мне это не нравится. На то, что сказал Эдгемо, учитель искоса посмотрел на него, и, нахмурившись над его мнением, ответил, что тот мало знает и рано хочет конкурировать с учителем. Между нами есть разница, это видно по уловкам. Возьми этот меч. Я говорю это

один раз, потом повторять не буду. Сделай длинный порез, как мой, а обратно на свой вкүс, можешь сделать порез длиннее, чем я. Так, ноги твои плотно стоят на земле, в руке меч, сделай один выпад с левой ноги и режущий удар на обратной тяге. Но одной стороне сделай круг, по другой – контркруг, победы противника фронтально на той стороне, сверху нанеси удар шпагой, снизу – двуручным мечом с той же ноги, и рукой сделай движение, как будто я собираюсь поднять меч.

Работать с этой позиции с точки зрения принципов лучше, исследуй его меч, несмотря на то, что еще рано. Достаточно. Отойдите друг от друга, перейдите в себя, переложите это на него, а не на меня или себя. Ни ты, ни я не приближаемся друг к другу часто, подними немного руку, поворачивай ею, отведи обратно. Ты этого не делаешь, пойдешь. Я утверждаю со всеми деталями, что этому будет причина, и с этим ты можешь конкурировать с первым изобретателем оружия, острия и лезвия, и противоречить уловкам брата, снова приходящие очень быстро с этой позицией, или по меньшей мере с той, которую я дал. Мисер Антиото уступил свою позицию одному из Фландрии, и за великую милость и почтение ко мне, мне отдали тем же. С большой наставкой он дал всем заблужденный учителя, и хорошо зная юмор Эудемио сказал: успокойтесь, чтобы вы не сказали что-нибудь такое, зная потом гнев к учителю с обликом, как вы хотели, как он хотел, чтобы отступить между властью. Ты говоришь, что эта самая замечательная уловка в мире, которая помогает осознать, кто поймет, что он не боится думать сделать это, сколько потрачено на эту работу, что дает свои плоды. Кровь слуг, которые думали, что они несчастные, у которых есть только воображение, что человек, с которым есть ссора, достигал большого успеха, заслуживающий, чтобы я дал немного света. Вы видите тех, кто заболевает от воображения того, что их противники знали их, и заболевали больше, если поддерживали отношения со мной на протяжении двух дней, которые имели голову на плечах, возвращаясь к тому, чтобы поднять меч, меняя положение ног, отводя меч в одну сторону, высоко, не повторяясь каким-либо образом, устраняя ошибки не так быстро. Поднимите лицо, различите меч издали, опустите вниз брови, показывая признаки гневливости, хорошо откройте глаза, которые глумятся или испытывают страх, надвигайтесь в спешке, и он достигнет другого с затрудненным дыханием, и когда будут уходить – будут соперничать друг с другом. Необходимо открыть ноздри, как маленькая чужеземная лошадь, выдвигая этот меч на меня. Знайте, что это острое, которым я причиняю боль, а то, что вы делаете сейчас – это уловка с контрострием, отклоняющееся далеко. Подождет, сказала Эудемио, так как он не очень хорошо понял, нужно сказать еще раз, что я считаю хорошим:

Вы будете настигаться над тем, что скажете, ответил учитель: довольствуйтесь тем, что есть и посмотрите, можно увидеть, как я направляю кончик вашего меча к своей груди, под моим мечом, и

теперь вы исследуете мой меч. Вот острое, посмотрите здесь. Каждый раз рана от того, что я сейчас вонзаю контрострие и делаю уловку на зависть всему миру. В таком случае при герцоге Калабрии, Софии и даже Саксонии многие инфанты и вельможи утешали меня, обещали, упрашивали, просили о милости и пощаде, которые потом не могли меня видеть. Я послал им заметки, краткие замечания, и из страха опасности, которая с ними произошла и может произойти для гарантии моей сознательности за жизнь моих детей, я не хотел отправлять им даже в заметках, не потому, что не буду демонстрировать готовность что-либо сделать, а потому, что это так хорошо известно во всем мире, что никто не будет видеть, что вы перестанете воображать, что я сделал, и что это одно из моих главных изобретений. В таком случае, как и в аду, есть публичные сведения об этом. Вы напугали меня, ответил Эудемио, имитируя улыбку, которую его товарищи не могли сдерживать с этой вашей уловкой, и радовались, что не учили меня, потому что в этом месте мы не были знакомы. И если все, кто знают, пойдут туда, то это займет много времени, чтобы вы узнали. Ты не понимаешь, юноша, сказал учитель, то, что я тебе говорю, вместе с моими извинениями, втыкая меч во многие места с ужасными ранами, изъязвленные удары тыльной стороной руки, порезов нет, так как потом будет удар шпагой, необычные уклоны, парирование двуручного меча, и еще очень много всего. У них также это будет, ответил Эудемио, и я не хотел бы, чтобы те, которые находятся в аду, были людьми, которых вы бы учили не быть такими хорошими, как ты говоришь, видя, как они умирают, которые заслуживают большого наказания. И Бог наш Господин собрал нас, потому что я думаю, что изобретение уловок не было создано, чтобы нанести вред кому-то или убить кого-нибудь, а чтобы защитить себя от тех, кто пытается обидеть. Вы достаточно остроумный, сказал учитель, раздраженный столькими противоречиями. Если бы это было так, что стоит все мое мастерство? И оружие, и уловки – это мое богатое ночное воображение? В конце я всегда остаюсь с двумя или тремя, без необходимости брать в правую руку меч. Молагаю, ответил Эудемио, что я плохо удовлетворяю желания того, кто нуждался бы в мече, который также знает, как и вы, что говорить. Но не будет необходимости больше, чем желание убить и сказать мне в ночное время где чувство зрения не помогает. Могут ли быть полезны ваши знания дестрезы? Я вас прошу, сказал учитель, я не возлагаю на вас свои уловки во многих местах, потому что я не дам вам другого. Меня сердит то, что для вас это будет хуже, и не надо задавать эти вопросы, потому что у меня очень хорошее мнение в любое время. Я поэтому не говорю, ответил Эудемио, больше потому, что человек является христианином и должен слышать всё, чем Бог наш Господь может ранить и то, что он может знать – не должно никому навредить. Я тоже очень сердито ответил учителю, и со всем этим, что меня раздражает, я дам вам сто грубостей, и также с дьяволом, если есть необходимость,

он относится ко мне доброжелательно. Я радуюсь, зная это, сказал Эудемио, потому что это мне приносит большую пользу. Это очень просто, ответил учитель, потому что вы можете дать им много всего на свое усмотрение, и я уверен, что эту хитрость, которую вы знаете, вы им не дадите. Но я понял ее, и даже все вместе понял. Вы не подвергаете меня опасности во многих местах вместе с учителем, потому что это вещи, которые плохо переносятся, и еще хуже переносятся, когда я буду робким, придурчивым, даже если вы вдруг посмотрите те вещи, которые будете испытывать. Сначала вы говорите плохо о моей жене и детях, которые хорошо относятся к дестрезе, я обучаю их по доброй воле. А не говорите так много, потому что я заберу ваш бокал спиртного, соберу свои чемоданы, найду себе пристанище, и вы не увидите уловки, которые в тайне мне передаются, которыми так просто не научат, потому что они используются неожиданно. Посмотрите на свою жизнь и будьте осторожны с тем, кого вы называете маэстро. После этого он очень рассердился и устал, а на лицах остальных была улыбка. После того, как Эудемио мог контролировать стех, который вызвал гнев и раздражение учителя, увидел его вялые глаза, опущенное лицо, посмотрел на него со злым лицом и сказал: учитель, будет ли возможно, если вы научите меня некоторым из этих уловок, которые убивают без возможности исцеления? А откуда вы узнаете, что алхимия это чтобы убить кого-то или чтобы делать золото? Я заблудился в поисках того, кто мог бы научить меня. Найди себе профессию, ответил учитель, стань свахой, или учителем по оружию, что проще, чем всё остальное, и не думайте, что я вас буду учить своим уловкам, от которых нужно защищаться. Потому что те, кто большие полемисты, как вы, если я буду хорошо их обучать некоторое время, то они станут почти как я: если всё, что вы знаете, такое же, как и раньше, то этого более, чем достаточно, сказал Эудемио. Или будете благословенны дьяволом, ответил учитель, легко называя сеньором того, кто столько работает на мою ответственность, что стоит мне поломанных костей и поврежденной кожи. Я не хочу заиться, поскольку не оставляю вас без знаний многих других вещей, которые у меня есть для праздников на площади, и для друзей, как вы, за исключением того, что они были в худшем состоянии, чем непорочность моего мастерства с изощрениями, одобренная всеми великими людьми мира. На это Эудемио ответил: г-н учитель, с вашего разрешения, не по этому это будет лучше, чем у мужчин, несмотря на то, что они велики, но многого не знают. Я не нахожусь и не действую в этих местах, ответил учитель, и меня, безусловно, будет сердить и раздражать, что великие называют фехтовальщиков чем-то уникальным в мире, и горе вам, если я рассержусь, или если вы будете подшучивать, или делать это, потому что так говорят в науке об оружии, если некому будет меня ждать, и еще больше, если моя работа и мастерство не нужны человеку, который жив. Я это говорю, потому что уже накопилось во всех

моих качествах то, что должен иметь мужчина, претендующий на фехтовальщика. А даже честь, потому что я всегда готов и могу показать это, я отважный, ловкий, могу восстанавливать силы, приводить все в соответствие. У меня хорошие глаза, агрессивно настроенные, в них нет страха, а только большое знание, и у меня есть шпага больших размеров, я должен быть внимательным ко всем вашим правилам, как к своему имени, так и к роде, и к моей жене, к большому или маленькому щиту, не нужно оставаться одним, как в момент рождения, с большой тонкостью топора, деликатностью бастона, искусной работой с пилой, превосходством наконечника, даги, кинжала, короткой шпагой, досягаемости, деревянного щита, бастона, меча и даги, меча и накладки, двух мечей. Тщательность относиться к этому аналогично тому, что меня оскорбило, видя мое мастерство, плохо используемое в этом мире. Это не случайно, маэстро, ответил Эудемио, несмотря на то, что хорошо применяется. Я не хочу, чтобы хоть одно мое слово проверялось с такой тщательностью. Потом силы не будет, говорит маэстро, и у меня не было тяготения, когда я хочу, но было настроено быть поэтом, если бы была вещь, которую такой человек, как я, хотел бы уточнить, написать письмо о любви, иметь хороший рост, бежать на коне по холмам, при этом лошади без узды. А вы теперь думаете, что был на этой земле человек, который так же вызывал неудобство в ссорах, с незавершенностью слова, без нанесения раны в человеческое существо. Все были удивлены услышать меня, сказала Эудемио, ибо я устал от этой благодати, о которой мы могли бы узнать, почему в это время ее много используют. Если маэстро ответил «почему нет» как всё, что я знаю без каких-либо трудностей и толкования, которые вы должны понять, чтобы выйти заступником на поле, где много вооруженных людей, так, чтобы никто об этом не знал до того, как поймет, что к чему. А со всем этим слушать ссору, в которой я до сегодняшнего дня согласен иметь доверенного человека, который не выйдет из этой ссоры калекой, с увечьями. Никто этого не сделал так, как я. Было так, маэстро, сказала потом Мелемарко, что вы могли бы справедливо дать человеку большую память, и вы вспомните без паузы все, что сказали, слышали, что изучали, чтобы говорить в каждом доме и вашим ученикам. Подождет, ответил маэстро, кто же, как и я, знает 11 тысяч уловок, и ссорился более тысячи раз в неповиновении, иногда напрасно. А только по моей воле некоторые живут изуродованные, пораженные, и вы теперь думаете: вещи таковы, сказала Эудемио, что они будут сострадать любому человеку, кто сошел с ума. Видя также человека, который не имеет своего мнения и не использует его, когда в этом есть необходимость. Есть сын, ответил маэстро радостно (что, по его мнению, он считал бахвальством), кто пытался угодить мне, потому что, если я раскрою всю тайну со всем смыслом, что по правде внушает страх, я не открою вам секреты. Маэстро не говорит мне этого, ответил Эудемио, потому что он не воспринимает меня как мужчину, который

имеет отношение с некоторыми из них. А была бы опасность более известна мне, чем кому-то другому, и тому, кто такой коварный. Но я узнал об этом поздно, поскольку мы позволяем говорить и прекрасные вещи, за исключением жалости истинных фехтовальщиков так увлеченных, слушаая меня. За свою жизнь, что вы уже слышали в некоторое время, эти вещи мои, и есть люди, у которых они есть, несмотря на то, что они зазнаются и только обещают. Нет, сказал Эудемио, нет людей, у которых есть что-то похожее. Вы говорите вразравду, ответил учитель, поэтому вы придерживаетесь Бога из камня или короткого копья, или каждого из них без колебаний, с самоотверженностью смелого человека. А вы видели это со всем, что я знаю без работы, которая мне стоила усилий. Я вам говорю, ответил Эудемио, что я лично их не видел и последнее ругательство я бы не хотел, чтобы выпало мне на долю, а только тем, кто ко мне плохо относится, даже если что-то, что он мог сказать маэстро, обидело бы его. А это приводит меня в ярость, я заюсь и встревожен большую часть времени, не смотря на него во время разговора. А в конце или потерял терпение, или человек, которого вы хотите, потерял голову; едва ли желая, чтобы у него было столько же изыщества как у меня, что стоило мне столько крови, гнева, ссор, упреков за справедливость. Тюрмы тратят деньги, и чтобы они знали, я нахожусь в больнице, иду через чужие дома. А даже в этом Мелисо отказывая (Эудемио от смеха не мог говорить) и держаа ногу в стрелени, чтобы ехать в больницу и никогда не покидать ее. Не сердитесь за свою жизнь на то, что говорит Эудемио, продолжайте двигаться вперед. Бог знает, что мы слышим и первым нам рассказывает о вашей жизни, как вы создаете нового ученика. Очень хорошо, ответил маэстро с большой серьезностью, что, будучи вещью Чариласо, я делаю то, что мое дело, и то, что я узнал от других, и несмотря на то, что этого мало, я также могу считать себя хорошим в оружии, как некоторого, который с ними, и при бегах и прыжках не имел учителя. А хотя Эудемио немного пострадавший по своей причине, – ради него я нашел и открыл все свои навыки или часть из них, зная, что я этим воспользуюсь, подобно тому, что я верю в их жадность, и знаю, почему всё, что было сказано он может очень хорошо повторить, без настаивания на своем, что первые в дестрезе столь тактичны и деликатны. Вы уже видели, что при большой работе они знают, что я добьюсь своего, по крайней мере с маленьким циркулем. Теперь я знаю, сказала Эудемио, что, если бы эта проделка была хорошей, я вспомнил бы всё, что меня тяготит. Возьмите этот меч, сказала вам учитель грешник, у вас есть всё, что вы знаете во рту и ничего в голове. Вы хотите продолжить туда со мной дорогу, повернуть руку ладонью вниз, собрать стопы, отклониться от меня, достать, изменить, обременить, остаться только с мечом, поднять руку с легкой грацией, как я говорю, шаг в сторону, меча нет, вы честный, атакуете лицо, повторяете, положите левую руку на свое место, уберите ее оттуда, пройдите

здесь, перейдите на этот удар, тяните за собой, опустите меч вниз, уберите ногу, сделайте круг по одной стороне, мой сеньор. Творю я, успокойтесь, держите себя в руках, не делайте движений. Уже можно было быстро научиться с двумя другими уроками, не обучая больше, чем нужно. Я устал, сказал Эудемио, так что не надоедайте мне всегда, потому что я иногда подозрителен, родился, чтобы только посмотреть людей в этом мире. Я в это верю, сказал Эудемио, но скажите мне, как это делаю я, почему, когда я готов для этого, вы не тратите на это время, и дайте мне одну более легкую вещь. Хотя, если все так просто, то я научусь. Теперь, ответил учитель, закройте уста свои, я буду обращаться с вами в той манере, которую вы не знаете, и ни один человек в мире не будет знать, как судить то, что вы узнаете сегодня. Посмотрите мне в лицо и положите меч туда, где он был прежде, уйдите, подойдите к моему лезвию, поверните в сторону, остановитесь там, оттуда сделайте поворот, Бог с вами, вы падаете на ходу? Передайте это прилипчивому человеку, не забудьте вернуть в субботу. Теперь уже ошибки устранили, и я чувствую себя хорошо, а на лице у врага гримаса по отношению к вашему учителю, который готов на что-либо без страха. Восстановите силы, переместите ногу, повернитесь во внешнюю сторону, упадите на лицо с мастерством и сноровкой. Это называется неожиданное нападение. Положите меч поверх моего, вблизи моей ноги, удар мечом, и ты оказывается с изящной грацией на острие меча, и, если вам удастся избежать от большой удачи, вы не пойдете ни в коем случае обратно. То, что вы сделали сейчас называется удар холодным оружием. Посмотрите на меня, обычно я этого не говорю всем людям, наблюдая за мечом, снаружи я вас останавливаю, парирую, выхожу, быстро ударяю наотмашь вполсилы. Мой сеньор, пойдете со мной, что вам кажется невежественным? Если это занятие практикуется со всеми его частями, уловками, ранами, ударами, чтобы убить, то это для человека войны и мира, для всех частей тела. Это линия, или граница, как называет ее Карранса где описывается окружность, что на придворном языке именно так и называется. Можно задать вопрос, есть ли у меня это, как у разумного юноши. О чем вы скажете и увидите, будут ли у меня раны на ногах. Деньги не позволяют достигать уловок, которые меня постоянно поддерживают, как вы видели, слышали, как уже говорили, и в силу необходимости вы знаете, что это было на самом деле, известная ссора, которая возникает между фехтовальщиками по этому поводу. Но они не дерутся тем, что для них оставили, и я довольно хорошо одет, меня видели в месте сбора животных во время зона. Что по этому поводу сказал Эудемио? Они говорят, что я мало знал (они меня просто плохо знают), ответил учитель, и я говорю, что я здесь, как правило, вижу истинные тонкости и ловкость оружия. Нам рассказали, ответил Эудемио, во время отдыха, что это, должно быть, хорошая вещь, и, обратившись ко всем, кто находится рядом, он был очень рад их видеть с таким

вниманием, усы которых извивались, повернув лицо в сторону, качая головой, кривя рот, так он начал свой подвиг: знайте, господа, что это имя, которое у меня есть для этого мира, которое находится под влиянием в этом месте, но потом, когда я пришел к нему, он познакомил меня с главным человеком (Вы уже знаете Эугенио, потому что я вам сказал, что нахожусь впереди всех по знанию науки об оружии, в основном круглого щита, если есть где-то там некоторые ученики, то хороший друг ничего не потеряет. Первое, с чем я столкнулся в этом месте, как сказал мне хороший сын, были тужчины, каждый из которых говорит, что убьет своего отца, о чем он не будет ни знать, ни понимать сколько еще нужно знать о дестрезе, по сравнению с теми, кто знает меньше, и смотреть за вами (могу по вашей жизни и своей показать отсохшую ногу, могу говорить о ранах всему миру). Есть ли еще кто-то, как я, кто делал бы это на части? Сегодня меня пугает, что это не моя привычка так делать, и он рассержено сказал от этих тужчин, что у меня нет ни понятия, ни фактов и находчивости, позволяющих выйти из дверей, потому что у этих слуг нет славы. Как или каким образом это может быть? Вы не говорите очень долго, а только слушаете и хотите запугать нас, потому что это все слова. Не кричите, а если будете это делать – все будет напрасно. (Вы никогда не были умелым и храбрым фехтовальщиком в моем сознании, Эугенио, но они поверят вам, когда вы скажете, что это ремесло как неисчерпаемый источник) и учителя этого будут ходить в свои жилища, объявляя, что вас ищут и не могут найти. Несмотря на то, что они каждый раз вас видят и говорят, чтобы вы изобличили во лжи дестрезу; вы знаете (или, если вы видели позу или положение, которое я занимаю, когда залюсь, и уходите туда, – вы меня хорошо понимаете, я всегда ношу два меча, потому что я могу один положить на маленькие куски в любой граде). Подобные вещи меня злят и осипшим голосом я сказал, что вы мне дадите противоположное и повторите при неожиданной атаке, ладонь смотрит вверх, не исследуя меч. Признаю, то, что они говорят – есть у фехтовальщиков, и каким бы то ни было другим способом, я не даю никакого мнения: он не мог иметь терпения по этим причинам, Мелисо, и с большим гневом сказал, что есть в мире вещь более достойная жалости, сетования, в которой тайком начинают дестрезу, чувствуя причину. И это очень удобно и выгодно для людей чести, говоря, что у вас нет опасений наказать этих шарлатанов публично, ибо нужно отказаться от своих намерений и сделать все с должным прилежанием. Они молчат на эти вещи, говорит учитель, потому что постигли эту часть и не поворачиваясь к нему, как будто бы не слыша его, я продолжал свой оглашенный рассказ, что я был в этом знакомом городе. Моё мастерство и в первую очередь для некоторых людей (как ночной сон вы явно превосходили меня по клинку и другим пустякам в мире) подвергалось такой зависти, что они не только забывали у меня учеников, но на третьих и пятых людях забывали это делать,

и потом били мечом в пах. Ни больше, ни меньше потом от зависти он ударяет, чтобы разрушить, но в остальном вещи прошлого надоедают и вызывают отвращение. Я оставляю их без дестрезы мертвыми и бедными, потому что я как старая собака, которая лает и дает советы. Именно по этой причине есть эта ссора. Я кричу, когда меня тянут без времени. Я скажу им, когда они будут обнаружены и восстановлены, когда соприкасаются со мной, но случайно я нанес рану, втыкая меч в грудь человека в ссоре, в которой я присутствую. Эта вещь – мое дело великого страха и ужаса, и наконец, они находят меня по ране выше их. Как правило, посредством глаз передается сигнал о бое, они указывают по направлению к двери в определенной области, и потому, что там меня держали, сказали эти слова. Господин учитель, я как-то слышал и хочу сказать, что хотя я обычно не боюсь людей, но видя столько мечей, – меня это приводит в ужас. В заключение у меня было опасение, что между мной и вами не нужны разговоры, поскольку в случае, который как один из тысячи других, они не дадут мне оплеуху, несмотря на то, что все движения, жесты, которые они делали со шпагой и мечом, были настолько большими, что на того, кто не был снаружи, я посеял большой страх. А как я уже говорил, сперва учитель должен сказать мне почему я это преувеличиваю, и вслед за этим вы рабы ваши и мелкие служащие. Чувствую я, что и нет ничего, кому бы можно было рассказать о вещах дестрезы. Те вещи, которые говорят, – очень хорошо сказаны, будь то даже злодеи. Если он будет ругаться, потом сделает реальный шаг, чтобы снять рубашку, и вы увидите мой меч, который периодически наносит травмы человеческому телу (не бойтесь за то, что я сделал). Думаю спокоен от этих страхов, как будто бы у него они сейчас были по отношению к режущей части. Я увековечил это во многом в этой жизни в современной манере мира, разгневанный, как вы уже видите. Я только посчитал что-то и уже делаю это, чтобы посмотреть на то, что действительно было бы, когда в руках глубинка, чтобы в конце каждый человек не ходил с высунутым наружу из-под рубашки клинком, но все занимают поднятием правой руки со страшной яростью и испуганной спешкой, снимая все шапки и шляпы, кидая их на пол в знак смирения и продуктивности. Я практически, стоя на коленях, видел это, повышая немного голос, говорю вернутся этим дрожащим молодым юношам. Меня благодарят за мою доброту, силу и истинное мастерство, так что вы не идете, не отпустив две или три печальные группы людей, готовясь к самому худшему. Они сделали это потом с большим страхом, и я проткнул своим клинком наизусть. Потом я здесь слышал, что еще говорили, но не знаю точно, повышали ли некоторые из них голос, что вы думаете? Я не знал, что сообщить, когда вы меньше сможете обучать всех вместе для вашей жизни и моей, и для моих сыновей, которых пять. Значительно то, что вы рассказываете, сказал Мелусо, и так на самом деле прошло это занятие. Я не видел, сказал учитель, что вы оставили для них. Мне

не внушает страх, сказал Эудемио, каковы эти вещи, которые привыкли использовать это с другими людьми, со сбродом. Вы можете продать самостоятельно свою работу и чужой тяжкий труд, и сказать, что вы принимаете в этом участие. Но, что я нахожу хуже всего — это присваивание того, что они когда-либо делали, возлагая вину на тех, кто не виновен, оправдываясь. И по причине я боюсь, что не смогу узнать, какие люди изучают этот уклад. Если вы хотите узнать, — я здесь, сказал учитель, я научу вас как вызвать жажду и как есть, и многие другие вещи, с помощью которых вы поймете страх и достигнете имя храброго, без ведения споров в вашей жизни, и станете умелыми без разговорных навыков перед теми, у которых таковые имеются, не пробуя это с кем-то другим. Хотя вы отрицаете многие вещи, которые делали другие и говорите, что ссоры и потасовки других — это ложь, и только ваши — настоящие, которые могут так называться. Они губились всему, что говорил учитель, потому что им казалось, что много из того, что они знали, они должны использовать подобным образом, и с желанием знать всё более точно. Эудемио, который больше это принимает, находится с учителем, чтобы с головой уйти в рассказанную ему лекцию, что делает его самым счастливым в мире. Я действительно очень люблю ваши уроки и хотел бы во всем, что вы говорите, быть искренним. Учитель сказал, если вы хотите, чтобы их от вас бросало в дрожь, держите свой рот на замке и делайте то, что я вам скажу, потому что я не буду добавлять момент, который происходит между нами. Несмотря на то, что вы делали это, хороший друг, вы не жаловались мне, как это сделала тот, кому я дал ослабленную ловку. Но он ее не принял, вступил в ссору и был убит, и они теперь жалуются на меня, как будто я советую вам выйти в одиночку, и если вы сделаете то, что я говорю, схватитесь за меч только ради одного человека, купите цветные панталоны с большим бедром, что будет указывать на то, что вы достигните цели ниже подколенной чашечки, и ваша кружевная шапка, и меч на ремне с длинной портупеей. Бес со всем, что он знает, но не знает, что этот закон и наконецник оружия никогда не смотрят вниз. Вы будете действовать с честными опущенными глазами, устремленными вперед, смотря под ноги, брови опущены всегда над глазами, чтобы дать понять, что вы благосклонны к мужеству, чтобы главенствовать над всеми фехтовальщиками, не называя кого-либо конкретно, потому что может возникнуть угроза или позор там, где как правило они резают вещи, которые делают с гарроме, но это было в вашем доме с грузьями, но даже там с таким большим страхом и подозрением, что вы не будете знать, или в присутствии людей, которые были оскорблены тем, что они хотели сделать зло этой рукой, опережая их быстрее, чем вас. Перед честными людьми они несколько дней будто немые, потому что, видя, что вы молчаливые и у вас есть то, что вы будете говорить, спрашивая всегда, показывая вам скромность, хотя вы можете быть во всем. Вы будете приходить, чтобы угодить

им в исследовании мечей, которые продают, чтобы увидеть, являются ли они негнущимися. Если они таковыми были, – удивленно поднимите брови, а если они будут мягкие – скривите рот в левую сторону и, если таковые имеются, скажите тем, кто там был, что дело это было истинным изобретением трусов. Если были мужчины, которые потом противоречили, вы не бунтовали с ними, чтобы не давать дьяволу ссор. Если они вас очень торопят и оказывают на вас давление, – вы не дадите никакого другого ответа, несмотря на то, что они знают точь в точь, потому что эта точка человека, который обладает некоторой известностью. Если они ответили нет, вы им скажете, что вы его младший сарга, и что оставались здесь, желая, чтобы они поверили в ваши причины. Но, если они вас знали как тех, кто много смеется, вставившись во что-либо, говоря, что у вас есть определенное количество своих младших сарг, вступая в разговор, говоря, что, безусловно, если вы задали этот вопрос и за кого вы это сделали, – то вы не будете тут как тут, если только вы не хотите спросить их откуда они, и какие вещи они любят. И в соответствии с ответом, вы придете к тому, чему научились. Это первое правило, которое вы должны освоить, чтобы постепенно приобрести название и чужую волю, и вы уже жаждающий учитель Эудемио. И вижу собственными глазами, что вы хорошо сделаете свое дело и запишите это хорошо. Если вы будете драться с двумя разведчиками, и один будет более труслив, чем другой, – всегда принимая его во внимание, вы не сможете увидеть его обманутым позже, учитывая все, держа внимание, повернув сюда лицо, и ссора уже закончена, появилось много людей. Выньте меч из-за ремня, возьмите край плаща в районе левого плеча, перекидывая через плечо, выставляя руку на ваш меч с большим количеством пространства, боясь, что все смотрят на вас, и даже если вы придете позже, никто не будет видеть в вас труса. И ближе к концу вы говорите хриплым голосом: Тбспода, так вышло, что вы люди, и вы идете, оттапливаясь друг от друга, но самый трусливый сначала озорчится. И как это часто бывает я вижу благосклонность людей и думаю, что ваши суждения вам в помощь, нападая на своего противника, делая в нем дырку мечом, говоря громким голосом, что этот сеньор уважает этого человека, и вы их порицаете, а потом порицаете остальных двоих, не нуждаясь в моем присутствии, без того, чтобы прогнать транные мысли из головы этих людей. И тогда у вас будет большой страх, и они все поймут, что это правда и что так же легко, как вы говорите, вы будете делать, хотя, зная также, что рука не будет делать всё, что говорит смасшедший язык. Поэтому, вы будете благодарить своего противника и попробуете с ним подружиться, унять борьбу с ним, говоря это ему с внушающим страх лицом. Сеньор, посмотрите на меня, я здесь к вам очень привязался, желая много служить. И я понял, что бой был с каким-то великим рыцарем, поэтому я оставил свой меч в опасной зоне, где можно нанести ущерб, что я не привык делать, не обходясь без пресловутого вреда

противнику, сердясь, потому что этот человек не возлюбил также сто тысяч положений, благодаря потом, целуя руки за вознаграждение, что всё сделано безопасно, и вы ответите гневно, что заставит меня бояться. Но на самом деле я не делал никаких фрагментов слугам, на что получу потом противоположный ответ, сеньор, и незачем потом говорить, что нет дискуссий об этом больше, чем я говорю, что привело меня в слуги. Случиться то, что вас расценивают как слугу, и что вас хотят занимать работой на службе в большем количестве. Они прощались с нами с большой учтивостью, делая глубокий поклон ему и всем, кто внимал этот опыт. Так что после, этот хороший, отважный сын будет воспринимать вас как приемного слугу, что всё, к чему мы встретимся, достигаем путем работы в нашей жизни, говоря всем вашим друзьям и подробно описывая ваши приметы, приобретая от этого измененца многих хороших страстных сыновей, говоря, что они – слуги, которые не церемонятся и не производят впечатления в своей жизни, потому что будут иметь много страхов, не будучи порочны, веря, что дело с благостью правил будет увеличивать количество учеников (если хотите обмануть), вы должны защитить их от всех угрожающих. Возьмите меч, по осознанию этого – это мне дает насыщенное занятие, которое я даю друзьям, которые лучше платят, делают где-то там режущий удар, чувствуя себя неловко от лезвия. Я такого не говорю, и не хочу играть в поддавки в среднем ритме. Немного подождет, не слышая своих друзей, зная, кто в высшей степени учится у меня работе с круглым щитом, выпаду кулаком вперед, ладонь смотрит вниз. Но нужно понять секрет, потому что, если вы его знаете, то не будет необходимости вселять смелость в кого-то в своей жизни. Плохой человек, который причинил вред учителю ножом, что не настолько велик, чтобы прощать его, сказал Эудемио. Он не думал, что нож настолько достанет до тела. Хорошо то, ответил учитель, что вы исправляете ошибки, думая, что я сделаю это за хорошее вознаграждение, если вы хотите хорошо себя чувствовать. Я ничего не говорю, и другие не смотрят то, что я делаю. Находясь в спокойствии, они незаметно заплатили учителю, не так отважно устраняя ошибки. Если обратитесь к нему хорошо, то он будет не такой суровый, заставит уйти предателя, который причинял неприятности, даже если он спокойный. Закончите хорошо это дело там, где я скажу.

Плохо обучать вас, когда вы ругаетесь с сотней человек. Я этого не понимаю, отрицая ритм левой ноги. Знаете, или нет, но я это учу, вставляя ногу с одной стороны, и говорю, что вредные привычки не дадут вам этого сделать. Я возвращаюсь к тому, что не понимаю, говорю, сделайте поворот, хорошо, пусть ваш клинок находится в молчании. Скажите мне сначала, спросил Эудемио, когда я научусь наносить раны своему противнику, который не наказан за то, что сделал мне? Когда? Учитель ответил: когда сделаете это за спиной. Я понимаю, что ловки эти сейчас уже прошлые,

непобедимые, насыщенные и должны хорошо выглядеть, если их будет использовать какой-то фехтовальщик, который хочет драться со мной по-настоящему. Захватывая в руки, поваливая на землю, прячась за шпагу и правую руку, не обдумывая то, что слышали от фехтовальщиков, находясь во внимании к тому, что я хочу сказать. И потом все сидят с большим вниманием, как будто бы их убедили, что это лучший оратор Третици, который, немного отдохнув, потом говорит с большей силой. Все они были ошеломлены слушать учителя, как будто бы с ними говорил Местор, из уст которого, согласно Тоберу, лилась речь слаще, чем мед, учитывая возможный обман, который обнаружил учитель до того, как Эугенио, как будто очнувшись от сна или видений, считал его неудавшимся. Таким образом действуют храбрые обычные люди и попадают под оценку фехтовальщиков, близко к вульгарным фехтовальщикам?

Мы думали, ответил, смеясь, учитель, что все бросили это ради стелого боя с человеком средних лет среди них, который живет с наукой и обманом, и с обманом и наукой живет другая сторона, у которой был меч и двойственность. Что вы говорите, ответил Эугенио, у мечей есть двойственность? теперь, что немало, ответил учитель, необходимо понять меня. Мы называем двойственными хороших детей каинка, которые выходят, чтобы увидеть небо, и без этого на воздухе не извлечь это в своей жизни, и поэтому Эугенио конкретно следует правилам, которые я даю в немецком фехтовании, которые подходят вам в любом случае, где хранятся вещи, которые я для этого говорю. И среди тех, кто должен сохранить это, вы очень внимательно посмотрите на какие-либо сплетни и пересуды, если есть какой-то спор во внешности, положениях тела, движениях и словах, которые вы легко могли бы узнать, сперва угадать, знали ли вы кого-нибудь, кто был там, вызывая к другой стороне и прося пощады. Вам рассказывают о тех благородных по своему происхождению людях, мужчины вершат дела, если к счастью вам ответят, что они утешают слезу с бледным желтым лицом простить оплеуху, которую ему отбесили, хотя он это отрицает, то вы скажете, что вы внушаете привязанность и с преданностью понимаете такого рода вещи, которые приводят вас туда, где они находятся, а затем радуетесь этому. Потом вы вместе пойдете в королевство хороших сыновей, которых вы скажете, что он тот, кто привел нас сюда. Т-н Эугенио приходит к нам, чтобы проявить милость. Каждый потом скажет, что много получил и без остановки с этим голосом в голове будете продолжать. Я должен получить это и все во всем мире. Если им позволили получить эти рассуждения, то они продолжают следовать тому, что использовали мои милорды, и сказали мне без большого промедления, потому что человек внушит гарантию и начнет приносить пользу, и им скажут, что мы стремимся к этому благородному человеку, который простит нас. Это жалоба определенного друга, который отсутствует, ему ответят потом. Я в изумлении от хорошего человека, как от

хорошего сына, который не делает то, о чем спрашивают эти люди. Я скажу, что, конечно, это дело, которое мне предложили, и что вы приятный, благородный человек, попросили меня сделать это потом, без дальнейших протеклений, то, чем больше ваших слуг, плюс я, – тем меньшее нас сопровождает. А это правда, что меня изумляет один человек, который делал те вещи, о которых у меня достаточно сведений, и не делал их наполовину. В основном есть вещи, которые на каждом шаге можно предложить этим господам, и больше мне. Я двигаю немного два пальца, которые приведут меня в эту тюрьму, фактически не давая никакого рода занятий тем, кто хочет меня арестовать. Я слушаю их со страхом, и есть слуга, который это делает, и я очень благодарен ему, и если вы не говорите это каждому со смиренным голосом и опущенными глазами, то вы презрительно приходите к тому, что этот благородный человек абсолютно прав, что в другой день он это сделает, прощаясь – уходите молча, далеко, и потом со вздохом вы будете смотреть на все с большим мужеством, которого другой не увидит, не услышит, говоря хриплым голосом, что слуга хочет вернуться и избавиться от тела, разрывая к нему доступ, или изморяя высоту в футах, так, что это будет больше приносить пользу, чтобы успокаивать тех, кто утомляет другого, после того, как вы просили и утомляли многих, кто был с вами. Я сказала, что знаю вещи, которые я и он имели в определенный момент, и нет сомнений в том, что он чувствовал больше гнева по мере того, как изменил разглагольствование на отсутствующее лицо. Кажется, что обида не вызывает боль, и потом я качу руку, говоря, что не приду без большого дела. А я действительно восхищался, потому что понял, что он испытывал страх, видя меня, и то, что я потом сделала. Но была одна веселенькая вещь, он очень волновался. Я это знаю, поэтому чувствовала в его разговоре, что он не знает, что конкретно ответить. Они потом скажут, что не знают, сеньор, что тот не является этим человеком, с которым слуги, с таким же характером, как и вы, смогли достичь какой-то вещи. Я это вижу и понимаю, господа, в моей руке шляпа. Затем, вы опустите голову, поворачивая ногу, и повторите снова, даже если вы надоедаете человеку. Они прощаются с большими обещаниями, давая понять, что вы собираетесь искать серьезное лицо среди радостных, которое больше кажется сердитым. Глаза уставились в пол, рот немного искривлен звонким смехом над теми, кого принимали за храбрых. Что вы об этом думаете? Безрассудно ли слушать это, сказал Эдгемо. Господа восхищались тем, что видели то, что происходит в мире. Они больше склоняют вас что-либо сделать, ответил учитель, если вы будете следовать этим моим правилам, с которыми живут многие, особенно те, которые хотят жить долгое время без работы. Но вы скрываетесь от многих вещей, о которых я вам скажу, некоторые из них являются частью, чтобы потерять доверие, которое можно здесь приобрести. Чего избегать, сказал Эдгемо? Того, что мне кажется ужасным, возможно они меня убьют, оскорбят или казнят? Ничего из

этого, ответил учитель, потому что вы никогда не окажетесь в такой опасности. Что держало меня на ногах столько лет с болью? На это, ответил Эудемио, что вы потом не будете активными от работы, а скорее от пустословия. Вы не понимаете, ответил учитель, что я хочу этим сказать, что тот, кто часто вступает в ссоры, – уходит или ложится костью, и мне кажется, что уже достаточно разрушено то, что я сделал, когда слуга в человеческих телах, чтобы обнаружить нас уставшими и использовать время на пользу, услышал спрашивают ли здесь видных, известных людей на вашей земле. Вы скажете, что это хороший слуга, разумно ругая его, но никто не видел, как он развлекается, это как простые наставники его работы, которые мы наблюдали? Это конечно не так, как говорят, потому что вы не можете отомстить за оскорбление, которое они сделали, что представляет ложь. А когда это настает, вы уже знаете правду и вред, обнаруженный в их работе. Если я назвал некоторых из тех, кто должен был сделать много дел, – вы скажете мне, что некоторые забывают, и в отдельных случаях то, что вы им делаете, вы делаете плохо. Но достойный слуга – это правда, и вы больше не будете говорить, потому что из того небольшого, что вы знаете, вы не потеряете суть, сказал Эудемио, и ни я, ни вы не будете делать то, что вы бы мне сказали, потому что те, кто это говорит, являются более подлыми, к тому же с дурными мыслями и развратными и завистливыми сердцами. Разве вы не знаете, что злые люди, которые не могут достичь добродетельной и эффективной вещи, даже при необходимости предпринять что-либо, когда они видят, как другие идут вперед и делают трудные вещи, которые те не могут сделать в силу своей трусости. Они начинают искать какой-то способ, чтобы уничтожить честь и виртуозное мастерство и потому, что они не могут отрицать много хороших вещей, осуждая кого-то, не зная невежд, которые несмотря на злобу, которая затмевает правду, не могут погасить это, делая еще хуже для того, чтобы навредить кому-то в конце года (если истина может повредить или свести на нет зло других). Но жалкие и убогие не видят, как они все падают во все плохое и становятся позором, и всеми путями стремятся навредить другому. А, когда они думают прикрыть свои недостатки (которые не маленькие), становится всеизвестным, что они ничего не знают, ибо тот, кто затмил чужую честь, у него у самого должна быть блестящая и светлая честь. А со всем этим без этого рассмотрения в них растет зло собственного мнения, так что есть люди, как звери, которые не только слышали завистников, но и верили во всю их ложь, которую они говорят, угождаясь им, больше желая работать, чтобы сокрыть свет доброты других, потому что их пороки и недостатки не являются явными, чтобы очистить все, и в конечном итоге добродетель имеет свою награду и отдых. Так, они и их недостатки будут иметь наказание и боль, несмотря на то, что они только испытывали это с завистью к хорошим и к чужой славе. Они бы причиняли столько тьмы, что были бы счастливы по

этому поводу в своей жизни (если они когда-либо знали бы это). Это как делать очень короткий выдох разогретой силы в летнюю жару, которая длится одно мгновение, оставляя больше тепла, чем дает.

На радость нам, вы хорошо говорите, сказала Мелисо, потому что кажется, что вы и я имеем инструменты, закаленные в одном месте. Режиссёры слышат вас, а эти трусы, которые могут похвастаться храбростью, будут растеряны и в стыду, который оставил им учитель. Он очень внимательно слушал Эдгемо и был раздражён его причинами. Я также хочу научить вас, рождённые вчера, верить в вашего учителя, когда вы заблудились и что-то не понимаете. Я не буду вас убеждать в этом, сказала Эдгемо, потому что я не верю завистникам и низкам, подлым людям, которые не могут страдать, у которых есть тот, кто принесёт их к известному преимуществу, чувствуя себя настолько невежественными и терзкими, что у них есть чувство вины за то, что ленивые передали тем, кто работает, переходя в зависть. Чтобы идти дальше, нужно присутствие силы, чтобы прошептать им, урезая факты их натуры, пытаюсь уничтожить связь правды с ложью, и с этим заткнуть всё, что было им сказано, срезая побеги добродетели острым ножом своего завистливого языка, ставя всё под сомнение. Я это видел, поэтому говорю и создаю пубlique причину вашего правила и вашей злобы, кто может с волей тихо страдать от неверия и ожесточения, которые имеют некоторые из тех мужчин, заслуживающих доверия, и почему они должны сгнить продуктом изобретательности гругов, и величие духа гругого человека из-за их грубости и трусости? Почему кажется, что они не могут это сделать из-за отсутствия сердца и не будет ничего, чтобы это сделать? Несмотря на то, что они понимают, что такое правда, они препятствуют тому, чтобы это было сказано. И когда опасения не могут больше открыто показать все точки вашей воли, они говорят, что всё в порядке. Есть много людей в этом городе, которые рождаются одними, а воспитываются другими, и, если вдруг их спросят из зависти, – они ответят, меняя цвет лица, не зная хорошо этого человека из своей страны. Но, если я и знаю, то я с ним не имею дел. Вы увидите гругую группу людей, которые завидуют, потому что они поднимают официальные документы, доказательства и говорят то, что когда-либо случилось с гругом из-за его мышления. И потому, что они идут против их чести, потом в определённый момент, трусы начнут им доверять, и даже некоторые из тех, кто следуют своим гругам, которые не создают работ, достойных похвалы, будучи сильнее и крепче, чем скала для хороших людей, и мягче и легче обрабатываемей, чем воск для плохих, и если они спросят автора об этой лжи, откуда он знает? Чтобы избежать опасность с таким большим злом, он говорит, что слышал человека, которому доверяет, или то, что он видел всё, что они сказали, потому что эти люди с болаивым представлением. Они это делают, потому что ни один из его коллег не может им противоречить. И если вдруг появится кто-то,

кто будет это защищать, они будут говорить то же самое, как хателеоны, меняющие окраску. Нет смысла ни использовать это, ни защищать. Все мы ваши старшие суги здесь. Эудемио закончил говорить, занимая место суги, и глядя на своих друзей, которые с большим вниманием слушали его причины, наполнился истиной и справедливостью. Но учитель не мог понять, что они знали похожие вещи и были очень правдивы в отношении. Но по отношению к тем темным и отважным фежтовальщикам, которые только притворялись, он смотрел недоверчиво, сказал Эудемио, качая головой. А вы говорите мне это, чтобы не обучаться ни у кого, поэтому я говорю, что вы изучали? Вы можете достаточно знать, два года изучая латынь? Убо в правде, которая была в этой настоящей истории, я был большим знатоком латыни. Не во всем, но по крайней мере там, где они хотели, чтобы я включил это в исследование, смотря на вас на самом деле, сказал Эудемио. Но скажите мне, кто был первым учителем, кто держал в руках оружие. Учитель сказал, что первым был Майсер Мелатбрук, благородный человек бурзундско-французского происхождения, который будет обучать всех своих родственников по происхождению, а для меня... я был выбран из всех способных людей Термании, которые знали оружие и понимали правила. Я обучался этому очень быстро, чтобы научить многих королей, и я проверил свои способности, и превзошел всю честь, которая у меня была, и могу превзойти и получить еще и еще вместе с дестрезой и мужеством, благородством, поэзией, романтикой, записями моих подвигов из-за страха тех, кто рассказывал о тех подвигах, которые видел в моих книгах о рыцарях, быстро схватывая правду и задерживая смерть многих со всеми секретами, которые держат для себя сельчаки. Они могут достичь итья хорошего сына, и мне надоела ложь, которую пишут, поэтому здесь я больше не верю в разговор.

Я изумлен, сказал Эудемио, великой способности вашего учителя, и еще больше – вашей, что в памяти вы держите всё. Как продвигается эта книга? Мы знаем порядок, если он такой же хороший, как и вещи, которые я использую. Мы бы дали работу тем, кто отдыхает, сказал учитель, если вы хотите, а затем пойдет дальше к тому, что вы будете наслаждаться замечательной лекцией, которую преподавал мне великий Негро Монтэ. Он был лучшим человеком из Манотады, которые были в свое время, он дотягивался до цели передней частью меча, клал его на пояс и обмахивался мечом, двигаясь со мной. Обратите внимание, хорошо двигаясь, поставьте газу поверх руки с мечом, отклоните наконечник шпаги противника газой, а затем ударьте мечом, делая выпад как бы кулаком. Удет парирование этого удара мечом и газой, скрещенными в ударе посередине, удар тыльной стороной руки, потом ногой, отклоните этот удар внешней стороной гаги и раньте мечом или кинжалом. Не знаю, как мир не утер из-за того, что у меня хороший удар и ловкость, двуручный меч в паре с другой ногой, удар тыльной стороной руки, длинный режущий удар с большим усилием. Я могу скрыть кинжал, чтобы вы не видели, как я

его достаю, веду в вашу сторону, как я режу вашу ногу или этот воздух, кинжала, который некоторые оставили в заведении своим сыновьям. Я несомненно влюблен в себя и понимаю, что правду я не обману. Посмотрите на то, что вы делаете. Вы находитесь здесь, или нет; здесь красиво или нет. Я этого не говорю, я делаю парирование своей газой, отклоняюсь, из многого извлекаю пользу, вместо того, чтобы ожидать обо что мой меч хочет завершить движение, будучи уже опущенным. Высвободите кинжал из руки и оставьте его в ножнах, и после уже нанесите длинный порез двуручным мечом в эту точку противника. Обманное движение телом, схватите ногу, уравновесьте меч, вытаскивайте его из-под низу, слышите наконецник с ударом рукой или нарукавником, нанесите удар двуручным мечом, сейчас я вам это дам. Когда я закончу наносить удар своим мечом, следующий ваш удар будет в мой меч, безусловно – очень наглядно. Хитроумно соедините ноги. Замечательно. Но всем вопросам я человек вежливый, настоящий. Уберите потом клинок, чтобы не истек резервуар уроков, хотя, это невозможно. Услышьте меня, сказал Эудемио, как вы можете перенаправить мой меч вашим кинжалом и ударить меня в это время мечом. На что Мелисо ответил, что движение, которое делает газа при отклонении лучше, чем раны, и движение меча удаляет количество и часть движения, которое проходит газа при отклонении и дальше делает то же, как при законченном движении. На что Эудемио ответил или обратил внимание на вид раны при отклонении: если будете смотреть на рану, не сможете уклониться, за исключением того, что меч придет с очень верной стороны, и это не та сторона, откуда все время приходит удар мечом, потому что учитываются раны высокие, низкие или средние, или снаружи, и если вы будете смотреть при отклонении, то допустите ошибку при нанесении раны и нанесете ее противнику, потому что внимание зрения, это как память, чтобы иметь силу, которую по-другому еще мы называем намерением или понятием духа, которое не дается какой-то протектоток времени. И ты видишь, что он должен осуществлять и обеспечивать это в одной части, а не в двух разных, и в то же время я не могу смотреть высоко и низко со всем своим вниманием, потому что там, где есть много попыток и кто использует зрение, – ни в одной из частей, остается сильным, будучи разделенным. Потом вы тратите время на то, чему вы обучали, потому что вы хорошо знаете, Мелисо, что движение отклонения отличается в натуральной форме от движения раны, и то же самое, как правило, относится к другим уловкам с ударами рукой, что служит как усталость, и посредством работы тела и духа можно обучить дестрезе без особого утомления и гнева, в основном, стараясь нанести все эти раны, о которых вы говорите, не прикасаясь рукой к мечу противника. Это дает мне подозрение, что когда человек защищает левой рукой от движения противника, это то, что заканчивает мастерство, которое вы не делали, если бы знали, как поразить противника и искусно защитить себя, идя по

пути, на котором фехтовальщик, которого я знал и обличал много раз, когда направлял левую руку к его мечу, отвечая неуравновешенно и не пользуясь положением левой руки так, как правой, потому что мне это не приносит пользу? Оставляя это дома, без учителя я хочу знать, что полезно, есть ли другой секрет? Какой самый большой секрет, ответил учитель, который вы от меня узнали? Этим я зарабатываю деньги и еще я здесь, чтобы сказать, о чем говорит этот фехтовальщик, и хватит рассуживаться. В этот момент я понял причину, сказал Эудемио, почему благоразумным, сдержанным тулчинам никогда не дают изучать оружие. Не потому ли, что ответил учитель? Это как теперь вы тратите свои годы и деньги на них, пользуясь мной и другими, кто знает меньше. Вы знаете, ответил Эудемио, что порядки в дестрезе в настоящее время находятся за пределами рассудка, сильно ощущая необходимость доказать истинность уловки, которая не должна быть всем. Эдесь же мы слышим выводы, аргументы и выдает их за ваши, отрывая от того, кто о них говорит, защищая славу и честь работы, часть которой ни с чем не сравнивается с нехарактерными вещами. Никакая вещь не казалась учителю самой достойной его смека, и только она находится снаружи, чтобы не потерять ее, работая над раскрытием своего раздражения и гнева, плюс интерес, который выжигает Эудемио, и страх, который у него есть, потому что казалось, что он небольшой страдалец, подавляя свою храбрость, с обликом человека, который издевался над ним и сказал: я должен был воспользоваться тем, что вы говорите мне в дестрезе? В дестрезе мне не говорили то, что вы будете прятать это лицо, которое никогда не говорило ничего дельного на тему оружия, которое не казалось моим, и судить таких людей за подобное. Я верю в то, что вы говорите, ответил Эудемио. Так, вам верят во всем остальном, чему вы учите в области оружия. Мы уже видим, что это стиль, который нужно иметь, чтобы быть тем, кто вы есть, говорю за то, что вы говорите. Все это для вашего урока и выгоды, ответил учитель, и будучи все во внимании, вы продолжаете говорить. Сейчас приходится иметь дело с тем, что целесообразно, без всякого пролога или высокопарности, несмотря на то, что важность и серьезность Эудемио, благоразумие и авторитет грузей не позволяли тратить время на дела столь низкие, при возможности использования их в вещах, которые в конце оканчиваются соответствием, как если бы способы были несколько трудоемкими, как те, в которых есть сила. До сих пор они судят вещь не менее выгодную и полезную, что больше случается от этих невежд, чем от обучения того, что подходит, когда это не было, по крайней мере, распоряжением намерениями и волей, очищая от всех этих зол, чтобы, когда придет истинное мастерство, было меньше сопротивления со стороны вульгарных фехтовальщиков. Так, с этим мотивом и христианским рвением, вы стали более подозрительными и обращали внимание на людей, которые просили учителя продолжать дальше раскрывать пороки, прощая людей. А учитель продолжал, как

бы для всех, неприятные и очевидные вещи Эугенио, что страх приходит к мужчинам в двух случаях. Первый – это когда выполняется работа, но с этим вы никогда не должны работать. Второй – со словами большого столпотворения, члены которого должны быть согласно следующему образцу: первое и самое главное – вы должны искать дружбу с мужчинами нелюбимыми и заключенными, и заключенные будут богатыми или храбрыми. Богатые, – чтобы вы подумали, что имеет пользу, храбрые, – чтобы вы одобрили дружбу. И это является основной частью храбрости, и я хочу знать, спросил Эугенио, как я должен представить себя храброму другу. Я вам скажу, ответил учитель, что вы должны соблюдать. Прежде всего, знать название. Когда уже знаете, то название уже известно, укажите ему путь и с большой вежливостью говорите медленней. Мой господин, я целовал руки миллион раз, вы меня не узнаете? Я верю и думаю, что я в значительной мере очень люблю славу, примите меня как своего слугу, потому что вы гордитесь слугами смелыми и бесстрашными и мужчинами, которые стойко противостоят невзгодам. Но вы потеряны из-за таких людей, как он, которые предлагают все, хотя я рискую своим, и вы стремительно теряете деньги без промедления, что наносит мне своеобразный «удар», потому что это – общественность, и моя основная цель заключается в обслуживании таких людей, и это, мой господин, без угрызений совести, подношений или обещаний. Вы будете совершать какие-либо действия, когда вам ответят множеством благодарностями, приятными словами, понижая голос, немного улыбаясь, не очень сторкаясь, улыбка немного уступающая и веселая, с которой можно обрести дружбу в длинном разговоре, вслед за остроумием. Хотя произойдет несчастливая ссора, такая, что можно легко поверить, что вы содержите что-то невозможное, и при неовкости говорите слова с большой медлительностью и флегматичностью, останавливая ссору в точке, куда она следует, если те, которые там остались спрашивали, это были вы? Вы ответите на сомнения вашего друга, возвращая свои собственные, но, если они обнаружат это или замешкаются спросить, говоря вам с большой спешкой раньше, чем погаснет ссора, выставляя свидетелей, которые медлят, чтобы познать их быстрее, чем в рождении и смерти, не смотря на то, что они живут долго. Вы будете спрашивать своих друзей, чтобы служить им источником, и скажете, что за их заслуги вы сдержите шкуру с каждого, и для тысяч жизней, которые оставались для всех вместе, попросите помощи подвострастно. Вы будете говорить медленно, потому что не будете размышлять без концерта лжи, искажая рот, смотря искоса, когда самые невнимательные продолжали говорить. Теперь я уже действительно вижу, что земля больше не может терпеть наши подвиги, и это является признаком того, что мир хочет закончить это, потому что в мире очень мало людей, которые, не смотря на то, что должны делать то, что положено в драках, – хорошие сыны менее трусливы и малодушны, особенно вы,

сеньор, кто сказал мне, что боретесь без каких-либо повреждений. Смелый и отважный ответит вам, что это мой господин, а все остальные в мире могут быть ковром для ваших ног, возражая вам потом. Я не позволю это сделать, потому что, когда вы приходите со щитом, то будете направлять мою жизнь, а сами останетесь со шляпой в руке, перед самым маленьким из всех, создавая ссоры с разными целями, обсуждая дружбу тех, кто не разговаривает. Одних вы будете угощать с учтивостью, а других обещать порадовать своих родственников, которые могут многое, вы будете просить в долг деньги Нового Света, и ни из-за одной вещи в мире вам не будут причинять неприятности, не давая им повода, потому что Бог может простить их, когда они оскорбляют вас и также много успокаивать, что нет ошибки, мой сеньор. Наблюдать за тем, о чем вы сообщаете, делать их тихими и обездвиженными в любом случае, смотреть на то, что вы слышите, и что они отвечают. У меня появились две хорошие мозоли, одна на языке, и одна в руке. В то время, как учитель это говорил, не было ни одного из тех, кто сопровождал нас с величайшей осторожностью, кто бы не слушал его, изумленно слушал, и еще больше понимал, что то, о чем он говорил, была практика храбрых, что обычаи молодых людей подмастерьев были повреждены, и Эудемио смотрел на нас недоверчиво, оставаясь на некоторое время сбитым с толку, пока не вернулся к учителю и не рассказал ему правду, что порядок – это то, что я видел как использовали некоторых людей, и что у них нет мало тех, кто такие, как они, и такие же балованные. Но я прилагаю все силы, чтобы узнать, потому что меня еще не обманули, как сделали бы, если бы вы меня не предупредили. Я знал, скрывая свое тело, или, по крайней мере, слушал, чтобы понять, как они обманывают простых людей, ведя их на виселицу или подвергая внезапной смерти. Вы будете пользоваться возможностью, чтобы предупредить тех, кто не знает об этом и больше то, что я нахожусь в вашей гестрезе. Теперь вы поймете, ответил учитель, распорядок жизни, который отработан. Вы очень молоды, и для чего вы напуганы, хорошо слыша то, что большинство из них использовали с хорошими дочерьми, когда хотели дать нам подарки одной благородной женщины, чтобы сделать для вас то, чего не делали ни для кого. Сначала вы будете хорошо учиться этому. Сеньора, я хочу, чтобы вы знали меня, что ради вас никто не делает работу большую, чем я, и никто не является счастливым в конце гонений, и это открывается от моего испуга этой сильной руки или, по крайней мере, правой руки, у которой своя функция. Но любому случаю проливать частые слезы, хотя я подтверждаю вам, хорошая дочь, что у них нет необходимости создавать вещи, где представлено мое ужасное и мучительное лицо и, если оно спокойное и не возражает этому, делая меньше ошибок, потому что вы поймете, что у храброго человека есть изгиб в груди, несмотря на то, что у него есть меч, и, если оставаться в этом, потом придут некоторые, которых вы успокаиваете, просите

прощения. Рюкза рабочие, и если он откажется, то я бы отдал свою жизнь, вешая тело на двери, заслуживающего похвального случая, и, если как-то среди шума услышите в одном месте людей, пообещайте тем, кто ушел, не относиться двучично, наблюдая за Эудемио, что ваш дух побеждает в войне, без зарядки хорошего оружия, выходя из этой опасности в один момент не потому, что остались жалкие часы, когда вы не можете думать. Не хорошо, что вы забыли, что в вашем присутствии не говорит никакая драгоценная благородная дама, которая ни она, ни фехтовальщик не смелее и умнее, чем вы, смеясь над всеми, кто заигрывал с ней. А используя это, дама покачала головой. Сеньора, не тратьте время на то, чтобы оценить того, кто из себя ничего не представляет, где эти молодые люди просто сошли с ума и более смелые, чем сильные. Я их не хвалю, а стараюсь покончить с ними, когда в моем присутствии в одном месте их заметили бесчеловечными. Вы будете пользоваться навыками, освобождая руку слуги, который находится здесь, и вы будете делать это только с тонким листом металла, облегчая то, что из-за его бегства славы у него постоянно есть, о чем говорить. Хорошая дочь, хорошая дочь, эти речи излишни против меня? Как я хочу, чтобы той сияющий меч запачкался кровью, отвечая Эудемио. На что Эудемио ответил, что большие мужчины – трусы и не менее жестоки, или красивые шарлатаны. А вы понимаете, что я не должен был это ни сказать, ни сделать в доме женщины, питая к женщинам все уважение и вежливость? Тогда, сказал учитель, странно, что мужчина не говорит вам то, в чем он вас не обвиняет, но, если вам кажется это плохим, – не делайте это тем, кто это совершает, пока это не станет хорошим. В конце, чем больше действуете, и больше прогибов делаете, – то уже можете прийти и сделать это в один прекрасный день, как делают все в начале, а потом едят руками после этого. Они многому смеялись из этого, потому что знают, что, когда они расстались, было условие Эудемио попытаться сделать что-то, что может показаться плохим, и видя эффект, которым он его убедил, им это очень понравилось и отдохнуло больше, чем говорил, учитель вернулся для обоих, чтобы забрать мечи, и сказал: «храните этот клинок и возьмите в левую руку этот кинжал, сделайте ужимку своим телом, посмотрите на меня и раздвиньте стопы одна от другой, сильнее, вы смеетесь? Парировать всё в один момент дагой, пунтой», вы поняли, что он обычно говорит всем людям, а не новорожденным детям. У вас есть этот меч, говорю я, поспешите, ногти направлены вверх по направлению к лицу, которое идет вам навстречу. Отклоните удар в сторону кинжалом, пораньте ногу, я не говорю ни это, ни то, что вы делаете мне; вы очень сильно бросаете, и не поступаете так часто, как и в прошлом. Он бы побегал вокруг со мной, если бы заметил глубокую рану на бедре, а затем вырвите с силой и сделайте длинный режущий удар, и кинжал в груди бедолаги слуги, пробивая дорогу посередине через два меча, устремляясь внутрь, а затем наружу, туда-сюда по необходимости. В другой раз подбросьте

вверху и не забудьте пройтись снизу, не так пышно и сильно, чтобы
 меня откинуло наружу. Вы должны убить меня, сделать это с
 расстояния, которое вам выгодно. Я говорю, что мне не кажется это
 удачей, что ты борешься, отводишь ногу и убиваешь вас без освобождения,
 которое больше не будет в моей руке, или он, по крайней мере, вонзит
 этот кинжал через уши, приостанавливаясь. Я буду обучать вас на
 всех языках, насколько это возможно, я покажу вам все языки мира,
 уловки множества, итальянские уловки, тосканские, неаполитанские,
 французские, португальские, галисийские и бурзундские, лучшие из
 тех, которые исследуются. Я также научу вас ругаться на латыни
 и постигать оружие на всех этих языках, из которых вы будете
 извлекать для себя пользу, когда из-за ваших грехов вы можете быть
 фехтовальщиком или шарлатаном, репетитором или известным и
 безызвестным в этой науке, или холостяком среди храбрых, зная,
 когда вы должны раскрыть правду, относиться к каждому существу,
 не выходя из памяти, что стоит большой работы, чтобы очистить
 их, особенно являясь домашним учителем. Вы видите все эти
 тонкости, о которых я говорил, и странности языков. От одного,
 кто является виконтом, до соседнего острова, название не помню.
 Вы не сможете пройти легко без этого, выставляя руку, чтобы не
 работать. Вы должны слышать о необщительных, нелюдиных? В то
 время, как вы действуете, сказал Эудемио, ищите новые хитрости,
 но вы изворотливые и пронырливые, и шаг за шагом обнаруживаете
 новое. Все это необходимо, чтобы стать фехтовальщиком? Нет,
 ответил учитель, чтобы быть фехтовальщиком в это время, если
 кто-то хочет знать, то иностранцы, невежды, неопытные и неумелые
 приносят свои реалии, хотя это как лекции на всех видах языков, и
 они заисовывают на фехтовальщиков, отрицая все, что было дано
 понять с видом лица, которое обучает. Это верно, что я могу делать
 все очень долго. Это очень плохо, ответил Эудемио, и вы не можете
 страдать, потому что вы говорите очень свободно. Затем вы
 думали, сказал учитель, подойти немного сюда. Возьмите это
 острие, и следуйте тому, что я хочу продолжить движение вперед.
 Есть одна вещь, которая будет давать это имя храброго, так как он
 дал многое этому миру, когда кого-то отговаривали, спрашивая
 основную причину замкнутости и необщительности, и как прошла
 ссора, и где вы будете делать груга груга, при особенной манере
 вести беседу, с лучшими средствами на которые вы способны. Через
 два дня общения и дружбы я молю, чтобы довести до сведения
 нелюдиного человека и засвидетельствовать, что в некоторых ссорах
 вы видели брань, драки, которые остались любительскими и
 потерянными на веки, и, что главное, что вы видели причину
 замкнутости на себя, ссоры, которые остались со всем вниманием,
 которое засаждает столь великий подвиг. А что из-за этой
 склонности и влечения вы смеетесь от предложений молодых,
 неопытных юношей в такой степени, что они жаждут мучества и
 приводят вас к часам приема пищи, где находился нелюдиный,

заткнутый человек, и вы будете утешать его, что приведет вас к тому, что вы будете говорить первым, и придёте с большой учтивостью, вежливостью, с большой шапкой в руке, протягивая плечо, как будто кто-то хочет нанести длинный режущий удар, и в то же время сделать ритмическое движение, но только до половины, голос немного низкий, дайте ему то, чего он добился. Здесь находятся эти джентльмены, которые будут проводить время в моем месте, и наблюдать за вашим отроком, не теряйте то, что я очень хочу. И вы в значительной степени любитель там, где вы видели большинство ваших ссор. Но что нелюдовый, необщительный человек ответит: я на самом деле ваш поклонник во всем, что есть в этом мире, что мир будет предлагать. Тогда без надобности больше ждать вы обязаны будете ответить. Это ваша воля, мой господин, чтобы быть благосклонным и милостивым к отрокам моего рода, потому что тот, кто имеет многих людей и хорошего сына, и когда есть большая причина в том, что я праздную свой век для неопытных юношей и вечно приверженных, – это возвращает этот жест для всех, кто там остается, хорошо открывая глаза, глубоко вдыхая носом, сгибая немного тело, говоря, что я неопытный юноша не для тех, которые используют то, что есть по обыкновению, а для тех, кто рад вашей милости. Я буду говорить без обиняков и испорчу лицо любым превосходным вином, и вы будете наблюдать за мной очень тщательно, со всем вниманием, и за всеми ссорами, которые загрязненные и не являются достойными, присваивая руками то, что я буду давать, я расправляюсь с ними. И, если они преднамеренно берут скатерти для стола, и будут вставать из-за него, без надобности больше ждать, много прося и упрашивая, не говоря вам, что они не собираются отвечать, то в итоге с известной досадой и оскорблением я это сделаю потому, что несколько джентльменов больше были склонны просить и утешать, чем кормиться пищей, но сегодня с ними и для них я настаивал один месяц на том, что в его обществе была определенная ссора, что я всегда стараюсь оказывать людям эту милость и благосклонность, и как есть мало хороших сыновей, которые защищают людей, так и у меня есть много дел, которые нужно сделать. И хотя я доволен и мне нравится сражаться – я оставляю это вам, чтобы служить этим господам, молча во время еды, немного оставляя место, где могут все говорить, не споря ни с кем, хорошо одеваясь, без профессии, дохода, несмотря на то, что ни на чье усмотрение им никто не может помешать и воспрепятствовать, которые не подозревают о правде, отвечая вам, когда вы спрашиваете, если не знаете, что ответить. Вы не вернетесь ни за кем впереди, кто не был вашим другом, осуществляя вред. И я хорошо понимаю, что вы это делаете для объявленных храбрецов, ища того, кто будет следовать за заткнутыми и нелюдскими и служить чемпиону, когда он вам предложит в одиночестве, потому что у вас есть много слов и мало стыда, несмотря на то, что вы не знаете, что делать, чтобы сохранить все вместе и наемных рабочих тоже. Я хорошо

понимаю, хотя есть только один, кому вы можете приказывать. Не знаю, сказал Эудемио, ответят ли мне они на эти вещи. А я не скажу, и я не понимаю, потому что они еще не заканчивают свою ложь и обман, и маски, которые они мужественно носят. Теперь я пришел, чтобы узнать причину, почему разговорчивые трусы из благоразумных людей такие скучные. Как они глупы, ответил учитель, что думают, что могут вас напугать или изнурить. Из того, что я слышу, меня они не утомляют, ответил Эудемио, скорее они меня удовлетворяют, что делают то, как вы говорите. Есть люди, которые создают и оценивают. Игнорируйте это в работу, сказал учитель, и пользуйтесь этим, и я обещаю, что вы будете пальчики облизывать от удовольствия после этого. Но это дело второстепенное, потому что не надо никогда ругаться, за исключением тридцати против одного. Не говорите того, ответил Эудемио, что наполнит ад такими людьми как доносчики, поставленных дьяволом против добродетелей, которые никогда не соглашаются с тем, что они должны умереть, чтобы noch дальше грешить, пренебрегая тем, что необходима осторожность и бдительность. Это как легко пройти через обиды и оскорбления, которые наш господин время от времени создает, если они не сознаются? Чтобы послать их принять истинный путь добродетели или оставить с дьяволом с такими промахами, если будут идти по плохому пути. Вы очень хорошо говорили и как всегда с благоразумием, что всегда свидетельствует о вашем благородстве и порядочности, ответил Полемарко, если ваши причины, как правило, ими принимаются и признаются. А тех, кто пребывает в пороке, очень сложно отделить от дьявола, потому что он вводит их в заблуждение с наслаждением, которое находится в его пагубном пристрастии. Он не хочет встать и найти лекарство от своих преступлений, пока смерть не сократит его путь, и не будет стремиться исправить их, когда у них уже нет больше места для страха, чем для причины, и поэтому, к сожалению, вы не воспользовались этим, чтобы исправить свое зло. Оставьте это нам и прислушайтесь к учителю, что не меньше пользы нам принесет услышать это, чтобы знать зло, которое не принадлежит храбрым, что для них нет никакого вреда. Бог дает вам здоровье, ответил учитель, который говорил в мою защиту против этого болтуна и трепача, который с моими уроками становится более оптимистичным и хочет меня смутить, и потому они злятся на меня, объясняя секреты мужества. Остерегайтесь меня, я обещаю вам, Эудемио, что это большее, что я перестала делать, что сделала в своей жизни. Теперь, ответил Эудемио, пойдет дальше, у меня есть вся моя жизнь, чтобы рассказывать и смеяться, когда вижу, что некоторые из этих фехтовальщиков бахвалятся, что больше, чем мне нужно, чтобы быть совершенным. Еще больше, сказал учитель, если вам не хватает того, что знаю я, но из того, что знают другие фехтовальщики они уже являются учеными людьми. Дайте мне урок, сказала Эудемио, которым никто здесь не пользуется, не тот урок, который все дают,

который все знают. Хорошо, что вы знаете, ответил учитель, понимая, что меня уже проэкзаменировали, и я хочу дать вам возможность в Тоскании, Италии, Флорентино, Бергамосе, а потом услышу каким образом вы должны покаяться в извинениях. Я сказал, что научу вас с искренней волей и нерушимостью моей любви, желая продолжить в Тоскании с большой улыбкой на лицах всех, за исключением Эудемио, который заится на то, что я ему сказал. Посмотрите, что беспокоит меня, и не будьте надоедливы, вас больше не будут слушать. Достаточно уже того, что вы назойливы в гестресе, или, ответил учитель, вы куда-то идете? Не оставляйте мне даже немного того, что несет в себе этот надоедливый, назойливый язык молокососов. Я думал не оставлять эту большую очередь на всю Италию и Португалию, потому что я знаю, что учитель, который хотел вам прочитать лекции, не был из тех, кто сейчас в Венеции, где существует самый знаменитый человек. Учитель сказал, что он был найден после меня, и с ним произойдет то, что я вам скажу, потому что он был хорошим сыном, который говорил сам лично. Если он не отрицал этого, то имел некоторое отношение к моему мастерству и бесстрашному сердцу. Потом, наконец он придет в компанию многих, кому я говорил, увидев, что это те, кого сеньор Майсер Антонио отправляет неторопливым шагом, рассуждая о причине такого обличия. Мне рассказали испанский роман, который царит в вашем сердце, желая увидеть вас в этом месте вместе со свергнутыми, лично имея повод внедрить это в работу и дать вам совет, оказывая поддержку. Я зову господа, что вы меня недовольно слушаете и будоражите глаза, чтобы сосчитать, сколько их было. Они думали, что это было без боя, что их никто не обманул, и они подготовили свои клинки против вашего учителя, и меньше против Эудемио, который окрашивает свой клинок кровью, спрятанный грудью. Я вернулся с ужасным выражением лица, когда учитель спрашивал его, что вы хотите сказать, говоря на вашем языке, и я его очень хорошо понимаю, находясь в стороне. Они бежали и плохо обработали мои слова, несмотря на то, что они ожидали худшей работы. Они идут за мной, и я за ними с веселым выражением лица, или смелым народом, как будто бы они менее подготовленные в оружии. Общество приходит за смертью? Высокомерные фехтовальщики необоснованно и без причины начинают бить их плоской частью клинка, и здесь появляется большая часть инородных тел. Несчастный учитель сделал для меня защиту, которую я хотел много лет, очень близко пряча большую часть меча в испуганной груди, и часть жизни извлекая из нее ссору. Посмотрите на меня, Эудемио, когда я дерусь сердито, в теле очень много мастерства и ловкости, и посмотрите на скорость исполнения, которую очень внимательные не могут обнаружить, которые являются автором моих ран. Я возвращаюсь к остальным и заставляю их упражняться в бегах, ветер остается позади, они приходят и говорят, что у них был долгий путь, который ты принимает. Впереди профессора не по

отваге и ловкости, а по трусости и неуклюжести, и не ожидайте большего зла, не ожидайте, потому что я сражаюсь без малейшего ущерба миру, с теми, кто безнадежно прятался за моей рукой, произнеся, пристально глядя на своего учителя, что в его языке много сострадания и сочувствия. Младча, я не хочу говорить всего, потому что вы не хотите слышать тосканцев. Я видел, как их горькие сетования и жалобы увеличивались и приходило много людей. Лучшее было бы, если бы вы меня радушно приняли в этом месте, где я сейчас нахожусь, чтобы служить вам и всем друзьям. Вы довольно остроумны, сказал Эудемио, когда спорите. Хорошее воспоминание – это ваше воспоминание, и вы также согласны, что вещи не происходят так, как происходят. Вы здесь правы, ответил учитель, из того, что я говорю, большее не происходит, потому я не делаю все, что мог, потому что, если вы посмотрите на это, то мои вещи не похожи на то, что есть у других людей. Он обиделся и оскорбился, слушая учителя, видя, насколько ему нравились их друзья, которые могли сдерживать смех, перенося эти хлопоты и беспокойства, чтобы быть ими принятым. Я прошу вас продолжать эти уроки, чтобы иметь возможность прибегать к помощи судей и фехтовальщиков. Тот, кто положит левую руку на бороду, искривляя рот в сторону, покажет, что он очень внимательно всех вас слушает, чему я буду очень рад, что с такой большой работой вы этого достигли. Так мало известно о том, что такое дестреза. Необходимо много мастерства и умения, и нужен человек, который хочет дать понять, и который знает, потому что я подтверждаю вам, что до сегодняшнего дня так мало открыто в науке об оружии, что требуется использовать следующие вещи, чтобы те, кто был фехтовальщиками, могли учиться с небольшим трудом, чтобы оправдать опасения, полученные с опытом, они очень выгодны для каждого вольгарного человека. Как я должен быть тем, кто будет знать, как воспользоваться этим, и с этим вы можете достичь имени храбреца и фехтовальщика. Не слушайте никого, кто будет (это то, что очень важно для низких людей), если эти наши уроки вы запомните наизусть, с которыми многие живут. Прежде всего, дни недели проходят без меча, а в воскресенье его приносят, и когда мы вступаем в спор, у нас их два. Очень длинная шпага, и, если я напугаю кого-нибудь длинным мечом, я говорю, что принес его, чтобы сражаться со многими людьми по ночам, и другой меч не слишком длинный для ремня. Вы приходите не с радостным лицом. Только те, кто понимают, что они ничего не знают, находятся снаружи, и они не смелые. С длинным шагом и просторно, как лев, подавая сначала свое тело вперед, вы снимите шляпу перед теми, кого вы боялись, прежде всего, чтобы первые на вас посмотрели и долго целовали вам руки, а других, хотя они и видели вас, вы ожидаете с большим ликованием, одних до конца, других наполовину, и вы делаете это также для тех, кто совершает определенные движения ногами, как ловкачи. Вы объедините дни пребывания по вечерам с другими или

третья грузыями уже обманутыми, и за спиной у всех отправитесь вместе с ними в Трагос, где находится игра фехтования, и дождетесь большого восстания, а в момент разрыва, броситесь туда, где будет находиться мастер оружия. И если вам кажется, что, находясь в игре очень светливой, возбужденной, вы не сможете играть, – быстро возьмете меч, не снимая плаща. Вы достанете меч из-за ремня, держа человека за одежду, с жадной сражаться. Вы откроете глаза так, как сможете, вращая их с одной стороны в другую, как будто вам нужно охранять спину, или может быть такое, что человек подозрительно относится к правосудию. Если в случае, говорит вам учитель, когда вы видите свой гнев, что совсем не радует, что вы играете, тогда вы спокойно опустите свои брови и посмотрите на землю, не идя на противника. Если видите, что противник освобождает место своим мечом, оттакивая людей, бросаясь на противника, нанося ему удар с одной стороны, и если потом учитель вставляет бастон в знак мира, нападая сразу на все, ввиду того, что он может. Если я прошу вас больше не играть, не нужно будет много спорить или обсуждать это, высвободите меч до точки, пока вам не скажут «достаточно», это делается вульгарным фехтовальщиком. И из-за вашей задержки другой выпустит свой меч, на что вы очень разозлитесь, не имея страха, и, если другой возьмет меч, и вы его не узнаете, поменяйте их меч на свой с небольшой улыбкой и попытайтесь нанести большой удар под влиянием гряды или как угодно, как вы хотите. И если будет гневный человек, который пойдет к нему с веселым лицом, ложно улыбаясь, это поможет вам близко с ним погрозиться, и он не избавится и не утихомирит страх. Но, если другой нанесет вам много ударов, опустите его своим острым мечом и находчивостью, давая ему понять, что он обнаружил ваше мастерство и ловкость. И если вы нанесете ему (к его удивлению) какой-то удар, выхватывая меч, вышвыривая его руку, говоря, что я нахожу это не совсем во благо – играть с грузыями, вы поведете нас за пределы участка, не надевая плащ, задев свою шапку шляпой, протыкая их аж до самых глаз, ставя их в середине тех, кто есть, и где они с вами и грузыи становятся свирепыми фанатиками и говорят, нужно ли им что-то? Потом вы ответите с большой осторожностью и с рукой, помещенной на рукоятку клинка, опротестливо демонстрируя свое мастерство, прощая вашу милость. Я точно понял, что есть один фехтовальщик, кому я в прошлом проломил голову, который пришел меня искать, чтобы повидаться со мной из-за известности и репутации, которая у меня была. Это непревзойденный молодой человек и это был хороший бой. Ему казалось, что что-то было в речи. Вы будете смеяться над ловками, которые делают грузыи. И, нанося удары друг другу, ты скажешь тем, кто рядом с тобой. Это то, потому что это приносит вам пользу, говоря со мной в последний день. И тем, кто пришел послушать вас, вы скажете: пойдете ко мне домой и насладитесь прекрасными вещами, богатым мастерству, искусности и тонкостям, изобретенными ночью под тенью лампы.

Что то, чему они учили, – это воздух, поэтому они будут знать всех вас без того, чтобы слава ужасного и беспощадного пришла и слетала с уст простолоюдина и ранила слух рыцарей, которые очень хотят увидеть вас, думая, что только с одним этим усердием они уже фехтовальщики и нуждаются в ваших сигналах. Вы не будете никому, кто за ним следует, говорить ни хорошее, ни плохое. Если вы думаете стянуть ребра сверху соломой, прошу прощения за удар, вам придется поговорить с фехтовальщиками дестрезы, не вдаваясь в вежливость. Вы делаете ставки, в которые невозможно поверить и оставить им. Вы объявите, что будете играть сто герцогов учителя Толонгрина, не имея ни гроша. Но те, кто деньги имеют и что-то знают, их вы будете иметь в качестве грузей. Вы тайно смеетесь над ними от всех фехтовальщиков, которые продолжают свои пересуды, обманывая молодых людей, у которых еще нет бороды, как вы хотите, чтобы было, чтобы взрастить свою дестрезу. Вы сказали им, что научите их за меньшую цену, потому что вы являетесь учеником того, кто знал об оружии больше, чем Теракл. Но я предупреждаю вас, что вы не будете в ожидании или участвовать в соревнованиях с людьми, с которыми вы будете драться. Будучи внимательными, вам придется, что будет хорошо, если бы вы спали, часто переходя к этому. Что скажете на это?

Боль для меня чудесна, она заставляет двигаться вперед. Вы объявляете, что в один прекрасный день он сужил с вами очень образованного человека, не имея против него ничего грубого, кроме как то, что он каждый день остается среди ваших грузей, победителей, не привлекая фехтовальщика в игру, который не знает и не слышал об этом. Эудемио был поражен обманами и проступками, которые обнаружил учитель, но радовался, что может понять то, что те, кто в дальнейшем будет предупрежден об этом вреде, будут жить более скромно среди этих людей, также надеясь, что те, кто используют подобные недостатки, им стыдно на публике признать свое зло, и что они поняли свои попытки узнать и раскаться в злом состоянии, восстановиться в том, что наиболее подходит для пути добродетели и спасения их душ. А, обратившись к учителю, он сказал ему: «Они никогда не сталкиваются с этими трусами, с которыми они разобьют голову?» Вы не видите, – ответил учитель, смеясь, – что тот, кто имеет соломенную юбку, боится огня, и, создавая неприятности человеку, который может отомстить, они не выходят ночью и не бегают днем в тех местах, где их могут найти. «Мне жаль их, – сказала Эудемио, – все это служит поводом для плохих грузей». Он не знал хорошо учителя и имитировал своим мечом в воздухе одну из своих стоек, что вызвало у Мелисо и Полетарко большой смех, понимая, почему он это сделал, и спросил Эудемио, что это было? Учитель ответил, как будто бы я ему очень хорошо заплатил, чтобы все знать. Трюк состоит в том, чтобы нанести десять или четыре пореза, не достигнув вражеского меча, с которыми вы можете оскорбить его верования. Это и называется сформированной

уловкой? Я ответил учителю и услышал, как он разговаривал с фехтовальщиком. А если вы очищаете раны таким же способом, как репутацию и славу, то не будет фехтовальщика, который постел бы ждаты вас, ни отвечать, выставляя на меня что-то типа плаща или накудки, которую можно обмотать вокруг шеи, отодвигая от груди. Сделайте порез над головой, не так много, отклонитесь, оберните плащом, поставьте левую ногу позади, снизу, затем сделайте движение корпусом, чтобы заставить меня исследовать оружие, или, если я выставляю накудку на его меч и сделаю движение корпусом снизу. Там, где я должен нанести рану своему противнику, у меня есть плащ? – сказала Эудемио, которого уже обнаружили, ответил учитель. А я помню, что у меня еще дома один плащ остался, который обматывался на мою руку. Я это видел после четырех уловок, которые напоминали уколы в спину быка на корриде. Оставьте это сейчас, если я нанесу этот порез, обматывая накудку на ваш меч, и отойду на одну сторону, и сделаю режущие движения в воздухе и поверну левую ногу, то с этой уловкой, которую я тебе дал, отойдите к этой точке на моем теле, сделайте порез в виде браслета, оцупывая, чтобы вы почувствовали, – и трудности закончены. То, что вы говорите, или что вы делаете, сказала Эудемио, вы не видите, что все это глупость? – говорю я, и он ответил вам: слушайте, учитель, что парирование закончено, и несмотря на то, что он парирует, ответил Эудемио, это не значит, что этот человек христианин, ответил учитель. Если он позволил себе быть убитым, и, если я не знаю, что сказать вам, немного поднимите руку, идите туда, где можно снова сделать порез в виде браслета. Для чего вы положили руку, спросил Эудемио? Потому что в соответствии с тем, что я слышал, что они говорили, они были правы, что это делается, когда нет нарку. Вы или не довольны, ответил учитель, потому, для меня, если живет и царствует коронованная роза, длинный порез, тело попадает под траекторию этого пореза, все остальное сзади. Вы вспоминаете удар ножом, как я сделал воспитаннику 24 раза, которому я открыл голову аж до зубов, и вместе с ними я стал помечать меч, когда оставался один, а против меня выступали лучшие мастера Севильи, и я заставлял их платить как зайцев. Вы не можете перестать вспоминать то, что там был Камачо, ваш стелый сосед, стальной палец Алькантарилла, Балдовинос Франко и Тарранни, Аргантонио Бискайский Серрогранде Норугус, Таработе и Туйяло, Мавазарес, Карата, Кантора и многие другие. Был ли там Мингаларио? – спросил наместник Мелисо. Да, ответил учитель, и был очень хорошим сыном, и это было потому, что мне потребовалась одна ночь, чтобы защитить его спину, чтобы войти в одну вещь, и когда мы туда приехали, мы все были у двери. Мойденте, сеньор учитель, эта оживленная улица, сказала он мне, грожа, и я ответил: нет, нас знали там, мы там уже были, нам нужно идти, наклоните руку, правая нога впереди, как лучший солдат, и знай, Мелисо, что меч – это зная, рука и тело – это командир, ноги – солдаты, и

глаза – это маэстро. Атакуйте с нити, они утрут. Для тех, кто убегает, или кто придет сзади, сделайте ложный выпад против семи, верните им одного, другие останутся с остальными. Теперь, когда они снова убежут, вы не дадите нам идти пешком. Что говорил Эудемио, что вы идете, как тростник, с которым вы сражаетесь? Или вы не позволите мне это, ответил учитель, кто был в ярости, убивал и ранил тех, кто всю жизнь был у меня во врагах. А где без какой-либо защиты исполняет все ловки, которые знает, то бишь более десяти тысяч. Ты не распутываешь кусок ткани, который у меня есть в качестве защиты, чтобы они были, как я говорю. Я думал, что сегодня я потечу своей клинок кровью тех, кто вступал в драки и ссоры, что уже было более десяти мертвых по моему распоряжению. Позвольте мне немного отдохнуть от боя, вы будете пользоваться тем, что делают некоторые, потому что вы не позволите мне ссориться как мне нравится, как будто я прибыв к оскорблениям, (я думаю), что вы это делали не для того, чтобы много убивать, потому что между ними был друг, когда они идут одни по улице, чтобы дать понять людям, что все, что они думают, это находится в ловушках и ссорах. Они размахивают руками, как тот, кто фехтует, и ударяют их головой, кривят свои рты, как человек, который не рад, и, если они вдруг найдут кого-нибудь из них, который позовет его и направит в какой-то вестибюль и заставит его наносить удары рукой и встать в стойку, они делают крюк, который не побьет Таауана, и жест, сказав, что теперь поцелуйте руки и не уходите немного того, что есть моей формой трюков сегодня. Жевежа очень счастлив, и они говорят, что ночью они мечтают, и чтобы не забывать, они хотели попробовать это. Они немного нашли этого, потому что потом хотели больше всего создавать препятствия и помехи. Вы разве не скажете, что это плохая ловушка? Для того, чтобы повернуть его, чтобы увидеть, как два дня они приходят к обманутому человеку с большой учтивостью и вежливостью, требуя от него десять реаллий, заимствованных под расчет, т.к. ему придется заплатить, когда он будет одним из любимых учеником. Поэтому они заставляют вас быть фехтовальщиками, чтобы не терять деньги. А, если вы это сделаете в течение некоторого времени, первое, что будет, это ловушка, которую я называю «влечение оружия» или «завет дестрезы» за дружбу, которая для всех, кто понимает дестрезу, которая уже моя, без необходимости заламывать руки оттуда сюда, справляясь с оружием, несмотря на то, что принесли чистый меч. Эудемио сказал, что значит принести чистый меч? Это значит убеждать? Так и было, ответил учитель, несмотря на то, что вы медленно наступаете на противника, вы смеетесь? Потяните вниз и вытаскивайте наружу, наклоните туда меч, до середины, потому что они идут туда, и, если я неожиданно нападу сверху, и, если я буду парировать снизу, с другим миром, ладонь смотрит вверх, пусть они упадут на ногу. Испытает ли он на себе меч, сказал Эудемио, как будто он чистый, чтобы прийти к

противнику? Да, сеньор, ответил учитель. Вы хотите знать больше того, кто учит вас? Тогда, как он знает, он исследовал меч, оставляя его чистым, что, если вместе с волосами побледнели, и я хочу, чтобы это было сделано, то это было изобретено, испытывая меч, с порезом на руке, делая вид, что я этого не знаю, потому что я не хочу, чтобы так было, говоря правду, что я не хотел, чтобы так было. Но какой причине, сказал Эудемио, он научил вас малому из того, что знает. Эта ли благодарность, которую вы испытываете к тем, кто много это использует? Таковы плохие намерения. Мне показалось плохим ваше дело, скажите мне какую-то достаточную причину, хотя никто не может заставить человека честно говорить ложь о том, кто говорил вам правду. Я скажу вам, ответил учитель, потому что они спрашивали его, много ли я знаю, и он ответил, что он не знает так многого обо мне, и когда они сильно оказывали давление, он понемногу закрывался. На это Эудемио ответил, что если это правда, что он говорит, и если он спрашивает людей, которые вынуждены отвечать, то мне кажется, что нет необходимости винить его. А вам что кажется хорошо выполненным, ответил учитель? Что ему это стоило усилий, или что он говорил, что я много знал, или, что он лгал об этом по-своему, ответил Эудемио. Хороший человек должен бежать от такого злого порока, и, хотя это и не настолько серьезное преступление, чтобы не подражать шарлатанам фехтовальщикам, которые претворяются, этого было достаточно, чтобы потерять это вместе с Богом, он питал к этому отвращение. На это ответил учитель, я его похвалил, что он сделал многое другое? Да, сказал Эудемио, есть много того, чтобы сказать правду или ложь, другого нечего сказать. Так и должен поступить человек честно. А мы правы, что это большой вред, который сделал Чарилло для людей, говоря неправду, что вы фехтовальщики, что очень полезно то, что вы получили, смотря без страсти на то, что он сделал хорошо, и, как вы и ожидали всегда – его сознания ошибки. Странно, сказал учитель, что позже вы поняли, за кого я это сказал, он хороший молодой человек, но, если бы у меня это было здесь, я бы больше продвинулся вперед, внедрил бы этих пятерых, которые насмеяются, видя много раз, что я говорю вам правду, я буду рад знать вас. Я хорошо понимаю, ответил Эудемио, что с кучей денег вы не потеряете это дело и не будете бесконечно разговаривать с течом, не сражаясь на его языке, не думая, что я не достигаю этих точек на теле завистников, которые, если с ними приходят говорить о зле честных людей, – развязывают долго лежащий язык, демонстрируя из себя львов. Но, если они противоречат им, униженные и трусливые, как зайцы, признавая, что он насмеялся над всем, что они сказали, они возвращаются, чтобы хвалить его и съест как собаку. Мне жаль их души, которые утопили их в море зависти, и когда они более уверенные и отдохнувшие, они идут безопасной гавани в тишине в скалах лжи, там, где они потеряны, и их притязания также приводят их к тяжести их злых дел. Как жаль, что он должен будет иметь

родителей, которые сожалеют о дружбе, которую их дети приобретают с такими людьми, от которых они получают оскорбления и смерть от их жён и от души, которая ещё хуже. Было бы хорошо исправить их и искать путь для их лечения. Мне кажется, это хорошая идея, ответил мастер, даже больше, чем я говорю. Они едят то, что вы говорите и голодают, тяжело чувствуя вред, который Эдгемо доставил людям, придя к ним, чтобы сначала проигнорировать зло, которое исходит в конце от этого обмана. Не чувствуя меньше того, как если бы с этого дня нужно было поразить великое зло со склонностью предупреждать невежественных и обличать тех, кто настойчив и упрям в уже очевидной низости и подлости. А, отдыхая от работы с мечом, он получил много смеха от своих спутников, снова и снова задавая вопросы учителю. Когда ожидали Мелетарко, он сказал ему так: не называй меня учителем, потому что они оставили некоторые из своих ремесел и отдали шарлатанам гестрезы и мужества. Поэтому это легко, ответил учитель, и не стоит ни гроша, чтобы жить, думая, что в последнее время в случае с низкими людьми он становится храбрым и говорит плохо о честных людях, которые в то же самое время как многие другие, которых воспринимают как конкурентов, я это очень хорошо знаю. Я думаю, сказал Эдгемо, что поэтому вы так часто преуспеваете, как хороший подражатель простолюдинов. Он не дал ему удовольствия, скрывая, как будто он этого не слышал, ответил учитель, с которым это правило в настоящее время широко используется, особенно на вашей земле. Не знаю, говорит ли он это вам. А больше по тому, что вы не верите, что говорят эти храбрые люди, я скажу вам, что это будет, сказал Эдгемо, предостережение внимательным и бдительным. Я обещаю вам, что немногие обманывают меня своей ложью, что опыт и использование с течением времени породили в моей памяти науку, столь убежденную избегать тела, и не будет вещи, которая будет против нее. Я не понимаю ваше слово в науке, сказал учитель, посмотрите на это, если они вам говорят, что человек, который идет туда со своим мечом, трус. А что из многих обид, которые они ему сделали, он не получил удовлетворения своей чести, смотря хорошо, чтобы они не обманывали, что один дьявол вылезает как другой, и, если когда-нибудь вы обнаружите, что он вылезает какого-то озлобленного без причины и повода, а затем протянул руку на меч для него, и, если к счастью он убежит, – я последую за ним, милорд, пока не найду его и не повешу под столом или кроватью. Но если так произойдет, что он не был трусом и солгал из зависти, что у них есть то, что он им сказал, и обнажил меч, ожидающий вас очень хорошо или нападая на вас, быстро отводя назад меч, – выставите вперед свой меч, говоря, извините. Мой лорд разгневанный человек, у которого не всегда есть истинное мнение и здравый смысл. На самом деле я думаю, что он человек, которого я искал десять лет назад, и в значительной степени ему это так и кажется. Если другой говорит

слишком много, видя себя обиженным, он достигнет этих людей, чтобы находиться в этой среде, разговаривая с теми, кто приходит, как разговаривает бедный неопытный парень. Я это заслужил, отдавая свой меч от его шеи, прощая его жизнь. И с тем, что вы говорите в голос, будут сотни, которые говорят это, даже если вы не пришли к нему с единым языком. И, будучи спокойными, вы все будете смеяться над признаками великого сердца. Но-видимому нет никакой опасности, вы будете говорить сквозь зубы, что вы его убьете, если честные люди не убьют его. Плохо быть таким крестным отцом, так что нужно прояснить, где он строит свое гнездо, или где поет корруптка. Не говорите мне больше, ответил Эудемио, потому что я больше не могу терпеть, что среди христиан есть такое скрытое зло. Я имею в виду, что это больше сила человека чести, чем сила всех этих трусов вместе взятых. Я не знаю, как отреагировать на это, но у вас так много всего в памяти, что меня восхищает, и было бы лучше использовать это в более полезной и достойной вещи, чтобы восхвалять это. Какие дураки из вас, ответил учитель, более полезны, чем этот? Что вы скажете, кто может быть в мире? Вы не видите, что большую часть времени они приглашают меня на обед всегда есть бедрами, и без всяких затрат одевают меня, не тратя четырехмесячного заработка жизни среди этих дураков. И если они знают меня в самом маленьком церковном территориальном округе, и я выясняю себе эту манеру жить, которая потом меня отводит еще дальше, соседи во всей моей жизни общаются, и поэтому моя наука продолжается и всегда есть новые ученики, которые меня славят. И с именем фехтовальщика Эудемио все утаивает, что было от меня. На самом деле, я скорее умру от голода, чем дам это. Мало знают, что они говорили, что я хорошо себя зарекомендовал. Вам немного кажется, сказал Эудемио, что это не что иное, как знание дестрезы, но говорите то, что знаете, потому что, как вы уже утверждали, я фехтовальщик и храбрец. Если бы я сказал это, произнес учитель, и более того, если бы вы сказали, где бы вы хотели оказаться, чтобы вульгарные мелкие людишки могли считать вас храбрыми, – у вас было бы преимущество перед всеми людьми мира. И вы свидетельствуете, что едите железо и печень львов, и что это стягивает трактор, как будто бы он находился между рук. И, если я спрошу вас, что вы ели за завтраком, вы ответите, ничего, мой сеньор, только кусок колыбуги с некоторыми мечами. Если вам подадут еду, у меня есть кусок приготовленного мяса, который я готовлю с мясным салатом и рисом на шпите, и подтверждаю им, что вы убережете мечи днем и ночью, понимая, не споря с хозяевами, и договариваясь с вами о справедливости, потому что в противном случае убийцы из-за голода удалят очень много мечей, и вы покаетесь, что глядя их продажи у вас есть соглашение с продавцами шпая, и что все проповедники знают вас с того дня, как вы это сделали на торжественном застолье на улицах, и что все поджигатели приглашают вас и восхваляют по многим другим вещам.

Потому знайте, что прежде, чем вам не хватит кого-то, вы придумываете тех людей, которые творят вас. Я скажу вам, что Эудемио так много сказал из-за плохого намерения по отношению к добродетельным, я не дам ему честь, которая так много принадлежит сильным. А не потому, что они верят, что заслуживают этого, а убивая его от завистников. Но между ними есть разница, что чем больше они знают, тем они скромнее, и те, кто говорят, когда знают меньше, те более высокомерны и горды, потому что они похожи на весы, что там, где меньше, то и поднимается. А мне очень хорошо это известно, чтобы избежать таких плохих привычек и знать их с такими хорошими знаками, как эти, и прекратить работу. На это учитель сказал: я хочу дать вам урок, чтобы сражаться, выставите ногу, сбивая с траектории холодное оружие, и нападите таким образом на своего противника, и если у него останутся какие-то мнения, потому что люди уходят, не получая многого, то если вы вернетесь к этому, то это уже будет известным, я надеюсь, что у вас все есть. А если противник наносит ответный удар, так мы все делаем, – мы удостоимся чести сражаться, я так считаю, ответил Эудемио. Но вы не видите, что это не храбрость, воевать только с одним бойцом, и что трюки с оружием не были изобретены для того, кто возлагает на кого-то надежду, а для того, кто идет. Отсюда я теперь понимаю, что с одним из этих храбрых может только сражаться одна армия людей, не ожидающих удара, кто не знает, как страдать, потому что у них нет чести, которую можно потерять, у кого много защиты. А хотя для вас и для других кажется, что, следуя этой дороге, можно победить, – знайте, что вы обманываете себя и теряете удобный случай, который, по вашему мнению, вы достигли за многие годы. Исправляйте этот случай, сказал учитель, смеясь над тем, что сказал Эудемио. Вы боитесь этого, боитесь того, кто я есть на самом деле? Вы уже заигрываете, что странно, что вы не знаете, как выдерживать учителя. Не сердитесь, что для вашей же пользы я говорю так, чтобы вы учились не бояться, тем более, что все входит в урок. Но, если бы вы мне заплатили, я бы рассказал вам судьбу в любых местах, в которых я давно был с друзьями, и даю пишу тем, кто знает, как и я, и тысячу других вещей, которые используют, видя от этого большую пользу. Тогда Эудемио злой от того, что он видел, когда уже распространилось зло, ответил, не говори мне больше, даже с тем, кто платит большими свидетельствами и обманами, которые направлены против хороших людей в конце разрыва, чтобы узнать некоторых, чтобы понять, как они обманывают, и какие обходные пути ищут, чтобы у них что-то было. Придется наказывать таких людей с большой осторожностью, сказал Молемарко, потому что без сомнений они должны испортить лучших и самых целомудренных людей нашей страны, потому что они не изучают другие ремесла, чтобы с меньшей нагрузкой на совесть они могли преуспеть или, по крайней мере, причинить вред? Там вы увидите, ответил учитель, превосходство

того искусства, потому что те, кто имеют к нему какое-то отношение, они воспринимаются так же, как я. А чтобы было ясно, вы видите, что пороховницы оставили, чтобы дать возможность обучить орудию, которое намного легче.

А больше работы, сказал Эдгемю, потому что, испытывая эти трудности и путаницы, которые вы говорили, больше углубляясь. Мне кажется, Молемарко, что это бесполезная работа того, кто изнуряет свою жизнь, зная причины и отменяя эффекты, и понимает качество движений. Чтобы очистить раны так, чтобы их применение было правдивым, и зная души людей, чтобы каждому дать то, к чему он склонен, и что их сила может выдержать, – с этим вы приходите к менее хорошим вещам, которые так мало нравятся, а многие из них верят шарлатанам. Прежде чем Молемарко ответил, он предвещал учителя и сказал: «Я рад видеть, что вы напуганы». Я не нахожусь в обманутом состоянии, ответил Эдгемю, увидев настоящую дестрезу. А какая она, настоящая, сказала учитель? Та, ответил Эдгемю, о которой вы (чтобы доказать это) говорите плохо. Несмотря на то, что я понимаю, ответил учитель. Я не должен говорить о ней плохо, а о том, что я понимаю – хорошо? «Он обязан, – сказал Эдгемю, – зная хорошую дестрезу, иметь такое плохое мнение, как вы, или он должен говорить на вашем языке, чтобы вы поняли». У меня плохое мнение? – ответил учитель. Я очень рассердился, потому что я ваш учитель, а вы говорите, что я болтун? «Тогда, вы мой учитель, сказала Эдгемю, смеясь, скажите мне, что такое зарубка?». На это учитель сказал, что нужно какое-то время, чтобы подумать об этом, это некая рана. Если выполнена полностью, то течет кровь. Тогда, удар, нанесенный шпагой, ответил Эдгемю, это рана или зарубка? Что вы хотите, чтобы я показала это вам, ответил учитель, или чтобы хороший мой ученик это сделал? Я не хочу большего, чем иметь хорошего учителя, сказала Эдгемю, скажите мне исходя из вашей жизни, все ли фехтовальщики, которых вы видели в мире, знают дестрезу так, как они говорят? Разве нет никого, лучше, чем они? Я лучший из них, ответил учитель, это я говорю тебе наги, но, когда я нахожусь там, я использую грубой термин. «Это правда, – сказала Эдгемю, – потому что я ничего не знаю о том, что знаете вы». Но вашей вине, сеньор, ответил учитель, и по вашей невнимательности, вы знаете из того, что вы видите, что тот, кого больше грубых я хватаю правой рукой и двумя пальцами левой руки, чтобы нанести удары кулаком в тела турчин фехтовальщиков, у которых мало сострадания и преданности, сказала Эдгемю, поэтому вы их так сильно бьете. Да, ответил учитель, нет необходимости говорить, что мои раны не похожи на раны грубых смертных. Надеть шпагу, вставить, молчать, что ничто, чему я учу, нельзя пропустить или забыть тех, кто не знает. Вы мой ученик, лучше сделать зарубку, говорю я вам решительно, хотя это не так, лучше удар обратной стороной, несмотря на то, что нет необходимости держать оружие пальцами вверх, выставить

правую ногу вперед, дать вам упасть, стремительно атаковать, и, если я отклоняю тело с левой ноги, я говорю, когда он нанес вам все удары, – возьмите этот меч с наружной стороны, остановитесь, вернитесь, подождите, не убивайте меня. Вы уже видите ваш меч над грудью, если направить хват пальцами вверх и ударить обратной стороной меча, чтобы сбить его с помощью лести, такой удар можно использовать в бедро, а если ногти не направлены вверх, то удар в грудь, и вы не будете исправлять то, что неправильно, а только разгрузите тело, обращая внимание на то, что никто не слышит нас, потому что это великолепные вещи. Или мою тайную полезную дестрезу можно достичь посредством большой работы, или сделать выпад с кулаком, вы меня хорошо понимаете. Расположите ваши ногти по направлению вверх, как делали до этого.

Но какой причине, спросил Эудемио, я должен так поступить и не поворачивать ногти руки вниз?

О, дурак ты, ответил учитель, потому что ты можешь сделать лучше противника что он хочет, нет больше причин делать то, чему они вас учат, и оставлять эти причины при работе с мечом. Сюда приходит рыбак, и вы должны идти в разрез с мечом или с причиной, оставаясь остроумным, бегите туда, тяните всегда правую ногу, не парите той удар там, где это подделка, меняя меч, нуждаясь во враге, контролируемого изнутри. Теперь я перекину бутербродом, поднимите меч, вы сочувствуете мне, что причинили боль, присоединитесь ко мне, чтобы обдумать, что вы тратите время, не нанося удар левой ногой, что запрещено, а соедините с другой, с правой. Но что Эудемио сказал, почему левая нога в этой секте изредка является привилегией? Или оставить ее отдыхать, потому что другие сильно устают? Больше устают те, которые наносят удары левой ногой, чем правой? Обоих движений нет, и осталась причина? Или управляет воля.

Но что учитель ответил, потому что меч находится близко к той точке, откуда он можно повредить противника, перемещая правую ногу. И он может легче перемещаться по движению меча, а не с левой ноги. И они еще находятся ближе к возможности избежать раны, потому что легко допустить ошибку, в первую очередь, чтобы продолжить защиту, оставляя тело с маленькой силой не из-за левой ноги, а из-за неправильного удара, чтобы была причина и следствие в одном и том же месте (если можно так сказать). Человек не может ранить или защищаться, не совершая действия раньше, которые во время защищают и помогают одной из ран, без каких-либо других причин, которые есть, и знать, что я видел это много раз среди тех, кто называется фехтовальщиками, что, когда кто-то делает трюк, с помощью которого он может нанести раны, они говорят ему, что это ложь, чтобы он не делал этого. И невежда перестал это делать по этому убеждению, а другой его бы схватил, если бы он сделал по-другому. И если вы видите, что с определенной стойкой противник дает понять без какой-либо причины, что ваша

дестреза не имеет никакого вклада, посоветуйте ему изменить такое отношение, убедите и дайте ему ту манеру, с которой он лучше будет доносить все до учеников.

О, какие странные, ответил учитель, это ваши друзья, которые затем радушно принимают их на латыни, что не поймут, сколько мастеров было проэкзаменировано. Эугенио, примите мой совет и верьте тем, кто знает больше, чем вы, главным образом мне, так как мне были сданы в наем те, которые делали то, что я говорю, и большего не спрашивали, кто может знать лучше, чем я. Кто, сказал Мелисо? Какие короли захотят, чтобы вы сказали им, ответил учитель? Заплатите мне на месяц вперед, и давайте продолжим с лекциями, которые остались, прокладывая дорогу вместе со мной. Снова возьмите меч, если я возьму его с обратной стороны. Потом я нанесу удар в грудь пунтой. Выйдете потом на дорогу по одну сторону, опустите меч, чтобы атаковать лицо режущей частью меча, а затем парировать снизу, если я нанесу режущий удар в вашу руку до середины, или в лицо, если хотите, не оставляя это на потом, а затем нанесите удар мечом, говоря, что со шляпой в руке он хозяин города и лордов. Все, что мне нужно сделать, это уединиться, сказал Эугенио, и забегая наперед, вы меня не будете учить ждаты. А почему я хочу дестрезу, если мне нужно избегать учителя, как вы меня учите? Нанесите удар мечом, этим фехтовальщиком, как будто бы он исходит от меня, ответил учитель, которых вы изматываете, потому что они не ходят в срд, где находится цветок мира, тогда как я там нахожусь. Это нужно понять, чтобы все знали и видели ваши способности, я всех заставил смеяться над фехтовальщиками и прошел туда, ожидая вас.

Опустите кончик меча на землю, вы знаете, что случилось со мной в Бургосе, давая уроки инфантам из Нары? Нет, сказал Эугенио, вы говорите это может быть потому, что забыли кое-что из того, чему вы хотели меня обучить. Я уже сказал вам, ответил учитель очень рассерженно, что мои вещи никогда не забывают, не из-за вашей жизни и моей, а о том, что было сейчас. Вам странно, что вы должны заставить человека забыть силой. Подождите сейчас, о чем мы говорили? Хорошо, сказал Эугенио, я уже понимаю, что это длинная история? Я это должен выдерживать, чтобы угодить этим господам, потому что они смеются над ним, или над тем, кто так учится. Вы немного устали, ответил учитель, вы стали бы орущим, если бы я научил вас запаху одного грибата, чтобы вырастить фехтовальщика на моей груди, и узнать, что я сделал многое в этой жизни своими руками. Из-за смерти некоторых вы также должны были быть причиной, ответил Эугенио. Хорошо слыша учителя, это как и другие вещи, которые скрывали и делали вид, что не слышали его, ответил, вы устали? Очень важно, чтобы вы были моим учеником, потому что вы – новичок и сельчак, как и требуется для работы, но однажды во Фландрии я воспитывал юношу, давал ему то, что знаю, но он умер у меня на руках, будучи

тем, что я называю, учить графов. Они больше не юноши, спросил Эудемио? Все едины на этой земле, ответил учитель.

Это мне напоминает то, что произошло с одним моим другом, сказал Эудемио, который послал своего воспитанника в дом Авраго с залогом, и пошел в дом одного духовного лица с таким же именем, и, возвращаясь, чтобы объяснить причину того, что он ответил, его господин, увидев глупость юношей, услышав глупый ответ на свой вопрос, спросил в какой части он его обнаружил. В его доме, ответил воспитанник с другими духовными лицами, на что мой друг ответил, что вы говорите? Я вас не отправлял в дом Авраго?

На это ответил юноша по правде говоря с большой флегматичностью, что это ваша изысканная тилость, говоря, что мне духовное лицо дало больше, чем Авраго, или двадцать четыре, что есть каноник, все это не является церковным капитулом? Я наполнил вас этими шутками, сказал учитель, скрывая использование рассказа, сказки Босканские или Копааские. Но меньшей мере вы верите во все свои суждения, думая, что то, что я знаю, это не шутка. Правда это то, что я склонен не столько к мечу, сколько и к другому оружию, пике, алебарде, бастону, со многими другими вещами, такими как меч и кинжал. Вы уже видели это своими глазами, что никто из смертных никогда не поймет это так, как это знаю я, ни секунду, признавая преимущества для живого существа, и я не перестану хвалить пикер. Я – величайший мастер работы с пикой, который есть, и кто более известен в мире. Услышьте меня, не было найдено в Лиссабоне человека, который знал, что я смотрю. Юноша, жаль, что я не хочу учить его. Бросьте меч через кольца, поразите мишень кинжалом, сделайте уловку против собаки, научитесь нести свое тело к быку с прекрасной грацией, удивляйте противников, глядя на них. Но моему желанию и к вашему удовольствию многие умерли, если бы я хотел обучать этому метательному оружию, и поэтому было замечательно видеть, как я швыряю оружие из окна на тех, кто на улице с тысячами других навыков, прежде чем это несчастье случилось со мной. Является ли история выше сказанной, сказал Эудемио? Нужно уже закончить исполнять обязанности тех, кто долго прибывал в бою. Эта вещь настолько используется среди вальгарных фехтовальщиков, которые рассказывают сказки и имитируют потасовки, чтобы развлекать слушателей и окружить их вниманием, сколько им не хватает в искусстве, которым они занимаются, чтобы учитель не нашел момент без лжи, а хотел продолжить так, как это началось. Я только что дал урок, который все люди, чем-либо выделяющиеся среди других в мире, могли бы хорошо изучить, чтобы понять это. Ко мне пришел один неопытный юноша, хорошо одетый молодой человек, который мне таким показался, исходя из своих лет, говоря, сеньор учитель, мэрия вас зовет, не давая мне то, что можно себе представить. Я ответил своему благородному человеку: для меня не должно быть сообщений? Сеньор учитель, я в вас нуждаюсь, сказал молодой юноша. Тогда все безрассудные герцоги приходят ко мне, говоря громким

голосом, что это за дело? Дайте сюда копья, которые сделали молодые юноши, приезжайте все сюда, слыша некий шум и волнение, причиняя неприятности вашей жизни и моей, и поднимая свой голос, сказала, господа, не все мужчины будут здравствовать, потому что я сделаю так, что мой меч не даст отдохнуть, как это было до этого, так как каждый человек ненавидит меня. И немного в состоянии покоя я сказала, gentlemen, вы не понимаете дела Термании, зная вас, и принимая во внимание всех рожденных и понимая не рожденных в утробах своих матерей, что, несмотря на это, я создаю скандал в человеческих телах с помощью рук ваших воспитанников, которых вы создали, которых все знают. Мне не нужно бороться с толпой противниками, я не так хорош, как Тимаро, я не могу говорить с самыми замечательными смертными. Но-тоесту, это последнее, ответил Эудемио, если нет ничего другого, но этого недостаточно, чтобы увидеть, как вы вырвались из дыма мужества. Должно быть, это было то, что можно всю жизнь рассказывать, как о хорошем событии, так как у меня есть учитель, который может сделать книги из ваших подвигов и басни о полетах на высоте. Для полетов на высоте это плохой год, и даже для копья, вы их напрягаете? Рассмотрите на меня хорошо, кто я есть, и поймите, что дьявол тоже входит в глиняный кубшин, как в любой другой сосуд, и в этой жизни вы не станете так устроены, как я. Теперь я начинаю испытывать себя в своих подвигах, наконец, выходя на улицу. И все человеческие существа, которые недовольно смотрели на меня, некоторые с плащами, многие с шапками и шляпами, и все вместе защищали себя, прикрываясь щитом. Труссы не понимали, что против меня нет защиты, нет щита, чтобы сопротивляться мне, когда я сержусь и нахожусь в устойчивом положении, так как ко входу в дом уже пришли из многих мест на улице. Я видел эскадроны хорошо упорядоченных людей. Как много их будет, спросил Эудемио? И тем, кто хочет продолжать, учитель сказал, что нет им счета, по крайней мере, у меня его не было, например, сорок или пятьдесят, без тех, кто позже прибывает извне и увидит меня. Они начали будоражить всех людей. И мне, потому что я без наказания, они не сказали бы сурово с большой суетой и шумом, собирайте молодых людей с теми, с кем мне приходится сражаться, и поступайте также, как и я. Потом все, не пропуская никого, за что по правде говоря я могу их поблагодарить, вытаскивают свои мечи в воздух, которые так сверкают, что это доходит до меня, что дает мне увидеть, что мечи такие чистые и нетронутые, в таком хорошем состоянии. Была причина, чтобы увеличить желание и внутренне присущую волю, которые у меня были, чтобы я вершил публичное правосудие над ними, обладая таким правом. Все тотчас же с благородным расположением придут ко мне, но я их не ожидал, как делают некоторые идиоты. Я думаю, что это очень хорошо, сказал Эудемио. Я также понимаю, что эти господа не сомневаются в этом. Это правда, что они говорят, ответил учитель, потому что я был за них более суров,

чем некая Хара, и более придиричив, чем фехтовальщик Жобель, так как от неудачного отпряда, который я видел рядом с собой, я наоборот бросаюсь в атаку, как Эугенио отцепляется от моей руки, вырываясь из положения против девяти, что так не делается, если только не для того, чтобы отправить на тот свет. А я беспрестанно открываю наполовину эту дверь, или, чтобы увидеть крики, спешку, суету и неразбериху, я не знаю, как я вам это говорю. Или чтобы увидеть того несчастного, с которым ты сражался первым, сказал Эугенио, улыбаясь, какая жалость. А где вы это обнаружили, укажите мне двери, говорю я с плечом рыцаря. Действительно ли, сказал Эугенио, что он пожалел меня и освободил вас от них? Или насколько хорошо вы их впустили в это, когда скрывались. Как мало ты знаешь, ответил учитель, слушай тишину и обрати внимание на то, что дверь, о которой я говорю, я открыл, чтобы запретить их, и что только одного из мечей мне не хватало, которые были настолько хороши, что некоторые из моих друзей находятся там, где я нахожусь в заливе Ожидания. Они утешали меня сказать моему господину, какой короткий меч мне кажется хорошим, какой я бы хотел иметь, и какой будет мой. Многие ссылаются на щит, другие на небольшой деревянный щит. В этот момент он ответил всем с туркулистским лицом, рассказывая им знаками, стискивая зубы, что я буду удовлетворять их желания и, наконец, исполню их волю, и я мог бы сделать это хорошо, потому что у меня такой великий дух, что, хотя я и ссорился, я думаю о многих других вещах, которые мне нужно сделать. В конце концов с моей рискованной рукой и клинком в определенной руке, рассеивающийся в них, и от моих привычных ран в открытом доме, я нанес им удар. А понимаемый теми, кто находился внутри, именно у двери они возымели свой ущерб и смерть, внезапно высвобождая свои мечи, сбивая на пол плетеные и зашнурованные шляпы, бросая свои плащи на землю передо мной, падая на колени, говоря с большим страхом и болью, в мире и войне, пронизательный воин и опытный фехтовальщик. Простите тех, кто, не зная вашего мужества, разозлил вас, принимая вас за другого. Бы не тот, кого ты ищешь, человек доблести, который успокаивает ваше мужество и вашу ярость, – сказали некоторые, и большинство из них со слезами на глазах, так как сегодня его долгие стенания, взволновал меня Эугенио, сдерживали мужество моей души и утихомиривали ярость моего меча, говоря им поднимать молодых людей, что я человек. А в конце вы вызываете во мне сострадание, посылая мне потом добычу дотой, которую я послал некоторым друзьям, желающим служить мне. И говорил уже, что подчиненные молодые юноши в жизни и на свободе смотрели друг на друга, и они указали на то, что среди них было сказано, что во имя всех было сказано, и что эти слова мне сказала господин города или мира. Но крайней мере, все во Вселенной должны сдать вам, это он ясно сегодня продемонстрировал посредством опыта. Из милости вашей ты просит милостыню и освобождает добычу, по крайней мере плащи и шляпы, только ради

честности наших людей, чьи добрые дети вам будут служить, с опущенными в землю глазами. В таком случае, сказала я, поднимите отряд и гражданских, я не буду говорить вам это еще раз. Молодые люди, я делаю вам вознаграждение жизни и всего остального, что принадлежит мне, пока вы постоянно не будете ходить за мной по этой улице. Все с одинаковым мнением потворствовали с великой радостью, как и прежде, наслаждаясь жизнью, не думая ни о чем. Это было не очень хорошо, Эудемио, что он покаялся каждому, не выходя за пределы гарды моего меча, чтобы отправить его в свое завещание с проклятием, которое постигали его потомки, и что они отправят в городской совет, когда исчезнут две улицы, или тысяча окружит своим телом, чтобы не рассердить меня.

И что больше вы сделали, это чтобы бедные мертвые дрожали, если они прошли мимо. У вас не было слуг, и они наказывают их и исправляют слово, говоря «работники с пикой», люди без доброй воли, фехтовальщики, отражающие удар мечом, нечестивые от развала рода, болтавшие от плохой репутации, бедные, несчастные, жалкие, испуганные, которые заставили вас ограничить меня сроком, если к моему собственному счастью или несчастью они сделают что-то, что заставит меня рассердиться и изменить свой чистый клинок, (я не сомневаюсь в этом), что те, кто здесь присутствовал, не знали или не предполагали сказать отсюда за короткий промежуток времени были ли это человеческие тела или какая-то кучка щеголей, они казались хорошими или были таковыми? Я не знаю, что сказать, ответил Эудемио, но я обеспокоен, услышав это. Бы не были настолько оскорблены ими, ни отвечали на эти плохие слова? Потому что мне кажется, что каждый из нас может честно ссориться, плюс, когда все приходят ссориться с яростью, я не знаю, верю ли я этому. Сделайте это со мной, сказал учитель хвастливым и трусливым, как Аркагузы из Анори. Тот, кто приходит, должен будет вернуться, и тот, кто приходит без страха, вернется со страхом, и если придет с мечом, то вернется без меча. Бы много всего им сказали, ответил Эудемио, этого недостаточно, чтобы оставить их? Бы меня не огорчите, ответил учитель, что все, что у меня здесь, рассказано подробно, без всякого сомнения, но я говорил в своем сердце и не слышал живого существа. Также это правда, что я не могу отрицать этого и, таким образом, перестать делать что-то, несмотря на то, что я им говорил. Я сказала другим, не вызывая их симпатию, потому что сегодня, там, где старейшины (не обвиняйте меня), – здоровыслящая рука не будет делать все, на что указывает хромой язык. И, более того, когда я злюсь, ни я себя не понимаю, ни меня не понимают. Потому что вы не сказали этого с самого начала, сказала Эудемио, и не держите меня в напряжении, пока я не увижу конец, который очень веселый. Но я не удивлен, что, когда вы будете вступать в бой, вы будете парировать ветер. Посмотрите на меня, сказала учитель, как я бежал от ужасного гнева, не знающего меры, и они знали, у кого вы что просили. Таким образом я и сам не

знал, и те, кто росли со мной всю жизнь, три года не говорили мне, почему они не знакомились со мной. Приведите сюда пятерых в это правое крыло, и посмотрите мне в лицо, – я дьявол для ссор, от меня впадает в дрожь любой фехтовальщик, который для вас как сын, и посмотрите, что я не привык говорить в присутствии кого-то, кроме того, кто задает мне вопрос. Я сказала вам это, как хорошему другу, без цены. Вы, конечно, можете это сказать, несмотря на то, что Эудемио и другие не могли вынести проклятия слышать изобретения учителя, чтобы не потерять того времени. Была необходимость, чтобы Эудемио ответил таким образом из доброй воли, он сделал бы то, что вы просили, только тратя время на то, чтобы выразить мое мнение и одобрять ваши вещи. Но потом вы захотите сказать, что после того, как я человек и использую разум, я не видел и не понимал ничего из того, что было, ни то, что потом проявилось, и также не говорил и не соглашался с такой целью, что в том, что вы говорите, вам не видится Туллио. Кто такой Туллио? ответил учитель. Это может быть один из фехтовальщиков или храбрецов, потому что, если так и есть для вашей жизни, что он причиняет мне неприятности, то вы меня сравниваете с живым существом. Он был не таким храбрым, как вы, ответил Эудемио, но он был тем, кто лучше всего знал, что вы написали, и более сдержанный и изящный. Сдержанным говорите, сказал учитель, я рад, что вы это понимаете, потому что я не тот, кого можно сравнивать с другими. Вы знаете, что я сейчас вспомнил? – сказал учитель, но возьмите этот меч, – на словах я не так с ним хорош, больше понимая, что я уже вам ничего не говорю. От чего вам грустно, спросил Эудемио? Вы сделали паузу в своем понимании какой-то прошлой обиды молодого юноши? Вы можете сказать, что это как друг я советую, чтобы я сделал, хотя это правда, что никто не может дать лучший совет, чем он сам для себя выберет. На это, ответил учитель, я больше не хочу, чтобы вы были такими, я бы хотел видеть вас фехтовальщиками, такими же храбрыми, почти как я, не оставляя мне ничего, и то, что принадлежит оружию. Не знаю, как я отвлекся от дел или сделал то, что сделал. В этом и заключается ваша грусть, спросил Эудемио? Не удерживайте ее, потому что я прошу Бога, чтобы он послал мне милость свою, что, когда я это узнал от вас, я все забыл, не оставив и следа позади. Но правде говоря, я понял, что это было нечто серьезное, что случилось с вами по воле правосудия в промежутке вашей храбрости, что для тех, кто для вас это установил, я не стараюсь быть многим. Приведите сюда, ответил учитель, если для вашей собственной удачи вы откроете магазин и границу моей личности, и уберете свои доспехи в соревнованиях в праздничные дни. Вы не возьмете всех своих учеников, которые понимают вас, когда я говорю что-то? А вы будете похожи на меня, на большого хвастуна, более того, если вы носите платье, подобное тому, которое есть у меня, и говорите с паузами, которые делаю я. Я даю вам свое слово, сказал Эудемио, меня оскорбляет слышать это, вы видели, что

люди чести никогда не делают этого? Я не из этих низких людей, и не считаю себя фехтовальщиком или даже вашим учителем, тем более вашим учеником, видя сейчас, с кем он может конкурировать и желать того, что он знает. Я не настолько невежественен, чтобы не знать вас. Вы, возможно, видите людей, которые обучают за один дуэнт как стать фехтовальщиком? Вы тем, кто обучает, должны дать двадцать, потому что они сделают из вас фехтовальщиков. А я знаю, что те, кто это хорошо понимают, не хотят учить, потому что они видят бесстыдство, и по отношению к вульгарным фехтовальщикам такие смелые и доверчивые. Они не делают этого, кроме тех, кто знает меньше всего, потому что, если бы они знали, что это такое, они бы не преподавали так дешево. Подумите, что я пришел отсюда, чтобы убедить, что эти фехтовальщики хорошо знают, как плохо то, что они знают, потому что они так стараются избавиться от этого. Учитель ответил: тогда пообещайте мне не ставить школу рядом со мной, ни учить кого бы то ни было в течение трех лет, потому что фехтовальщики как бы будут хвалить вас и с завистью вспоминать вас, и вы научите тому, что они называют едой и питьем, и другими словами, с которыми они будут смелыми, наблюдая за тем, что вам не хватает чего-то еще. Пообещайте мне, потому что это как урок для других учеников, у которых меньше гибкости, чем у вас, которые потом как пройдут урок, создают для себя группировки, объединяя учеников днем и ночью, обучая их публичным вещам тайно. А когда приходят молодые белые парни, через два дня вы забираете мою пищу. А что я чувствую, это что самый главный скажет, буду ли я забавлять, что вы можете научить меня тому, чему я вас научил. Лучшее, что вы знаете, это что я бы чувствовал это в конце. Я говорю вам по своей совести, сказал Эдгемо, и если необходимо, – я приму клятву, которая заставит меня сохранить то, что мое намерение состоит не в том, чтобы постичь оружие, чтобы стать шараханом или обмануть кого-то. Почему, сказал учитель, так плохо преподавать? Творите сейчас, как будто вы фехтовальщики.

Не так уж и плохо учить, ответил Эдгемо, если только это и так не самое лучшее, что есть в мире, и где видна изобретательность и понимание учителя и используется разнообразие остроумия, по отношению к которому это было применено. Но у него было настолько острое и глубокое понимание, что он точно знал свое остроумие, взвешивая и давая каждому то, что требует его душа и к чему у него есть склонность. Он учит истине подтвержденной опытом, а не мнением, потому что совесть учителя свободна от сомнений, а ученики прилежные и старательные, но я говорю, что я не буду учить оружие, находясь в стороне от тех трудностей и ссор, которые я приношу с собой. Главным образом, по мнению одного бестактного снабженца, я заставил одного человека чести сломать себе голову над определенными вопросами с любым невысоким фехтовальщиком. А несмотря на то, что они ясно видят, что он знает и что он может,

и многое понимает, – он остается не фехтовальщиком относительно невежд, а за трусость остается наряду с завистниками, хотя я знаю, что они не будут учтены, потому что мы не позволим сопровождать человека таким людям, которые без блеска и болтливые, как женщины, которые храбры, как вы сказали там, где им никто не может ответить, и лучшая причина в том, что, если я учу кого-то за свои грехи, и с отсутствием их желаний или тени заупости, я помещаю это в плохое место, потому что ловки в грехи теряют свою свободу, когда перед кем-то они окажутся далекими от этой вины, которая на самом деле их. И потому, что, прежде всего, я не заставляю большинство придерживаться мнения, которые имеют невежды, которые могут слушать это и уподобиться в речи низшим людям, которые с завистью стараются проявлять себя против чести других. Хотя те, кто не имеют чести и никогда не находят в доверии своих заслуг, не видели это с силой, если дело доходит до их рук. Они должны изгнать добрых людей с их отвратительными словами и злонамеренными понятиями, поскольку с поступками и деяниями они не могли, и не могут приобрести некоторые из них, делая мало. Таких в Севилье можно было бы пересчитать по пальцам рук, и пальцев бы хватило, потому что, как вы знаете, и до сих пор больше всего уделяется вниманию многословию и отваге для того, чтобы услышать о многих опасностях, с которыми вы связаны, и подчиняться человеку чести. Моя воля уже очевидна, и вы знаете, что я должен делать после фехтовальщика для того, чтобы потерять меланхолию. Есть много доводов для тех, кому Эудемио так решительно отвечал, потому что они поняли, что учитель будет сердиться и больше не будет места, чтобы слушать его, но он почувствовал, что сказал Эудемио, не останавливаясь на этом, скрывая сначала свой страх, подумав обмануть его, поэтому он ответил очень спокойно. Дай Бог вам здоровья, сын мой, что вы удовлетворили меня тем, что сказали. Знаете ли вы, что понятно из ваших слов? Что вы всю свою жизнь – постоянный мастер фехтования, хотя обещали мне не обучать. И я хочу, чтобы вы спрашивали меня, что захотите. В таком случае, сказал Эудемио, что я теперь хочу знать, это как вы стали настолько умелым фехтовальщиком и способным обучать, рассуждая о вашей жизни. Учитывая, что у вас есть удобный момент, ответил учитель радостно, давайте сядет, я воспринимаю вас как друга, и потому скажу вам кое-что. Мелусо падает, потому что больше не может переносить это, потому что, если я рассержусь на него, и даже со всем, что связано с его делом, – все будет только хуже. Первое, что я дал, чтобы доказать свою способность, – я создал книги кавалерии и в них дал волю чувствам, насколько мог. Я так устал и мне было так плохо, что я оставил это дело, хотя они были не так уж плохо, и когда другие присоединились к нам, в мире не было ничего, кроме нас, и моих трудов. И многие спрашивали меня, и были рады вникнуть в это, но у меня не было возможности поехать, прежде чем мне дали деньги на бумагу, чернила и перо, оставляя меня без них, с

работой и расходами. Потом он дал мне это, чтобы я написал книги об оружии, как делали все фехтовальщики того времени. А я написал трактат, который охватывает все сделанные и существующие в этом мире уловки, и надолго приказал их испытывать и исследовать. А я говорю вам, что и граф, имени которого я не помню, бросает мне это в ноги, потому что я этому способствую и передаю для вашей жизни и моей. Он подозревал, что такое будет публично, если мое учение придет в этот момент, и все те, кто знал, понимали, что это все, что у вас есть впереди. Каждый из фехтовальщиков до сих пор плохо охраняет вас с этим правом. Видел, что мое дело уже стало публичным. В качестве основного средства я выбрал всех тех, кого научил давать описание моего мастерства, чтобы каждый в своем доме смог учиться, и по тому, что мои ученики могли сказать, что я тоже был мужчиной, чтобы создать любую книгу. А я до сих пор помню некоторые приключения, которые у меня были, потому что они превознесли меня, наряду с тем, что они так много слышали о том, что говорили, отдаляясь от меня и приближаясь к вам, чтобы открыть человеку свое мастерство для скрупулезных людей, больше обманывая бедных, которые не понимают, что никто не увидит их, которые не говорят, что это принадлежит им. Потому что мне кажется, что это вещи, которые я делал с большой осторожностью. А у меня есть доказательства ваших высоких и низких соблазнов, замечательных вещей. Я бы не хотел их озвучивать, потому что я потом не сделаю вам грузную книгу, услышав приказ, который я несу в своей книге, потому что я не сказал даже человеку из этих фехтовальщиков, которые на данный момент не идут домой. А все, что вы слышали в моей книге, они делают в своей, только чтобы обманывать других и быть подобными мне, но кем они хотят быть? А кем я хочу, чтобы они были? Потому что они не расхваливают нашу способность писать книги об оружии, рассказывая нам, что у нас уже есть готовый трактат. А хотя это закончено, потому что два листа не пухнут от всего, что они знают, будучи самым чуждым, они говорят, что это начало, чувствуя конец. Дайте мне несколько написанных произведений, сказал Эудемио, или как все – оригинал, чтобы в ваше отсутствие я вспомнил все, что вы знаете, и исходя из пользы ваших уроков, скажу, что некоторые, кто остановились, не должны быть хорошими. Чем меньше вы знаете, ответил учитель, тем больше пользы вы сделаете в этом искусстве. Сначала я хочу дать вам один урок о бое на шпагах среди тех, кого больше всего в мире, потому что я говорю вам, что я друг, я знаю выбранные уловки, которые никто не знает. Что если бы они могли принести из ада меч в руке, который бы сделали для них. Со всем этим, сказал Эудемио, я хочу знать, ссорились бы некоторые, если бы это было предложено. Мне кажется, что это конец тех, кто изучает оружие. Для чего вы изучаете это, спросил учитель? Чтобы искусство не испытывало недостатка в том, ответил Эудемио, ради чего оно было изобретено. На это, ответил учитель, мне иногда кажется,

что ученые и другие люди имеют мало опыта. А до сих пор им не хватает шрамов, сказала грешник? Как никто не может дать вам причину того, что он не видел, кроме слухов, что то, чему меня учили, никогда не было создано для этой цели, потому что я знаю, что это в своей жизни испытал мой учитель, что он не выходил с поднятыми за голову руками, и я тоже, из того что я говорил вам. Все фехтование передается из рук в руки, и это правда, поэтому вы говорили со мной. Тогда это причина, сказал Молемарко, глядя на Дугемио, потому что они не используют навыки тех, кто заится за то, что узнали об этом, не зная, что такое дух, или в какой степени уменьшилась или увеличилась сила.

Этого я не понимаю, ответил учитель, потому что это плохо, но, когда я сержусь, я никогда ничего не помню об этих порезах и неловкостях, ни об ощущениях, движениях корпуса, ни о нападениях, которые мы используем, когда фехтуем. На это Дугемио ответил, улыбаясь, что это и есть хорошая дестреза, довольствоваться, видя, что вы теперь свободны от истины, как были свободны до ажи. Чарилло хорошо говорит, что вся дестреза – это ложь, и потому мы начали смотреть на все это. Пойдем на урок сражения и используем все оружие. Скорее, вы должны поднять свой палец в знак клятвы, ответил учитель, которой никто, кроме меня, кого я знаю, не научит вас, потому что, если они знают ее, вы все равно не сможете извлечь ни из чего пользу, и не будет человека, который отважится подогреть. Если вы атакуете его так, как все говорят, как я совершаю свои атаки, отнимите силой потом эту шпагу, которая хуже, чем у демона, которую я однажды повредил. Вы тоже экспериментировали со шпагой в ссоре. Вы делали это лучше, чем другие фехтовальщики, которых я знаю, сказал Дугемио, которые для того, чтобы сделать это так же плохо, как всегда, ожидают их несколько раз, когда это было предложено, и они имеют значение для человека, чтобы услышать хвалу тем, кто заслуживает похвалы за свои работы, и взвесить удачу, если они кого-то обыграли в споре. Позвольте мне закончить урок, ответил учитель, или историю, которая вам больше всего нравится. Потом я дам вам правило, чтобы создать того, кто очень храбр, создать фехтовальщика, которого нет. Вы уже морщитесь лоб и сердитесь? Вы довольно странные с этим жеманством, вы не хотите знать, что вам подходит? Я вам не скажу это, чтобы вы не смогли использовать это. Мне кажется, что он хороший человек, за исключением того, что вы можете увидеть устав, который есть у завистников, когда они хотят держаться подальше от тех, кто хочет зла и хвалить тех, кто любит делать хорошее, и слушать тех, с кем вы знакомы, и смеяться, и охранять от них, как от злых людей. За исключением того, что вы никогда не услышите, что все это было для вашей пользы. Но ни одна вещь, которая есть, как моя отважная ссора, которая была такой, что я не знаю, ударил ли я, чтобы порезать его, пока я еще помню число своих противников. Опустите шпагу рядом с кончиком вашей стопы

и прикоснитесь к ней, оголите ногу, отодвиньте ее назад со всей грацией, нанесите удар шпагой по ногам и потом удар ногой. И если они перейдут на другую часть, чтобы скопировать этот удар шпагой также отлично, как и я, уже в корпус в спешке, – снова выставите ногу. В этот момент я вспомнил уловку, которую делал, положение, в котором они были, оскорбления, которые я им говорил, слова, которые они мне говорили в ответ, и раны, которые я наносил. Какой вздор эти правила, которые вы назвали, сказал Эдгемю, это все, что вы рекомендуете? Не говорите мне больше, потому что все должно быть именно так, но скажите мне, почему они поставили число в правиле о шпаге, будучи бесконечным, это можно делать так же и с другим оружием.

Всего, ответил учитель, шестнадцать правил, но мастер Роман создал два поединка, он не хотел, чтобы Эдгемю забыл о ссоре. Подождите, сказал Эдгемю, не спешите какое-то время, не бахвалитесь, давайте немного поговорим о ссоре. Позвольте мне понять, почему, когда учителя дают уроки, – дают их впустую, не тем людям, которые говорят, что им приходилось ссориться с учеником? Разве вы не понимаете, что, когда придет время проверить их, и они окажутся впереди некоторых других мужчин с мечами, им никогда не удастся выполнить некоторые из правил, которые они узнали без защиты? Таким образом все, кто ссорится, не воспользуются своим мастерством, несмотря на страх, который наполнил души невежественных мнений о ссоре, чтобы двигать губами руками? Не рассматривая, сколько он останавливается на ранах, и что он теряет во всех движениях, и сколько нужно знать, – все это дает ему средство пропорции в соответствии с его длиной. Это не очень хорошо, ответил учитель, дать чему-то пройти, чему они обучают. И вам дам сейчас все правила, используемые первоклассно и тайком для современных и старых людей, находящихся в ссоре, для ссор с телом, поощряя с их доблечей, чтобы инвестировать в четыре улицы, чтобы сохранить плащ, защитить девушку, скрыться со сверчками и даже без них, уехать без какого-либо повреждения на узкой улице, вбросить площадь, отдать два круглых щита, чтобы сделать то, что опровергает шпагу, помирить тех, которые не знают, как защититься так, как это делаю я от тех, кто стоял за фронтом, и тех, кто впереди с тысячей новых вещей в то время. Они не веселят нас в том, что для другого так много было упорядочено, что я должен вам рассказать. Все уже так разозлились слышать нелепости дестрезы, которые казались учителю менее причиняющими беспокойство, рассказывая о ссорах, отсылая к вульгарным мнениям. И таким образом, Эдгемю удовлетворил своих друзей, испытывая беспокойство, которое учитель внушил ему. С величайшим терпением, с которым он мог говорить, я уверен, что было бы очень приятно поэкспериментировать с оружием как вы, чтобы выйти свободными из ссор, как вы выходите из величайших опасностей. На что учитель ответил: теперь вы говорите это со здравым смыслом, присядьте

все. Вы должны знать, смотря на меня здесь, что превосходит что. Слава, что у меня есть гестреза, которую вы передаете, чтобы познать страх, который есть у всех фехтовальщиков, уважение, с которым храбрые говорят со мной, сдержанность, с которой мне отвечают высокомерные, внимание, с которым меня слушают судьи, когда я сообщаю о своем праве, слезы молодых людей, больше всех заслуживающих доверия, шум, который они создают, когда бегут, потому что страх, который я вложил в умы людей, очень велик, и так много недоброжелательности, которая росла в них. Это благодаря моему мастерству и мужеству, что представляет настолько великую зависть, которая была больше, чем страх, который заставил меня быть величайшим в мире, чтобы знать, что некоторые разумные молодые люди объединились, чтобы обсудить между собой самого драгоценного смертного, и в храбрости он совершил более решительные поступки, принес в память всю универсальную машину, пересчитывая земли, которые ценили добрые сыновья, и пришли, чтобы сравнить подвиг с дерзким подвигом в храбрости в какой-то части небольших вещей, которые я сделала для молодых людей в разумные годы, а не от презренного духа или смелых воришек, видя, что мои вещи превышают все то, что есть у всех смертных, что царство было грехом в них. Или потому, что ваши величайшие подвиги не могли сравниться с наименьшими моими делами, или потому, что Эудемио всегда для молодежи такой же смелый, как я, когда мне никогда не хватает друзей, которые завидовали им, или азкого движения, желающего разделить мир на лучшую часть, в которой находятся, чтобы сражаться и не давать уроки. Вам повезло, сударь, сказал Мелисо, что вас слушали дамы из этого окна, было бы приятно рассказать вам об этом деле, как человеку, которого слушают красавицы. Девушки для моей жизни, ответил учитель? Думаешь, они будут? В любом случае посмотрите на это лицо, я скажу вам те слова, которые я изучил, чтобы выступить перед дамами и дойти до любой категории. Вы не узнаете больше, чем я вам говорю, сказал Мелисо, потому что они убегают, если они понимают, что мы их видели. Учитель ответил, что это молодые и неопытные юноши, они не видят, что человек может видеть больше, чем мой этот жест, который никому до сегодняшнего дня я не показывал. Когда он меня увидел, я попросил его, чтобы он не ненавидел меня от страха, а обратил внимание потом на это дело среди тех испуганных молодых людей, которые выходили из себя, руководствуясь злой завистью, чтобы забрать жизнь у этого драгоценного смертного, который считается бизнесом. И, дамы, тот, о ком говорят, его знают по делам его. И недостаточно хорошо сказал? Вы меня услышали? Если они услышали хорошо, то будет дело, в котором я нуждаюсь, я пройду через то ущелье, чтобы потом они увидели, как я привожу в беспорядок весь этот лес, и они знают меня и не говорят, что я фехтовальщик, если вы спросите кто я, потому что они не могут перестать быть потерянными на пути для меня, поскольку у меня есть тишина и

изящество, несмотря на то, что я знающий гестреру, храбрый молодой человек. Режтовальщик – нет, я тоже боялся и меня уважали в лесах за всего превосходного Тумаро. А еще больше, когда я взял свои золотые монеты с увертыванием бедра. Каждая девушка, которая видит меня, будет отправлена к тому месту в окне под чистой любовью или чистым страхом, поскольку наступает час концерта. Оповестите моих друзей, насколько хитрым нужно быть, чтобы пронести с собой ночью оружие, и в какое время нужно уйти, и по какой дороге идти. Он знал, что шпага, которую он достал, это хорошее оружие, которое внушает тонкий страх, и трое были помещены в угол улицы, еще шестеро в другом углу с множеством засад. Каждый из них ожидал в страхе, кто из них должен быть первым, чтобы освободить душу этими руками. Перед тем, как сказать это, они послали слугу. Среди замечательных смертных людей с дружеским почтением, если от странности вашей доблести мне предоставляется небольшая вольность, ваше ужасное лицо навело на меня страх, который мое сердце почувствовало в ваших бесчисленных делах, но я буду отгонять мрачные мысли, когда видел хорошую гибкость, и молодого юношу благоразумной внешности, с хорошей осанкой. Я сказал ему, отводя его в сторону от себя, что хочу успокоить себя и усмирить гнев, предаваясь этим порокам, по которым природа сделала меня участником, и с вежливостью и учтивостью, с которыми нужно говорить с молодыми юношами так же смело, как он, с кем вы говорите. А потом ваш разумный слуга поместил свою правую руку на шпагу, которую принес. Бедный слуга убивает левую ногу назад, поднимая по чуть-чуть от кончика до небес, вот так он и начал. Молодые юноши непобедимой компании, господин учитель, как будто у них нет других дел, или они не проводят свою жизнь, упражняясь в чем-то другом, в праздновании своих дел и проматывая честь и достоинство замечательных сынов, видя, что среди живых вы как солнце перед какой-либо звездой. Вы сделали попытку предположения, укоренилась ли эта деятельность вашей славы в чистой истине, чтобы с нашими смертями и вашей победой повсеместно была слава, слышмая в ушах рожденных и нерожденных, обнаруженная голосом народа. Отказываясь с таким большим желанием смеяться, белый юноша покрывает вашу голову. А этими статными тучинами или здоровяками, которые в будущем хотят умереть, вы скажете, что я действительно нахожусь в поисках правды, вынимая сегодня вечером шпагу, чтобы пройти этот этап. Что я прощаю его, и что, когда они увидят меня с мечом высокого качества, и не менее выгодным, я стремительно нападу, и сделаю это потому, что эти молодые юноши один за другим и понемногу, что мне нравится, открывают дверь к смерти, потому что если с этой шпагой меня ранят в сердце, – только два удара видны мне, или один, если я их поймать. Хватит снижать их число и отгонять их жизни. Я хочу, чтобы молодой человек тоже пользовался ссорой, поскольку она моя, и не угаснет в какой-то

момент. Молодой и неопытный юноша разозлился от моих рассуждений, положил руку на свой длинный меч, неуместный как по мне, и сказал: предатель, тиран деспотизма и храбрости, это вы говорите самым ценным молодым людям вселенной. Я пожалел его, но со всем этим я выставил ногу и мой клинок засверкал, я не хотел, чтобы он прикидывался бедолагой. Я заставил его с духом понести новые печали, к которым вы поспешно пришли, как и он. Над его мечом и телом я нанёс ему расчётливый порез, который сломал клинок пополам. Один кусок меча отлетел и прорезал дверь и убил девушку, как розу, которая росла за этой дверью, глядя на меня с восхищением. Она запрокинула руку на собаку, чтобы поточить себе, быстро склоняя голову. Вы слышали, что это был шум и беспорядок из-за наглых и бесовских товарищей. Все, как один, облегли свои ножи, выставляя меня вперед, говоря с беспорядочной суетой: умереть, умереть от наших рук. Я видел нескольких вместе, потому что у меня было больше прислуги, чем привык иметь хоть один из них. Я сделал прыжок в правую сторону, при этом нанёс порез коротким мечом, поваливая шестерых или троих, я не очень хорошо помню. Я орущую своей шпагой над головой и делаю уловку с четырьмя лицами и сломал все мечи, которые попадались у меня на пути, чтобы воспрепятствовать мне. Я нанёс им высокий порез, выставляя ногу с десятой частью правила. Дайте мне восемь из них, которые изтерпят угол, нанёс им такие раны, о которых сыны Адама никогда не слышали и не испытывали. Одного по носу и по руке, нанёс удары ножом, другого в ухо и три пальца на левой ноге, а другого в бедро, смотря на Эудемио, рассказывая о ранах, которые он наносил против звезд, которые оставили для этого место, оставляя после шума, который создает меч во время чьей-либо смерти, и без всякого смысла, к страху, который я внушил с моим страшным лицом, чтобы сформировать удар. Те, кто здоровее и удачливее, были спасены, разделяя все, что могут делать глаза и ноги. Так они и начали говорить, понимая, что не мне, а своей собственной смерти они бросили вызов. Мы уже расквашаемся в том, что попробовали совершить такой подвиг, ты утешает вас стиреном дать нам место, где ты можешь жить для искусства, несмотря на то, что человеческого языка будет недостаточно. На данный момент он заслуживает шпаги, чтобы вести его, а они предаются порокам, бояться и убегают друг от друга, и я кричу по улицам, сокращая путь, пока не устану. Те, кто кричали в окна, начали кричать на своих соседей, говоря им: придите, придите, поспешите и вы увидите, что храбрость всех рожившихся зашифрована в одном. Вместе они просили меня, чтобы моя решимость поутрихла до следующего дня, и я сделал это, надевая плащ на их плечо и засовывая клинок в их ножи, которые молодые и неопытные юноши потом отдали. Разве там были девушки для моей жизни? Все очень растерялись над рассказом и отвагой, с которой мастер обращался к вам. Человек с величайшей наглостью и свободой, которую они когда-либо видели, и желая идти вперед со своими

следати, он не сказа Мелисо ответить ему так, чтобы закончить понимание изобретений учителя и удостовериться в своей отваге и трусости, и о том, когда дамы были с большим вниманием, касательно того, что я им говорю. Вы сказали это шепотом, чего никогда не ожидали от вас. Я расскажу это хорошо видно, давая о себе знать некоторым из них. Я испугался, слушая вас, потому что вы больше не знаете, чего хотите и можете то, что вам взбредет в голову, изобличить во лжи. Кто-то не умер от ран? Тем не менее, какую девушку, сказал учитель, вы видели? Не зная ее хорошо и не разговаривая с ней, я буду бороться за нее на дуэли с теми, кто оставил меня, чтобы дать ей понять, что любовь и коса в сильной ссоре требуют силы и сноровки, и то, чего вы просили у раненых. В конце концов пришло семеро из них, чтобы все раны в вашей и моей жизни были ранами милосердия, которые вам покажутся снаружи, если человек будет давать полную волю своей силе и понукать желаниям. И он оставит мой дух, чтобы создать свой, как в случае со Св. Квентином, или в лечении Фарфаллоа, потому что в домах, куда никто не осмеливался войти, он бросил меня одного, с мечом в руке, разбивая и швыряя железу в командира. Или большая ложь была в том, ответил Мелисо, что мне рассказал один из тех, кто был в этой битве против вас, желая услышать много криков, свидетелем которых ты должен быть, и подтвердить, что вы все входили в этот дом, и не знали, сколько убежало из него. Все они очень стеснялись над тем, что сказал Мелисо, но учитель нарушил их стес, заставив опустить глаза, которые до сих пор были подняты, и, глядя на землю, они отреагировали так, как будто были напуганы, но не потому, что они были в ссоре, а потому, что эту ложь никто не мог видеть, что это не противоречит тому, кто это сказал. Наконец, никто не может злиться на меня, кто завистлив, потому что Бог меня понимает. В другой ссоре, которая была до этого, это правда, что я снова пришел, но не на сто шагов. И здесь делать ничего не нужно, потому что эту ловкость и сноровку я впитал еще с молоком матери. Даже если я сражаюсь с ребенком, он должен быть тем, что вы говорите, когда он делает неверный шаг и падает. И гнев, который мне оставили с тех пор, я не потеряю, потому что вы не могли знать, у кого из руки я забрал меч. Меч, который они забрали? – ответил Мелисо, – что ты говоришь, человек? Ты находишься в них? Для другого вы расскажите какую-нибудь историю, посмотрите на меня, я падаю духом. Я падал на землю от аркебузы, ответил учитель, а мог бы стоять на ногах, чего мне так не хватало. Что вы говорите, – ответил Мелисо? Что я забрал, – сказал учитель, – слугу лейтенанта, вот, что я говорю, а вы убеждали меня опустить его сто двадцать четыре раза. И для этого они принесли балки и снаряжение, потому что иначе это было бы невозможно, вы этого разве не видите? Теперь учитель, – ответил Мелисо, – я заявляю, что я с вами. В тот день я был в ссоре, которая была рядом с Алатийос-дель-Вайе, где из-за чьего-то недостатка и уныния, любой

добрый сын снова переводил дух. И я все еще видел больше того, что вы сказали, и я не забуду легкость, с которой вы вошли. Прежде, чем Мелиса мог указать на место, ему воспрепятствовала учитель, говоря, что нужно добавить эти пять предписаний в это правило для вашей жизни, что у вас всегда была хорошая воля, потому что вы казались мне честными молодыми людьми и не торопили дела, и не использовали много ссор. По этой причине учитель закончил озвучивать все мнения, которые были у вунгарных фехтовальщиков в гестрезе, не пропуская ни одного, для исполнения обещания, которое он дал в начале: что не должно быть ни одной вещи, принадлежащей к оружию, которой бы он не коснулся, и поэтому начал говорить об уловках в своей книге, которые являются самыми употребляемыми среди простолюдинов, которые, по его мнению, точно взяты из оригинала.

Здесь уловки заканчиваются и начинается то, что должно быть сделано, искушая вас, если вы нападете на меня.

Когда я изтираю мечи, я должен исследовать их с середины, напрячь руку и тело, повернуть руку ногтями вверх, закрываясь своим мечом, а затем очень хорошо ударить его по лицу. Что вы называете «изтереть мечи» – сказал Эудемио? Что, если на деле один меч будет больше другого, а один человек выше другого, то уловка будет потеряна? Я подтверждаю то, что говорю, – ответил учитель. В таком случае, в какой стойке должен быть другой, – ответил Эудемио, – чтобы он сделал все правильно, и не ошибся? Прочно установленной, – ответил учитель. Довольно благородная причина для уловки – сказала Эудемио, – и вы исследуете меч посередине? Давайте посмотрим, как выйти из этого положения. Вы не понимаете, что с небольшим движением противника ваш меч легко упадет на пол в силу его освобождения из руки и вашей потери, что даст больше возможностей нанести рану без промаха. Я не понимаю или не знаю то, что вы говорите, – ответил учитель. Так делали все, и сколько раз они делали это в ссоре. Так и есть – ответил Эудемио, – но на каком расстоянии я должен быть, чтобы добиться этой ссоры, о которой вы говорите, что, не зная соответствующих методов, каждый вид уловки с большим трудом будет достигать тела, и если сказать, что тело жесткое, как тогда я должен дотянуться до него? Если я закрою лицо, как я увижу, когда нужно нанести удар? Если я себя закрываю, я укорачиваю меч, и тогда меч противника становится длиннее, не зная, какую часть оставить для риска и почему рана должна быть больше на лице, чем на груди? Быть человеческим телом такого качества, и иметь так много других частей, – где рана может возметь свой конец? Так они научили меня – ответил учитель, – и я так делал со многими, получите расположение или идите вперед. Меряясь силами меча, я должен исследовать его и в то же время выставить левую ногу и руку, нанося удар кулаком в лицо. Хорошо видно, что они меня уважают. Попробуйте выставить левую ногу и руку и дайте ему

немного времени. Так нельзя – сказала Эудемио, – потому что, если он попытается так же, как и когда пытался выставить ногу, как я, после всего этого вы дадите ему возможность нанести рану без его конкретного движения. Если он ударит кулаком, как он оставит меч противника, который он не давал? Или сеньор, который без основания наполняет вашу книгу ловками. Мне не нужно – ответил учитель, – делать фундаментальными вещи больше, чем моя воля и решимость. Благодаря этому я многое делал полезным для грузин в этом мире. Противник держит меч ногтями вверх, я должен попытаться вывести его меч наружу, так же, чтобы ногти на пальцах смотрели вверх, и снизу сделать выпад в его сторону, ногти при этом направлены вверх. Нравую ногу при этом нужно выставить вперед или сблизить с ним, а затем вынуть тело и нанести ему удар, чтобы выбить меч. Если, когда вы придете – сказала Эудемио, – чтобы взять меч таким образом, чтобы попытаться нанести с внешней стороны порез противнику, вы ожидаете, когда он сделает выпад снизу, давая себе возможность спастись, оставляя ваш меч в воздухе, что у вас нет возможности использовать его. А если он нанесет порез и обманет вас, стремительно нападая, вынимая меч, он ранит вас по верху меча. Вам кажется, что вы проявили себя с хорошей стороны? Или если он взял ваш меч таким образом, вы возьмете его меч таким же самым способом, и он сделает вам то, что вы думали вы сделаете ему. А скажите, почему он должен держать меч ногтями вверх, а не в направлении режущей части, или ногтями вниз? Потому что это положение выгодное для вашей головы? Или потому, что вы делаете ловки лучше против тех, кто так делает, чем против тех, кто находится в других положениях? Если позиция, когда ногти смотрят вверх, лучше, чем, когда они направлены вниз, то почему вы советуете тем, с кем вы забавляетесь, держать пальцы ногтями вверх, и что изменение этой позы к режущей части меча или, когда ногти смотрят вниз, кажется, что, если бы это было так плохо, как вы говорите, вы бы радовались видеть такие плохие положения, как позиция ногтями вниз. Посоветуйте изменить это и сделайте так, как вы хотите, и для ваших притязаний лучше потом держать ногти вверх, чтобы выбить меч. А вы притворяетесь что с ногтями, направленными вниз, вы можете выбить меч, хотя этого нельзя сделать с такой легкостью, благородным появлением истины и новым способом обмана. Полемарко и Мелисо остались удовлетворены здравым смыслом, исходящим от Эудемио, с которым им казалось, что учитель будет сбив с толку, хотя они понимают, что он не знает обо всем, что было сказано, но учитель, у которого было меньше стыда, чем они могли думать, глядя на них с серьезностью, чтобы больше растешить, нежели рассердить их, ответил. «Мне не нужно смотреть на вас, Эудемио, только на хороших людей, которые верят мне, чему я учу, принимая это за правду, и я знаю, что вы хорошо изучаете уроки, вы хотите контролировать своего учителя, зная больше, чем вы можете знать. Если я хорошо знаю, что эти

противники те, у которых есть уловки, услышьте, что я знаю, что удовлетворит вас. Меряясь силой мечей, я должен исследовать это, а затем согнуть тело поверх ноги, вставляя ее вовнутрь, достать меч и ударить кулаком в лицо». Подождите, – сказал Эугенио, – если вы попытаетесь согнуть тело поверх правой ноги, и, если у вас не получится сделать это вовнутрь, и, если вы попытаетесь сломать его тело от ноги, – меч должен быть длиннее всего, что противник выставит вперед. Если вы держите его близко с телом противника уже с первым движением, то зачем доставать его? Если будете доставать, то потеряете время, такое движение будет бесполезным, тогда меч противника будет свободен, и он сможет ранить вас. Продвигайтесь вперед, совершая уловки, и говорите об этом тихо. Тогда учитель, который внимательно слушал, не понимая слова, смеялся над Эугенио, и продолжал. «Когда я меряюсь силой меча с противником, я должен попытаться нанести ему удар в лицо с размаха и на обратке перевернуть меч над своей головой и нанести ему выпад с внешней стороны в лицо, вставляя левую ногу, этого вам не нужно говорить?» Я вам уже сказал – ответил Эугенио, – что, если вы ударили его по лицу, тогда отведите свой меч от него, иначе как он, оставаясь так близко, не сможет ударить вас и нанести вам удар в лицо с размаха, чтобы обезопасить себя? Обезопасит ли он себя, поворачивая ваш меч назад за голову? Другой при этом ничего не делает мечу противника? Пока он стоит близко к вашему телу, чем вы к своему, вы с силой нанесете ему выпад, поскольку нет возможности нанести ни режущий удар, ни удар тыльной стороной руки, потому что они состоят из двух принудительных движений. Эти мнения уже настолько плохи, что их нельзя терпеть. Тогда, смотрите хорошо за ними – ответил учитель, – что с одним лишь документом я взял достаточно денег, больше, чем я говорил. Здесь они заканчивают уловки, которые они понимают, как делать, исследуя их, хотя осталось много других, и начинают делать те, которые понимают, чтобы присвоить их. Я сейчас меряюсь силами с противником. Если я буду высоко смотреть, я должен выставить ногу под меч противника и толкнуть его в грудь. Если он не будет стоять высоко – ответил Эугенио, – или, когда вы двигаетесь на него с этим намерением, и в этот момент он сгибается, меняет свою позицию на низкую, – вам все еще кажется, что вы добьетесь хорошего удара? Несколько таких ударов я совершал в этой жизни – сказал учитель, – это очень красиво, и вы будете рады сделать это, испытывая от этого удовольствие, и от моей души, если убьете. Мне кажется – ответил Эугенио, – что так не будет, кроме моего тела и жизни и того, что предоставит житель города, ваш сосед, а вы сделаете нечто новое. Это не так уж и много, что вы говорите о жизни так легко, мнения довольно остроумны. Они прекрасные – ответил учитель. Нанося удары противнику, я должен упасть на левую ногу и, когда увижу, что противник идет на меня, я должен сделать выпад под его рукой. Если я пойду на меч в это мгновение,

- сказал Эудемио, - уловка будет потеряна, и, если я положу меч на грудь, чтобы вы могли находиться в обессиленной позиции, и отпарирую, отклоню наружу ваш удар, это не сильно поможет повалить вас, потому что у вас вся сила сосредоточена в вашей левой ноге, вам кажется, что это уловка изысканная.

Теперь потолчите - ответил учитель. Нет уловки, у которой нет своей противоположности, как и горшка нет без крышки. Более того, если уловка делается медленно, то противник понимает, что вы делаете. Эта привычка уже хорошо воспринята среди храбрых и среди тех, кто оценивает, упрекает, потому что кажется, что лучше осудить его, сказать плохое о вещах, которые, всем известно, что плохие, и с этим свободно сказать что-то против хороших. Но автор не в восторге спорить или возражать уловкам, обычно плохим, (как мы видели). Ему казалось, что также говорили что-то и против тех, кто по мнению являющихся хорошими людьми, по сути, чувствуя, что они не менее вредны для их лживости, чем те, кому не хватает этого мнения, и положить конец краткости и сжатости, чего уже не может быть в этом диалоге, потому что они не имеют этого в своих обратительных сектах. Эудемио попросил учителя продолжить и закончить свою книгу. Здесь уловки и выпады закончены, и начались порезы, зарубки, и в этих уловках уже не стоит придерживаться того, что нужно потеряться силой на шпагах. Собираясь поставить меня с моим противником, я должен силой точно отнять меч и нанести ему порез на теле и выставить правую ногу. Если вас не заметят, на каком расстоянии (спросил Эудемио), вы должны начать эту уловку, и, не зная, куда отклонится меч противника, вы начнете делать эту уловку? Да, сеньор, - ответил учитель, - и очень спокойно. Тогда, - ответил Эудемио, - какое главное движение удара мечом, который вы ему нанесете? Или он отпарирует ваш удар? Кому-то может быть не ясно, - ответил учитель, - что порез очень большой и стремительный удар. Затем, - ответил Эудемио, - с момента, когда вы отклоняете меч меньшим движением без сравнения с вашим порезом, невозможно будет нанести ему удар, даже незначительный. Потому для этого, - ответил учитель, - я с честью все изучаю, чтобы иметь невозможное и ни в чем не нуждаться. Я верю, - сказал Эудемио, - что это хорошие вещи. Вы меня радуете, - ответил учитель, - что вам что-то доставляет удовольствие. Подойдя к своему противнику, я все еще успеваю выставить правую ногу в сторону и ударить его по лицу. А у вашего противника есть меч или нет, - спросил Эудемио? Если у него есть меч, чтобы видеть, что он сделал или в каком положении он должен находиться, вы должны парировать с силой, особенно, если он изменяет положение, в котором вы его изначально увидели, ставя меч в другое место или выставляя его вперед. Определенно, вы уже давно отпарировали его удар, выставляя правую ногу в одну сторону. Вы можете хорошо это сделать, но не во всех позициях, ни после того, как вы выставите ногу, ударяя его в лицо, потому что отклонения удара зависят от

вашей невнимательности и от добровольной защиты противника. Узнайте, учитель, что, хотя я и обманул некоторых, – я не из тех, кого легко можно убедить в обмане, несмотря на то, что они думают, что вы так ответили, – сказала учитель. Я теряюсь силой с противником. А если он не хочет теряться с вами силами, – сказал Эдгемю, – он нанесет вам много ударов ножом в спешке? Отразите эти удары в спешке, – сказала учитель, – и потом нанесите ему удар. Вы хорошо говорите, – ответил Эдгемю, – но пока я не осуществил парирование удара, какой именно удар, в какое время, в каком месте, и под каким углом – это представляет собой затруднение. Я уже говорил, – продолжал учитель, – что мне пришлось силой забрать меч, чтобы дотянуться и приподнять наконечник меча, и приковать на себя внимание в месте встречи, а затем выставить правую ногу на противника и нанести ему порез в голову. Какой изящный мужчина, – сказал Эдгемю. Если вы сначала приковываете к себе внимание, для чего вы должны сломать голову противника, нанося ему порез? Насколько грубы и бесчеловечны вы в исполнении уловки. Я знаю, – ответил учитель, – если он принес стальные очки. Как они могли испортить оба глаза одним ударом, спросил Эдгемю, если только не убивая противника? Нет ничего более, чем писать об уловках и обучать им, говорить плохо о том, что вы не понимаете, не зная, хорошо это или плохо, не понимая вреда, который приходится к тем, кто делает подобные вещи. Я слышала, что некоторые из них умерли насильственной смертью за то, что поверили своим учителям, а не по причине уловки, сделав какую-то из тех, которые вы давали с наилучшими побуждениями. Я не знаю, что вам сказать, – ответил учитель, – чтобы вам хоть что-то понравилось.

Твердо и упорно стоя на ногах, я должен стремительно атаковать его лицо, ноги при хватке меча направлены вниз, и при парировании выставить левую ногу, нанося выпад в грудь. Если, когда он вас обнаружит, – возразил Эдгемю, – он нанесет вам удар шпагой, образуя рану вашего движения, вы будете думать, что он сбил вас с пути, отпарировал ваш удар, тогда вы пойдете и сделаете выпад в его сторону, и он нанесет вам рану своим порезом прежде, чем вы приблизитесь, потому что отклонения ударов в этом случае и принципы порезов не отличаются между собой по происхождению, они очень похожи, потому что неравенство – на конце, и поэтому мне кажется, что вы находитесь в явной опасности. Для этого, – ответил учитель, – есть человеческий дух и упражнения для ног. Находясь в поединке с противником, я должен ударить его рукой и сделать выпад в грудь. Это не хорошая дестреза, – сказал Эдгемю, – а великая глупость и бесчеловечность, потому что знайте, что ударить рукой – больше относится к деревенщине, и выпад вместе с этим. Учитель, это не искусство, а глупость. Моесту врагу, – ответил учитель, – я не только должен выбить меч рукой, чтобы ранить его, но и, при необходимости, сделать это зубами. Я этого не отрицаю, – сказал Эдгемю, но это не касается дестрезы, и

способность сделать этот выпад, не достигнув левой руки с большим упреком, – мне кажется, что это трата времени, обучая этим вещам, прежде чем они будут неправильно поняты, как что-то лишнее и бесполезное, потому что, если ваш противник начнет перемещать меч, чтобы сделать вам рану от своего пореза, в точке, когда он хотел дотянуться до вашей руки, чтобы отпарировать меч, он нанесет вам хорошую рану, потому что ваш удар и удар рукой не совершены в одно движение. Таким образом, они исходят в разное время, один за другим, одно движение будет сопровождаться задержкой и большим вредом, если вы ошибетесь при ударе рукой. А скажите мне, если меч противника частично находится там, куда вы не можете дотянуться, чтобы ударить рукой, – мне кажется, что парирование здесь бесполезно, более того, если противник размахивает мечом, чтобы нанести порезы и другие удары мечом там, где нет входа для ударов руками. Тем более, что человек не может быть внимательным, глядя на кончик меча, потому что он потеряет свои шансы, и меч очень легкий, и зрением нельзя хорошо понять его движения, так что это потерянная вещь и для людей, которым не хватает науки об истинном пути. Вы думаете, что я не видел, чтобы кто-то наносил удар рукой, нарочно оставляя меч в руке, нанося другому удар в лицо, от которого у того осталась большая рана. Вульгарный фехтовальщик говорил: «какой жестокий удар вы сделали ему.» Оружия, – ответил учитель – (как я понял) все обманчивы, и потому удар рукой очень хорош, что является главным из всех. Тогда получается, – сказал Эдгемо, – что, если оружие обманчиво, тогда все, кто имеют к нему отношение, – обманщики, хотя было бы лучше (на мой взгляд) обмануть способом, который вы показали мне в одном из прошлых уроков, которые вы давали нам, прежде чем он начал развивать эту идею, чтобы быть вне опасности. В конце концов это люди, которые также не знают, как и те, кто выставляет наружную повязку, что-то типа щита. Вы заметили ерунгу, Молемарко, в которой они позволили простолюдинам парировать рукой, и что в Севилье была такая потеря. Он видел, как мушкетеры приносили для эффекта стальной нарукавник средних размеров, что-то типа щита, и надевали между их одеждой и рукой, а другие приносили деревянную доску. Прежде чем Молемарко ответил, глядя на учителя, который использовал пластик для его вреда и прекратил свои размышления, он сказал Эдгемо: вы хотите, чтобы я установил вам правила для работы со шпагой больших размеров, указывающие на то, для чего нужно каждое из них, какое использовать тайком, какое первоклассно, какое современное, а какое старое. Вы думаете, – ответил Эдгемо, – заставить меня с двумя или тремя мечами передо мной, чтобы узнать, где я должен начинать эти правила в соответствии с позициями противников, и чтобы я мог применять их в соответствии с движениями, которые они совершали? Потому что, если вы должны обучить и меня в воздухе, как все их постигали, – то я так не хочу, потому что это те, которые учатся

таким образом, чтобы в этих правилах потом не возникала
 потребность. Я хочу изучить эти правила для соответствующей
 необходимости. А скажите мне, если против меня стоят три
 человека, и, если они отдалены друг от друга, и каждый из них
 наносит разные раны, когда один знает порезы, другой удары тыльной
 стороной руки, а третий – выпад, а, если их четыре, и четвертый
 делает все их движения, и все противники могут дотянуться до
 меня, несмотря на то, что я знаю все эти тривиальные лагуности
 работы со шпагой больших размеров, которыми обучают, игнорируя
 тот момент, когда я должен начать защищаться и бежать. Мне
 немного кажется, что я должен воспользоваться этими правилами,
 потому что те, которые должны быть сделаны по правде, – вы о них
 не знали, и вы не знаете, что это такое, вы увидите, как вас
 узнают в настешках. Тогда вы хотите, – сказала учитель, – прустить
 в ход меч и плащ, и вы будете знать, как с ними парировать удары,
 и как нужно будет поворачивать руку, чтобы обмотать противника
 плащом и как отклонить входящую атаку. Какая разница между
 мечом и плащом, – ответил Эдгемо, – а также между круглым
 щитом, битой, мечом и кинжалом, шпагой больших размеров,
 бастоном, пикой и небольшим деревянным щитом, и какое соотношение
 имеет меч со всеми ними? Это очень хорошее оружие, – ответил
 учитель, – по крайней мере круглый щит, меч, кинжал и иногда плащ.
 Вы говорите, – сказала Эдгемо, – парирова плащом, что вы должны
 сделать это, когда противник настигнет вас кончиком своего меча,
 видя, как он вылетает из-под плаща. Я должен выставить левую
 ногу и сделать выпад в его тело, – ответил учитель. Тогда почему,
 – ответил Эдгемо, – нужно больше парировать плащом, чем мечом,
 и когда парирования и отклонения оружия противника уместны и
 хороши и в каких положениях и позициях. Дайте мне причину, которая
 удовлетворит меня, потому что как только я буду удовлетворен, я
 остаю в стороне некоторые из лагуностей фехтовальщиков.
 Подождите, – сказал учитель, – я скажу вам, что лучше, и он немного
 остановился, чтобы взглянуть на Эдгемо, начал рассказывать
 некоторые его плохие стихи, которые Эдгемо прервал, полагая, что
 он будет таким же многословным в них, как и во всех других вещах,
 и сказал ему так: вы так же закончили со стихами, как и с дестрезой.
 Вы меня плохо знаете, – ответил учитель. Хорошо, Эдгемо, здесь,
 где вы узнаете меня по моим великим грехам, обучитесь фехтовать,
 и знать, что я был очень уважаем и очень травмирован поэзией,
 настолько, что после этого я два года был болен от этого честного
 поэта, потому что после еды я делаю больше, чем все, которые
 постиглись. Тогда, – сказала Эдгемо, – у вас хорошая голова, чтобы
 потренировать вас. Чем больше стихов, которые вы должны были бы
 видеть, вы поэтому даёте урок по стихам, и потому, что я вижу,
 что эти господа хотят услышать вас, если вы говорите что-то о
 них, – это не займет у вас много времени, чтобы я остался доволен,
 я больше боюсь прошлой многословности и нудности. Кажется, –

ответил учитель, – что вы ничего не написали в этом мире. Я знаю, что, если бы я работала как вы, я бы работала с протезированием и задержкой. Я ничего не хочу говорить касательно того, почему вы всем своим видом демонстрировали недовольство, настолько, что боялись. Я обещаю вам, – сказала Эудемио, – что, от чувства хорошего я доволен. Как это может быть плохим, – ответил учитель, – если это уже сделано и исправлено? Это будет хорошим, – ответил Эудемио. А сказал он это с таким свойством, что, когда я захочу закончить, я буду хвалить вас, как будто вы не были первым. Я этого не сделаю, – ответил учитель, – я очень рад и доволен вашим мастерством, я слушаю с вниманием, что это великолепная вещь, исключительная, восхитительная, благоразумная, достойная похвалы. Я не сделаю это потому, что я был арестован, написав несколько слов, и посажен в тюрьму Тримара, вы меня понимаете. Но до того, как учитель начал свои стихи, – недовольный глупостями Эудемио сказал ему, или храбрый поэт, или оратор фехтовальщик, я говорю это, не создавая никаких обстоятельств для нашего духа, который должен быть самым главным, по вашему мнению. Будьте благословенны, – сказал учитель, – что нашли во мне что-то хорошее. Скажите, – ответил Эудемио, – вы знаете как писать сонеты? Из хороших стихов не развлекают и не кричат, поэтому я никогда не пишу стихов, не ссорюсь, не фехтую, не даю уроки, а только то, что создает накал и напряженность. Вы остроумный поэт, – сказала Эудемио, – и будучи настолько плохим, у вас есть больше, чем то, что не понимает ни фехтовальщик, ни храбрец. Это повергло учителя в раздумья, до того, когда Мелисо подошел к нему и протянул руку, говоря, что, будучи грустным человеком, вы очень сильны. Если они стоят за установленным порядком работы с мечом, – ответил Эудемио, – кто сейчас придет? Хотя, несмотря на то, что вы жалуете сензора поэта, вы не должны приносить муки. Из этого, – сказала мне учитель, – я бы оказала воздействие на грешника, не видя, что, если король оценивает мечи, это не может поместиться в уты людей, даже если вы объясните прагматичность платьев. Вы отыщите меня, поймаете с ног до головы. Скажите нам, – спросил Мелемарко, – радушно принимая и приветствуя нас в стихах, когда вы устаете от мужества и ловкости? Затем учитель, глядя на него с презрением, продолжал в том же духе, слушая ловки в стихах. Возьмите этот меч, Эудемио, и не внушайте нам то, чего вы не знаете.

Трещина уже идет
 Нанесите туда порез,
 Который они не смогут нанести мне,
 поднимите свое желтое лицо,
 мой сеньор, и сделайте рану.
 Бросьте снизу
 Длинную шпагу, которая попадает в мою грудь
 Не давая мне прийти в равновесие,
 потому что это требует большой работы,
 если я нанесу удар в грудь.
 Поднимите руку и сделайте выпад
 в грудь противника без страха
 Что делаа Бог любви,
 когда он нанес поражение фехтовальщику выпадом.
 Порез, удар тыльной стороной руки и удар холодным оружием,
 парирование и энергичный удар наконечником,
 порез, обман, отклонение удара,
 стремительно нападать, как дуб,
 с хорошим ритмом, мой сеньор.
 На плечах перевернут наконечник,
 и длиннее этот порез,
 когда вы пытаетесь навредить,
 вы упрете как болтун
 не нанеся никому вреда.
 Фехтовальщики, хорошо, вы можете плакать,
 Ведь мои ловки тщательные и деликатные,
 отпаривайте и похвастайтесь этим
 вы очень ловкие трусы
 и именно так вас должны называть.

Этот урок выполнен в виде стиха, чтобы он сохранился в памяти,
 а теперь вы говорите, что стихи плохие, потому что их не
 используют балбесы и шапопаны, как грузие. Все они очень стоялись
 над стихами учителя, и, когда кто-то проворчал, он сказал, что
 с любым из этих стихов, будь то двести или четверостишие,
 вы можете встретиться лицом к лицу с кем угодно, что так есть
 для всех прошедших веков и будущего. Но они достаточно полезны,
 чтобы извлечь из них пользу, которые вы понимаете с четырьмя или
 пятью грузьями фехтовальщиками, и учитель, желает продолжить
 урок и обмануть в своих стихах. Судя по прерван созданию этих
 стихов. Если, возможно, вы хотите сказать то, что он видел,
 делая некоторым фехтовальщиком, кто послаа четверых грузей,
 о которых вы говорили в игре по фехтованию, и они приходят,
 согласовав, что каждый из них возьмет меч, и потом войдет с
 другим фехтовальщиком и храбрым, и нанесет много ударов в виде
 порезов и обратной стороной руки и выпадов без того, что тот

в свою очередь будет защищаться, и когда он устанет, – скажите ему с гордым лицом и сердитыми словами, чтобы он отпустил меч, как если бы он оказал ему большую милость. Пусть он намеренно дрожит, оставляя невежественных людей, чтобы они испугались, и те, кто делают это, чтобы обмануть, когда они играют с теми, кто их не знает, или с теми, не зная чего-то, кто не хотят, чтобы их жалели, он может парировать удары. Позорно смотреть на них, как их ведет страх, и чтобы завоевать авторитет и доверие у вульгарных фехтовальщиков, чтобы иметь их под рукой, как я и говорил, – с этой точки зрения они обретают друзей и учеников, потому что те, кто присутствует там, отсутствуют в столь великой нечестивости, и они должны нападать в бою, поскольку я верю в победу, поэтому они создают повреждения, когда одни ссылаются на друзей. Закончив говорить это, Эудемио был очень рад увидеть, как учитель восхищался, слушая его. Осмотрев его сверху вниз, он постоял некоторое время, не отвечая, пока, наконец, не сказал: вам не было стыдно появляться на улице в той манере, как я стал фехтовальщиком и уважаемым за храбрость человеком среди людей. Вы действительно много знаете, знаете, что я хочу признаться вам в том, что я прекратил говорить об этом учении и сноровке, чтобы остаться с некоторыми правилами, чтобы сделать вас жестокими, если я покажу вам в какой-то момент своего соперника. Они все стеснялись над этим, и больше всего Эудемио, видя мастера, который был оскорблен тем, что они его там знали, но подстрекали насмешками прибытие Филандро, который знал фарс, который уже случался, несмотря на то, что он поздно хотел присутствовать при этом и чувствовать, что все принимают его с большой радостью, в то время как Мелемарко сказал, что он был рад прийти раньше. Учитель позвал Эудемио в сторону и сказал ему: этот приятный, благородный человек – друг? Потому что, если вам нужно учиться у кого-то и брать их деньги обманом – я здесь, я буду также делать, как известно, со всеми видами оружия и вы можете напасть на меня в бою, если вы меня примечаете. Разве ты не знаешь его, – спросил Эудемио, – или не слышал, как он говорил? Разве учитель не сказал, кто может быть этим молодым человеком, фехтовальщик ли это или храбрец, что для того, чтобы знать его, – не обязательно завоевать у меня доверие, и платить за привилегии хороших сынов, на которых я указываю? Это человек, – ответил Эудемио, – плохой, вместе с фехтовальщиками-шарлатанами в каждом виде храбрости, также и они с ним, а он радуется этому. Но что учитель сказал очень расстроено: это дьявол привел его сюда сейчас? Даже в плохой момент может быть приход в этот лес, чтобы быть другом. И несмотря на то, что меня поймают, что многие фехтовальщики спешат сделать, – я хочу, чтобы меня приютили, потому что я помню все неудобства и препятствия, и это все далеко от этого места. Эудемио сказал, что вы не придете раньше, продвигаясь вперед с уроком, который вы будете использовать. Это будет Филандро, который гибок и знает

дестрезу. Он благородный – ответил учитель. Вы уже видели, как теряются силы на шпагах, и как я вас испытываю. Вы видите, что у вас возникает соблазн заметить, как я хватаю ваш меч, хватом пальцами вверх, выставляю их повыше и атакую вас, а затем кладу меч, оставляя его там другим, и наносю удар уже своим мечом в грудь, или обратным ударом в ребра, смеясь, видя, что это хорошо, чем и заслужил имя, с которым наносю (больше случайно) удары тыльной стороной руки и порезы, чем человек из рожденных.

Тогда вы хотите – сказала Фуландро, – чтобы я сказал в этой ловке свое мнение? А учитель ответил, что да. Фуландро попросил у Эудемио меч, и учитель ответил: ибо мечом вы можете говорить, не имея языка, на котором вы разговариваете? Хорошо будет, – сказала Фуландро, – не иметь этого. То, что я хочу сейчас сказать, – это что лучше будет с мечом. Тогда это благородно, – ответил учитель, ища вас, сказав это вам для вашей же пользы. Не ходите в их места с друзьями, которые вас знают, – сказала Эудемио учителю, – посмотрите хорошо, что вы сожалеете, разозлив его. Я говорил и говорю, что захочу, – ответил учитель, – что для войны и для мира я здесь, уже готов. Я не хочу войны, – ответил Фуландро, – потому что по вашей части вы не сможете иметь никакой защиты. Но больше я хочу спросить вас о той ловке, о которой вы совсем немного поведали Эудемио, и я говорю, что ее нельзя сделать, потому что это неверно. Бедный молодой юноша, – ответил учитель, как будто боялся своего невежества, – что хочет научить меня чувствовать боль в этих руках. Причина в том, – продолжал Фуландро, – что атака не должна быть более главным движением, чем то, которое делает рану, потому что часть линии, где заканчивается эта атака, до этого места, где должна быть нанесена рана, – это меньшее, что было сделано от противника. Это из тех линий, – сказала Учитель, – и они нас не предупредят? Здесь у нас будут крики, даже дьявол придет меня сюда, чтобы я был уверен в этом. Ответьте мне, – сказала Фуландро, – о чем он вас спросил, не говорите сквозь зубы, что вы не будете представлять интерес, находясь со мной, потому что я хорошо знаю, кто все эти фехтовальщики. Не убивайте себя, сеньор, – ответил учитель, – ты бы сказал ему, что ты будешь удовлетворять то, что я себе представляю. Чем больше я спрашиваю, Талан будет смотреть на меня лучше, потому что в дестрезе нет такого, как я, потому, испытывая чувство смелости, Эудемио затолчал, не сказав ему, кто я, или что я могу, что я скоро заставляю его унаковать свой пакет и забрать виалу Диего, потому что я был рад, что в этом мире было много людей, с которыми я мог бы проявить себя, не более того. Несторя на то, что вам понравилось то, что я сделала с вашим телом, которое у вас есть, что для того, чтобы быть исключительным поэтом нужно быть безупречным. Даже если это так, как вы говорите, – ответил Фуландро, – звучит плохо из ваших уст, оставляя это дело тем, кто видел ваши ссоры, что они передадут другим истинный рассказ, и вас оценят по тому,

кто вы есть. Хорошо будет, – ответил учитель, – сохранить то, что я говорю, и так и передавать, и нет необходимости общаться с ними. Эудемио свидетель того, что он видел, что я делаю. Кажется, что хорошо, когда у благородного человека мало опыта, и что вы знаете немногих из тех, кто становится свидетелями ссор, на которых они никогда не присутствовали, говоря другие вещи, кроме правды, потому что это ваш друг, который сделал все плохо, и он оказывает на них давление, потому что другом превзошел того, к кому за свою храбрость тянуться все трусы. Это те, кто говорит и болтает, не имея этого, потому что они достойны похвалы, в большинстве случаев потому, что молчат. Это хорошо, – сказал Мелисо, – но я хочу, чтобы вы знали, что тот, кто врет в этом и в остальном, не может обманывать людей в течение долгого времени, потому что лодка не имеет ног, чтобы дойти до них, кто с некоторой осторожностью преследуют это. На это Филандро сказал, что вы очень хорошо говорите, потому что, несмотря на то, что неискренность лжи покрывается красивой маской истины и убеждает завистливых простодушных, грубых, у которых мало силы, ибо сияние истины уничтожает все туманы лжи и разрушает узы обмана и уничтожает невнимательность к злобе, заставляя завидовать завистливых, напуская им лодку в глаза, которые плавают в позорных волнах обмана, желая показать себя мудрыми моряками, но врезаются в скалу, где несчастно и тонут, или окажутся рядом с берегом, потерянные в глазах всех, где их жизнь исчезает и вместе с этим их злоба и подлость, и я хочу продолжить, так как у меня еще есть сомнения, чтобы лишить Мелисо того, что у него есть. А будет хорошо, если вы, учитель, будете более внимательны, чем были, поскольку, хотя Филандро не обнаружил с самого начала, когда учитель выявил обманы, не из-за этого, что предательства, предписанные обычными людьми, были проигнорированы против тех, кто не хочет следовать ложности своих извращенных мнений. Так он продолжал, что не может страдать, потому что делать первое движение в сторону шпаги противника – это жестоко, и остается расстояние до вашего меча, более удаленного от тела противника, чем его собственный. Это движение резкое, он делает его в меньшем пространстве, и имеет такой длинный путь в круге менее главном и случайном, когда оно формирует долгое резкое движение, и имея меч противника настолько маленькой части линии, где наконечник направлен в тело, и противник с легкостью пойдет на вас, чтобы понять конец вашего движения и ранить вас. Что он сказал, – ответил учитель, – этот господин – француз или житель Бургундии? Скажите это так, чтобы мы поняли, мы его похитим и научим говорить о дестрезе с молодым неопытным юношей. Я буду идти по следам с пониманием, – сказал Эудемио, смеясь над ним, – и мне хорошо, что он предложил вам стать учителем, вы поймете лучше. Для этого дайте и объясните причину этого. А потом он замолчал, будучи очень доволен причиной Филандро, потому что он лучше, чем

его спутники, понимали это, но учитель, который не был доволен услышанными вещами, которые он не понимал, ответил: ты остаешься здесь или нет? Очень хорошо, что вам не нужно говорить, потому что я это говорю, и потому что так и должно быть, и потому, что это не может быть чем-то еще, и потому, что я чувствую, что учитель знает лучше, что вы видели Эудемио, с каким самодовольством он приходит говорить по-гречески? Я очень хорошо это понимаю, и, если вы не верите в это, посмотрите на жалобы и сетования, который мой ученик имеет от вас, потому что вы меня не понимаете и не хотите верить тому, чему я учу вас, не имея необходимости говорить, чтобы вас поняли. Эудемио говорит: где он воспитал друга? С кем он общался? Или это жалость бедного молодого юноши, боль, которая у меня есть, чтобы между мной и вами я не притворялся, что вонзал десять мечей. Эудемио очень стеснялся от его глупости, понимая, что, если Фуландро услышит его, он будет относиться к нему плохо, и с большим притворством сказал: почему вы не отвечаете? Потому что, – ответил учитель, – я не понимаю, что говорит ваш друг, и он вас не понимает, и вы его. Я знаю, что это занятие лучше вас или его. Наблюдайте сейчас, поднимите лицо и посмотрите на меня. Не стесняйтесь над Фуландро, потому что я воспринял его так, потому что думал, что он не может ответить. Посмотрите, когда я хорошо говорил, чтобы вы поняли, что не знаете того, что он говорит. Вы не радуетесь этому ответу, чувствуя себя замечательно, или как вы сдержаны и благоразумны, что сейчас вам нравятся мои вещи. А сеньору Фуландро, я говорю: откуда вы родом? Я проживаю во дворце. А с именем все ясно, что если бы его звали Минго дель Робре, как сына Матео Томеса, то ни в чем не будет подозрений. Уйдите со мной, – сказал Фуландро почти сердито, – или приводите в порядок то, что появится. А я не знаю, как он говорит во дворце, когда никогда не покидал государство. Молчи, потому что, если я рассержусь, то вам это придется не по вкусу. Он мне ничего не говорил, – ответил учитель, очень обеспокоенный, – что вы все сейчас здесь. Матеро из них затрагивают это правило хорошего сына, что, хотя вы даёте мне сотню вещей, я не буду сердиться на вас, живите и правьте. Вы фехтовальщик? – сказал Фуландро, – и мастер оружия? Больше кажется, что на словах. Ожидайте, когда я сниму плащ и тогда посмотрим, что вы знаете. На что учитель смуренно ответил: да, сеньор, я фехтовальщик, и подвергал испытаниям Ахилла Мерозо Болонеза, общепринятого мастера, самого образованного человека во всех видах оружия, как Мериин. Истина в том, что вы мне кажетесь честным и добросовестным молодым юношей, и, поскольку вы уже ввязались в это, вы получите благосклонность и расположение, потому что приносите хороший меч, и, если год или два я вас буду обучать, – я знаю, что вы будете использовать. Я благодарен вам, – сказал Фуландро, – и больше за то, что знаю сеньора фехтовальщика. Самая большая честь, что у меня это есть, – ответил учитель, и с

жданностью это «поедаю», понимая стихи. Я это также говорю для плохих учителей, – ответил Филандро, – и для тех, кто не знает этого и не является фехтовальщиком, они обучают других, обманывая людей своими словами и изобретениями, о которых вы хорошо знаете, как будто это вещь очевидная. Что здесь, как и в других видах искусства, мало хороших и много плохих, и что такая тонкая вещь требует большой сноровки и здравого смысла, чтобы достичь пропорции с нужной точкой, поэтому, слушайте г-на учителя, чтобы сделать что-то хорошее. Тот, кто делает это, имеет очень хороший ум, чтобы воспользоваться им в нужном месте, и ясное понимание, и острую изобретательность, чтобы быстро понять подтвержденность духа того, что было до этого, и что стоит наряду с этой неприятностью хороших привычек, которые я буду учить, экспериментировав и замечая в том, с чем я имею дело. А без зависти дать ему все понять с описанием, применяя то, что он говорит или делает, в соответствии с пониманием, которое у него есть, которое он постигает, потому что он теряет то, что говорится, когда изобретательность слуха не доходит до него, давая причины, которые такие, как и ваши. Я хочу говорить на вашем языке и для противника, так как вы знаете лучше меня, что плохо, настолько плохо, как то, что я видел в дестрезе. Нужно быть плохим, чтобы сделать это, и ошибаться, чтобы сделать все правильно, потому что если то, что вы собираетесь сделать, – плохо, то вы, кто делает это – плохие, а если соблюдаете пропорции, – хорошие, пойдете за пределами основного элемента. Вам кажется это хорошим, то, что было сказано. Первое не имеет значение, потому что во мне этого нет – ответил учитель. Последнее я понимаю лучше, чем тот, кто сказал это для жизни моих детей и, таким образом, увидел меня за пределами этой охоты. Хотите себе это дело – спросил Эудемио? Почему он это говорит, – ответил учитель. Ему кажется, что есть в мире кто-то, кто также, как и я это понимает? Остроумный вопрос вас разубеждает, Эудемио плачется. Не ступайте на мою саблю, я так зол, когда думаю, что он плевал на кончики кинжалов, которые они не втыкают в ваши ноги. Что вы говорите, – ответил Филандро, – когда кинжалы воткнуты в вас? Думаю, нам нужно сражаться. Не бойтесь этого, – сказал учитель. На что Эудемио ответил: кажется, что Филандро раздражен. За вашу жизнь Филандро не причинял вам неприятности. Я тот – сказал учитель, – кого он раздражает и сердит, потому что, давая столь хорошие аргументы ко всему, что он спрашивал, он сомневается во многом, что я знаю, и выстелывает то, чему я учу его. Происходит так, – ответил Эудемио, – что Филандро не шутит и не выстелывает без особого на то основания и причины, и теперь я знаю это по правде. Поэтому, потому что вас спросят, хотите ли вы взять это дело, – сказал Филандро, – вы должны говорить долго, несмотря на то, если ты будешь стоять перед этими сеньорами, которым я бы ответил с помощью своей руки, как я делаю с другими более смелыми. Не говорите так, – ответил

учитель, – все с тревогой и страхом, разглядывайте, если не видно того малого, что мне стоило вершить эти дела, которые я бы сделала с тех пор, как вы пришли сюда, но я должен посмотреть на сеньора Эудемио, который находится посередине среди грух грузей, и я хочу, чтобы вы знали, что когда я рассержусь, в то время, как противник говорит со мной, я делаю ему могилу ногами. Он ничего не понимает, и ни один человек не присутствует до того, как не застанет его полуживого или мертвого с новой песней, которую сегодня они напевают клинку, что, если я просто разозлюсь, они вас не видят, кося глаза, которые видели вас. Вы отклоняетесь от середины, – сказал Филандро Эудемио, – не говорите слишком много, вы думаете, что у вас это есть с такими же, как вы. Больше так не будет, – ответил Эудемио, – и я испугался, что вы настолько здоровы, чтобы не проходить через то, что говорит учитель. На это Филандро, подумав, ответил, что он был в какой-то шайке хитрецов, и ему пришлось терпеть интонации, которые они произносят в голосе, когда говорят самым почитаемым людям в городе, и кто знает больше, – говорят плохо, выдвигая им доказательства зрения, что они никогда не видели, что те приходили хвалить грух, подобных им. Вы думаете, что я не наполовину фехтовальщик, уча вас обманывать благодаря лжи и угрозам. Возьмите этот меч и скажите мне здесь то, что вы знаете, пока не оставите его нам, и если это то, что заслуживает похвалы, я обещаю вам, что у вас не будет глашатаю, распространителя новостей, который будет публиковать ваше имя и заслуги, и, если будет плохо (как я и ожидаю) – простите, что я должен испортить имя учителя, и, не давая больше уроков, вы захотите съест всех тех, кто хорошо знает эту профессию. Вы меня, – ответил учитель? Даже сто тысяч таких как вы не будет достаточно, дьявол привел сюда меня, а не гругого? Учитель очень боялся услышать жесткость, резкость характера, с которыми они говорили с ним, и желая, чтобы Эудемио понял это, он сказал Филандро: хорошо, сейчас можно сказать, что август способствовала созреванию пользы в сентябре, подобно винограду, ибо, пока я с ним беседовал, вы обращались с ним таким образом, чтобы делать то, что я слышал. Мы все без лени и флегматичности, мы не пришли сюда ссориться, а, чтобы быть в разуме и радовать себя. Я больше хочу, ответил учитель (с большим желанием уйти, чем остаться там), чтобы мы пребывали в здравом смысле, а не в ссоре, я тоже этого хочу, и как это должно быть? Скажите мне, с белыми или с черными? С белыми, – ответил Филандро, – чтобы это принизило шарлатанов. Не будет этого и с черными, – сказал учитель, – потому что я хочу проэкзотенировать вас, чтобы вы знали, а затем спорить о пластике. Возьмите этот меч, – сердито сказал Филандро (человек, который не страдал от такого безумия), – нам будет лучше нанести грух гругу удар в голову. Если это так и есть, – ответил Филандро, – он увидит Эудемио, который так мало знает своего груга, и так много знает своего

учителя. Отклоните его удар, – говорю я. Учитель ответил, делая шаг назад: шагом вы нам не воспринимаете, Эудемио. Это плохо, что мы ссоримся? Я никогда не видел этого нигде раньше. Фуландро уже достаточно сказал учителю, и он благодарен, что это фехтование на латыни, что в противном случае прошло бы. Снова возьмите меч, – сказал Фуландро, – не упустите его. Вы думаете, что, если мы толчим, то ничего не знаем? Или, – сказал Мелисо, – как плохо вы, Фуландро, относитесь к учителям? Потому что даже в тогиле я не уверен в нем. Они надеются, учитель, увидеть кровь, которая, в зависимости от удара, была тяжелой, я думаю, тебе больно. Это ничего, – ответил учитель, – нет ничего, чтобы увидеть, что все это немного красное вино, позвольте мне понять, этот фрукт обычно тот, который я приношу, остерегайтесь, возвращайтесь, почему Фуландро смеется? Я не вонзал в вас тысячи мечей спереги. О меня? – сказал Фуландро. Когда? Здесь есть Мелисо и Полемарко, которые это видели, и ваш ученик, который без преувеличения может защитить обоих. Успокойтесь, – сказал Мелисо. Хитрость пластики, и он, кто убеждает других, прося игры и прощая равенство Фуландро. Теперь, – сказал учитель, – хорошо положите руки на голову и жалуйтесь на удар, это заслуживает тот, кто играет спокойно, не убивая, и чтобы мы больше не будоражили никого из нас. Я хочу спросить его в той манере, в какой меня тестировали. Подождите, – сказал Фуландро, – говорить слова, которые изобличают во лжи титул мастера и все его мастерство. Я – мастер города или Алькарии, я знаю, что обманывал сам себя, и многим приводил доводы своих обманов и ложного мастерства, тем, у кого я смиренно прошу прощения за плохой пример, который я им дал, и я сожалею о том, что мало знаю и много лгу, и мне больно от того, что я мог бы знать, если бы тот, кто меня учил, был ученым, образованным, знающим человеком в этой профессии оружия и во многих хороших ловках, о которых я говорил плохо, и об их владельцах, потому что они не хотели говорить со мной, ибо я был простым человеком, и мне стыдно за многие обманы, которые я делал, чтобы меня воспринимали как фехтовальщика. Я прошу прощения у всех тех, о которых я с завистью и ложью плохо отзывался, потому что простолюдины и невежды меня почитают, видя, что я конкурирую с людьми очень квалифицированными, и прошу прощения за плохие слова, которые я говорил. А этих господ с моей землей я прошу указать мне путь, направить туда, где больше можно служить нашему господину, и меньше вредить моим близким. А сегодня лучше защищать меня от дела, которое я лучше всего понимаю, и вы должны сказать гарнизону меча, отойти на два шага назад где-то в половину алмуга, ненавидя и проклиная всю храбрость и гестрезу. Он сделал меня хорошим человеком, и я сделаю то же самое, говоря слова, которые он пожелает. Как правило они видели это в Зоори. Что это, господа, – сказал учитель, – вы хотите высоко повесить меня? Тогда давайте из кожи вон лезть, мы вас оставим без удачи, и без звания фехтовальщика.

Сеньор Эудемио увидел слово о деле, которое я помню. Этот молодой юноша напоминает ему отца? У него есть мать? Кучка братьев, много богатых родственников? Женат ли он? Есть ли у него дети? В случае, если я убью его, меня не так много будут спрашивать, потому что я сержусь, я хуже чумы, заканчивая поколение в двух ссорах. Хотя из-за любви к вам я удовлетворен тем, что он умирает один и, если вы хотите увидеть большую жалость, что, в конце он станет вашим грузом, – идите и возьмите меня с собой, потому что я не показываю вам поверхностные вещи. Черт возьми, – сказал Эудемио, – вы что, не видите, что он насмехается над вами, что вы говорили в ссоре. Я верю ему, – ответил учитель, – потому что я действительно не мог говорить, не лишив его жизни и не рискуя своей свободой. Вы заметили, как я остановил вас, играючи? Что вы думаете о борьбе? Я ничего не видел, – сказал Эудемио, – кроме ударов сегодня, я видел, что вы не проявляете слабости, а только великое сердце, даже если нет того, кого бы вы учили пользоваться своими знаниями, которые на данный момент являются таковыми, вы не похожи на других мастеров, которые никогда не воспользуются необходимостью этой жесткости, кто обучает учеников. Вы хорошо говорите, – сказал учитель, – понял ли это сам Филандро? Я хочу спросить, ответьте мне затем, не задумываясь, я собираюсь вас протестировать, я говорю Эудемио, я уже начал и прошу вас рассказать мне, кто был первым, кто принес меч в мир? А первый человек, который был фехтовальщиком, был левой или правой? Высоким или низким? Сильным или худым и слабым? Холериком или флегматиком? Легким или тяжелым? Действительно, эти вопросы довольно существенны, – ответил Филандро, – и ваши сомнения не менее важны, чем те, которые грамматисты ставят под сомнение. Если Эней, когда сходил с корабля, прыгнул на землю, то коснулся земли правой или левой ногой, и другие вопросы, достойные смеха. А отвечая на ваши вопросы, я говорю, что первым, кто принес меч, был ангел. Очень хорошо, – ответил изумленный учитель, – но нужно нечто большее, чем просто время, чтобы прыгнуть и попасть в цель. Спросите меня больше, – продолжал Филандро, – кто был первым, кто принес в мир школу фехтования, чтобы обманывать, как вы меня уже спрашивали. Я вам отвечу немного погодя. Какая часть тела находится в большей опасности, когда человек находится в драке? – спросил учитель. Я сделала клубок нитей, на который Эудемио кричит, когда не знает, но тот в свою очередь молчит. О чем вы говорите, – спросил Филандро в гневе? Вопрос довольно остроумный, тогда фехтовальщик сможет устранить эти сомнения, бедро или руку в соответствии с контуром, которое имеет тело или положением меча, потому что они являются частями, которые более склонны к мечу противника. Я это отрицаю, – ответил учитель, очень довольный, – что он плохо говорит, потому что должен был сказать, что они ближе к мечу, а не склонны. Все они много смеялись, когда видели вещи, на которых останавливался учитель. А Филандро,

неспособный сдерживать смех, ответил: это я и хотел сказать, нужно будет говорить с вами глупо, невежественно, чтобы вы могли меня понять, хотя я с вами еще не говорил. Это ваша вина. Не сердитесь, – сказала Эудемио, – потому что вы обязаны использовать те названия, которые используются больше всего для понимания. Привет, Эудемио, он спросил, протестирован ли учитель? Для вашей жизни есть некий указ, смеялся Фуландро, я хочу, чтобы вы рассказали мне, какую ловку вы собираетесь использовать? Тело такого типа – выходит за пределы шеи или, если я к нему приближаюсь, то пальцы на хватке оружия направлены вверх, я нападаю на него или он атакует, не пытаюсь что-либо сделать. Нанесите ему таким образом в движении удар, при котором вы тратите время без цели, – сказала Фуландро, – нанеся ему сильный толчок в грудь, который причинил ему боль. Есть переход, как некая ступень, – ответил учитель, – не наносите так сильно удар, помните, что я задаю вопросы, а не сражаюсь, или делаю это, потому что выиграл. Вам нужно было ответить, что такое парирование неожиданной атаки, чтобы попасть в цель. На это Фуландро ответил, что вы не правы в двух вещах. Первое потому, что уверенность в вашей ловке находится в уклонении, которое другой должен сделать при атаке. Если вы будете уделять внимание тому, что вы хотите, то вы потеряете возможность нанести рану, и тогда противник ударит вас, потому что у него есть на это время. И вы боитесь не использовать это, чтобы быть впереди другого, и вы будете похожи на невежественных, которые положили весь успех своего мастерства к использованию меча, чтобы противник отодвинул его в сторону, а не вытащил его, не сделав ничего, теряя сначала замысел и намерение с выполнением противоположной ловки. И вторая причина почему вы не правы заключается в том, что ловки, которые находятся в распоряжении противника, – все ложны, а их концу различен и редко достигается, потому что он зависит от счастливого исхода проявления воли, отчего вы не правы, потому что, если я дам вам сначала совершить вашу атаку, так, чтобы мне нужно было отклонить удар в сторону, а не обращать внимание на рану, не чувствуя в этом необходимости, потому что он делает все неуверенно, когда какое-то движение теряется, и какая-то пропорция нарушена. А Фуландро прав, – ответил Эудемио, – потому что чем скорее будет лучше, тем скорее он сделает ловку. Простите Эудемио, если он противоречит вам, – сказала Фуландро, – потому что это не называется ловкой. То, что я делаю, – не состоит из трех основных движений ваших или моих. Вы тоже против меня, – сказала учитель Эудемио. Вам не удастся взять этого ученика, это заслуживает тот, кто размышляет и ставит это на повестку дня. Разве вы не видите, – ответил Эудемио, – что он прав в том, что сказала? Несмотря на то, что не было привычных голосов, чтобы сказать, что он ответил учителю, а только объявить, что это очень плохо, как есть на самом деле, – услышьте свой разум, что это не то, что есть. Нанесите мне выпад

в грудь с парированием, как учат все публичные и тайные фехтовальщики. Как мало вы знаете, – сказала Филандро, смеясь, – не лучше ли то, что я дал вам без парирования и с меньшим движением – это спросить наперед, несмотря на то, что это закончит убийство. Он не быстро закончил с вами со своими вопросами, – ответил учитель. Наш друг Эдгемон не знает джестрезу, он довольно плох в ней, говорю я и хочу, чтобы вы мне тоже сказали, кто является величайшим другом и врагом главного? Враг главного, – сказал Филандро, – конечно это все то, что наносит урон, как камень, к которому применили силу, а друг главного это рука, если есть чем парировать и защищаться. Я в хорошем проверен, – ответил учитель? За мою жизнь, зная то, что необходимо знать о джестрезе. Для этого они вас зовут, – сказала Филандро? Необходимо, чтобы я сам позвал. Потом мы все окажется дураками и неучами, – ответил учитель, и сказал то, что вы хотите сейчас услышать, – и посмотрите, отвечу ли я лучше. От этого все получили большое удовлетворение, и Филандро, хотя они жестоко показали его учителю, не мог достаточно сдерживать себя, чтобы дать ясного сигнала смеха и сказал ему: учитель радовался тому, что был таким же упрямым, как и я? Но учитель, который был удивлен, увидев, что они смеются, согласился смеяться вместе с ними и сказал, что я напуган, потому, что вы смеиваете их, чтобы увидеть, как вы смеетесь, и ни один, ни второй не понимают, почему они смеются, и не понимая их. А вы, Филандро, думаете напугать меня, говоря о линиях, а не об ударах. Почему вы обманываете себя, ведь не только вы знаете, что я знаю того, кто говорит ему и двум или трем друзьям, которые у него есть, что он делает Книгу Оружия, в которой вы говорите про размер линий от руки до локтя, и от локтя до начала руки. Какой великий вздор, – ответил Филандро, – направляя пластику Мелисо и Мелетарко. Неизвестно, что человеческие понятия не имеют предела, указанного в длине тела, и человеческий рост очень разный. Они не понимают, что говорит этот фехтовальщик о другой вещи, кроме как потому, что они считают это хорошим. Кажется, что все думают, что они уже знают теорию оружия, потому что он говорит это, а не потому, что понимает в своей совести, кто знает что-то из этого, потому что во всем, что он противоречит разуму, и да, возможно, он слышал что-то от нашего друга, кто увидит смешь с тем, что он делает. Скажите ему, что ваше мастерство порицает его за воровство, когда Марциаль говорит о том, кто украд стихи. А он также должен создать безумие и злоупотребление, которое нужно размножить, потому что они думают, что невежественные простолюдины легко пишут трудные вещи, читая об образованных тучинах, не понимающих, что то, что они считают легким, и что они будут делать, – является самым трудным, но, на мой взгляд, наш фехтовальщик сильно устанет, тучаясь с углами и кругами. Верно, – ответил учитель, – что я этого не понимаю, но я заставляю себя тоже отвечать и даже лучше вас. Например, какая хорошая память

пришла ко мне на все мои достоинства, чтобы я ничего не пропустил. Они заметили, что все, кто много приходят, знают, что это не издевательство, как говорили эти молодые люди. Достигнет ли это более двух людей, которые принесли копье или шпату? Не хорошо сомневаться и быть немногословным? Конечно, кто такой же, как я? Вы смеетесь? Тогда мера длины в палец при работе с мечом и пядь при работе с копьем не является большим преимуществом? А копье не достигает цели на большую длину, чем меч? Да, – сказала Мелетарко, – но я еще вот что думаю. Что вы хотите ответить, признавая себя побежденным? Почему, – сказал учитель, – я не говорил хорошо? Что достигнется на большее расстояние? Меня это пугает и просто сводит с ума. Вы не более того, чем вы являетесь в другой науке, – сказала Фуландро, – и поэтому вы не отвечаете на сложные вещи в том, что вы делаете всегда. Я не хочу с вами это обсуждать, оставьте это там для вашего времени. Эудемио был очень внимательным ко всему, что говорил Фуландро, обнаружив истинную настолько убедительную для понимания, что оказался доволенным этим, и сделал ее очень высоко оцененной. Учитель от этого разозлился, потому что ему казалось, что это не подходит к его фехтованию и шарлатанству, чтобы перед этим похвалить другого, глядя на Эудемио с плохим выражением лица. Кривя рот на одну сторону и делая гримасы, он спросил его: а вам это кажется хорошим? Если это правда, – ответил Эудемио, – потому что, не зная науки об оружии, которую знаете вы и другие фехтовальщики, и без тех частей науки, которые, по словам Чарлао, важны для некоторых из них. Я понимаю приведенные причины, и удовлетворен этим пониманием. Послушайте, – сказала ему учитель, – посмотрите на меня хорошо, я вам говорю, что я не понимаю этого, ни он вас, ни вы его. Вы хотите увидеть это, сеньор ученик, я прославляю Бога. Я изучаю все тридцать видов оружия, и вас учил ит, а он нет, и потом не будут проверять его знания. Фуландро смеется с вас. Вы хотите быть дьяволом, лучше молчите, а не злите меня, что послужило бы тому, что разрушит дом у подножья, или спросите заранее, не думайте поддеть меня за то, что я хочу узнать причины. У меня есть двадцать курсов Термании и тридцать курсов по фехтованию здесь, где вы меня видите. Объясните мне тогда, – сказала Эудемио, – почему, будучи концом меча, самой слабой частью, она делает более сильные раны, чем нагоняи для противника, поскольку, имея больше силы, то и удары должны быть сильными? Мы хорошо знаем усталость от этого, которая всегда игнорировалась фехтовальщиками? Это простая вещь, – спеша, ответил учитель. Великая сила – это удар, который он наносит, и меньше силы, если удара нет. Этот ответ никогда нельзя было даже представить, что вы думаете, Эудемио? Почему смеются эти господа? Если вы мне не верите, что я ваш учитель, – говорит Фуландро, – и, если вы рады, не напугав меня, потому что вы не знаете, что вы делаете. Тосподин сейчас думает, отожествляя себя со мной. Мне было хорошо, и

Молетарко, возвращаясь обратно к разговору с Филандро, попросил его попробовать что-то сильное, чтобы он мог понять.

На что учитель сказал, вы намеренно это спрашиваете, чтобы я мог не говорить? Тогда сеньор Эудемио использует многое из этого и не избавляется от того, что они говорят. Я знаю, что, если Чарилео не придет сейчас, я отвечу другим сильным. Все остались удовлетворены ответом Филандро, и были очень рады видеть, как он прошел через образ жизни учителя, который, увидев Чарилео, который вернулся, говорил и радовался его приходу. А Чарилео сказал ему: я очень рад вас видеть, вы многое сделали, но скажите мне, учитель, от чего вы расстроены. Я, сеньор, – ответил затем учитель, – не знаю, действительно ли здесь мое место. Что это? – сказала Чарилео, – вы сидите со своими мечами в руках? Я наслаждался учителем и его тонким умением преподавать, – ответил Филандро. А я нет, – сказал учитель, – тем более вашей практикой или тем, что вы губите. Но правду говоря, я не понимал вас, даже если бы я был очень внимателен. Сколько еще мой ученик, как и сеньор, стесняющийся над своим учителем Чарилео, хочет, чтобы я говорил, и что он хочет, чтобы я сказал. Вы нам рассказали, – ответил Эудемио Чарилео, большую часть того, что знает Филандро об оружии, и только что обнаружил путь, который вы начали, чтобы понять как можно больше что есть что, и он дал такие веские причины, что они были удовлетворены таким образом. Это напугало учителя и ученика. Вы скажете ему, что он испугал вас, – ответил учитель, что вас напугали все. Поэтому, тоже, то чему я учил вас, я учил именно так. На это Эудемио ответил, что он испугался, потому что это было так плохо, и поэтому так хорошо. Смотрите, Чарилео, – сказала учитель, скажите им, чтобы они разговаривали ясно, без обиняков, и вы увидите, пойду ли я пешком даже по площади, и ответите ли вы, даже если находитесь впереди от того, кто разыскивает. Он говорил час на непонятной латыни, которую я не мог понять, говорил, что я скрываюсь в этой жизни, которая была орлом. Тогда знайте, – сказала Чарилео, – что Филандро хорошо понимает обе части науки об оружии, как теорию, так и практику. Вы понимаете этого молодого человека, – сказала учитель. Что, если я хочу разозлиться, судя по тому, как я начал делать успехи, кто будет видеть меня? Вы меня плохо знаете, но я хочу согласиться с тем, что у меня есть проблема в том, что делать. Со временем я возьму ваше вознаграждение, сеньор Чарилео или Чариларго, который пришел, чтобы понять своих друзей, не имея их на своем счету. Я остановил его, и он взял меч. Вы остановили меч телом, – сказал Филандро, – душой и душой, не сказав нам имени учителя? Разве вам не нужно держать свое слово? Это честь, против которой вы протестуете и не могли преодолеть? Здесь есть Эудемио, который поклялся, что вы должны мне титул «Фехтовальщик», и он мой, а вот ваш титул – это ложь. То есть, возьмите этот меч за середину рукоятки, ноги вместе, гарда защищает руку, глаза подняты к небу. Я главный городской учитель,

тиран тужества, и публичный узурпатор дестрезы, убежденный в правде. Я публично пренебрегаю всем тужеством и отрицаю всю дестрезу и всех тех, кто сделал меня невероятным фехтовальщиком, и плохо то, что меня много хвалили. Бог не простит первым, кто дал мне эту роль, и я снова стал слугой хороших людей и вассалом ваших милостей. Это я должен сказать о вещах, – ответил учитель, – которые в этом мире дали мне больше чести и уважения? Я прошу вас затолкать, и советую это вам потому, что я знаю, что, если мы вернемся к прошлому, будут зрота и толпики, и я должен буду пасть, как Рэй, но я понимаю себя и оставляю лучшее время для смерти кзототу. И они не поймут меня в другой раз незамеченным. Я пойду, господин Чарилло, я ваш слуга за все, что потребуется исполнить. Поцелуйте мне ноги и руки, и я не проиграю, пока не выиграю, я поднимая руку и говорю им, что мы широко видим их выходы. Поскольку вы больше не говорите этим сеньорам, – сказал Чарилло, – вы не прервете и не выполните то, что вы должны сделать для хорошего воспитания и развития, и для дружбы на протяжении уже столько часов. Не для чего, – ответил учитель, – я говорил им это очень ясно, но со всем этим предатель во мне, и я в конце доброй касты, я не могу отказать себе в том, чтобы господствовать над друзьями, которые с открытой душой для всякой пользы найдут меня пунктуальным, и порекомендуют меня вашей сеньорите. И сказано это было с большой спешкой, что казалось, что они идут за ним, оставляя всех с большим страхом и хвастовством, о которых Чарилло говорил, что Эудемио пошел с учителем, а Филандро с теми, из которых многие очень рады, что они им ответили. Я не знаю, чем они оплачивали восторг и ликование, которое мне оказывали, если только не передав вам рассказ, который произошел недавно с учителем и его врагом, который жил рядом с больницей, от которого он получил много оскорблений, не будучи в состоянии удовлетворить себя ни одним из них. Люди кричали об этом, решив собрать всех своих друзей, чтобы выяснить, что вызвало сомнения и, в конце концов, образовался совет, решивший, что каждое утро они будут сопровождать его, и что, видя, как он пошел на врага в защите, учитель, который впускает с одной стороны и наносит удар ножом, потом враг сбегал в больницу, которая была поблизости, и все пребывали в такой героической решимости. Враг ушел, и учитель вытащил меч из ножен и шаг за шагом заходил за спину, чтобы нанести рану, как будто он уже привык к этому и советовал это, но он не мог сделать это так быстро или с такой энергией, что человек не успеет даже повернуть лицо и не увидит, что он уже стоит здесь с высушенным мечом, который начал доставать уже свой, чтобы защитить себя от предательства, но учитель был настолько добр, что не продолжал свои действия, и враг бросился назад в больницу. Затем к нему подошли его охранники, чтобы упрекнуть его в небрежности, которая имела место быть при нанесении раны, которой он с большой радостью сопротивлялся, полагая, что все

они хорошо их делали, заявив, что больше нечего делать и нечего желать, чтобы все осталось так, как должно быть. Ваши друзья ответили: о чем вы говорите? Как вы не смогли нанести ему рану ножом? В конце концов он не внушал вам доверия. На это, – скрытно спросил учитель, – удар, который он совершил, не был глубоким? Не для вашей жизни? Вы действительно это говорите? Но правде говоря, вы правы, я теперь помню, что забыл нанести удар ножом, и только вспомнил, как вошел в больницу, как мы тирались, но я уже сделал сегодня один удар, в другой день сделаю другой, он ничего не теряет. Похоже, это было плохое извинение. Все сильно стеснялись над тем, когда вспоминали, как он убежал и забыл про удар ножом, и попросился с Чарилло. Их было четверо, все они были в каких-то домах, где сражались, стеснялись над этой историей и использовали обманы, которые однажды были обнаружены. Вы удивлялись, что на земле было такое великое зло и люди, которые внушали его, и что самое серьезное, что есть те, кто верит и хвалит это, есть те, кто больше рад, что из-за этих обманов истина была обнаружена, и настал порядок в таком большом беспорядке. Они отложили это на следующий день с надеждой на большее разочарование.

КОНЕЦ ВТОРОГО ДИАЛОГА О ЛОЖНОЙ ДЕСТРЕЗЕ.

Автор:
Херонимо Санчес де Каранза
Название:

Философия оружия и мастерство владения им.
Христианская атака и защита.
Диалог № 2

Издатель «ФНН Середняк Т.К.», 49000, Днепр, 18, а / я 1212
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности в
Государственный реестр
издателей, изготовителей и распространителей издательской продукции
ДК № 4379 от 02.08.2012.
Идентификатор издателя в системе ISBN 7696
тел. (066)-55-312-55, (056)-798-04-00
E-mail: 7984722@gmail.com
www.isbn.com.ua

